

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

НЕСПОСОБНОСТЬ
ЛЮБИТЬ

Annotation

Когда обожаемый Кирилл выгнал ее из дома, Ника думала, что жизнь кончена. У них все было хорошо, и вдруг муж заявил, что любит другую. Прошло время, Ника научилась как-то жить без него. И тут пришло страшное известие – Кирилл убит! Его отравили вместе с другом Сашей, когда они встретились на даче отметить день рождения. Сложно сказать, кто несчастнее – мать Кирилла, потерявшая единственного сына, или жена Саши, ожидающая ребенка. Нике пришлось позаботиться о них, хотя она вовсе не собиралась ввязываться в это дело. Ей хотелось только одного – забыть все связанное с тем отрезком ее жизни, когда она была замужем. Но тайна гибели бывшего мужа и его друга не дает ей покоя.

- [Евгения Горская](#)
    -
    -
    - [Евгения Горская. Неспособность любить](#)
      - [18 февраля, суббота](#)
      - [24 февраля, пятница](#)
      - [25 февраля, суббота](#)
      - [26 февраля, воскресенье](#)
      - [27 февраля, понедельник](#)
      - [28 февраля, вторник](#)
      - [1 марта, среда](#)
      - [2 марта, четверг](#)
      - [3 марта, пятница](#)
      - [4 марта, суббота](#)
      - [5 марта, воскресенье](#)
      - [6 марта, понедельник](#)
      - [7 марта, вторник](#)
      - [8 марта, среда](#)
      - [9 марта, четверг](#)
      - [11 марта, суббота](#)
    - [Салли Грин. Нарушенная заповедь](#)
-

Евгения Горская

Неспособность любить

© Горская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежее отпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты – и «Неспособность любить» очередное тому подтверждение. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В романе «Неспособность любить» она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных

перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз... всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Автор великолепно закручивает интригу, не перегружая книгу ненужными сложностями: история получилась достаточно простой, но вовсе не тривиальной. А потому пробираться через хитросплетения сюжета – сплошное удовольствие, я бы даже сказала, наслаждение.

И не найдется даже, дорогие и уважаемые читатели! Я не стану рассказывать вам, в чем там дело и «кто виноват»! Вы узнаете сами, прочитав новый, блестящий детектив Евгении Горской.

Как обычно, я немного вам завидую: я-то уже прочитала, и мне остается только ждать следующей книги...

Татьяна Устинова

Евгения Горская. Неспособность любить

18 февраля, суббота

За окном была серая муть. Данила посмотрел в щель между занавесками, снова закрыл глаза, но понял, что больше не заснет. Осторожно, стараясь не разбудить Улю, выбрался из постели, тихо прошел на кухню, закрыл дверь.

Жена любила поспать, а он любил жену и старался, чтобы ей всегда было хорошо. Сегодня ему хотелось, чтобы Уля встала попозже, утро обещало быть неприятным. Не поехать к Кирюхе на день рождения он не мог. Просто не мог, а Уля этого понимать не желала.

– Ну давай поедem вместе, – уговаривал он жену накануне.

Плестись куда-то за город Уле не хотелось, сидеть там с друзьями Данилы и слушать скучные мужские разговоры не хотелось тем более.

– Он мог устроить нормальный день рождения! – Уля едва не плакала, и Даниле было ее очень жалко. – Можно же в ресторан сходить!

Конечно, можно отлично посидеть в ресторане, но они уже лет пятнадцать в этот день собирались втроем у Кирилла на даче. Это давно стало ритуалом, и никто не собирался ритуал менять.

Ритуал появился, когда все они еще были неженаты, и остался, когда все обзавелись семьями. Забавно, но каждый пытался привести жену на эти ежегодные посиделки, и жены, все как одна, в следующий раз даже не пытались навязываться. Не потому, что разговоры друзья вели какие-то особенные и не предназначенные для дамских ушей, они даже честно старались жен разговорами заинтересовать, но ничего из этого не получалось. Женщины скучали и не могли дождаться, когда наконец вернутся домой.

Данила старался ничем не звякнуть, но Улю разбудил. Она появилась заспанная и такая несчастная, что на какой-то момент он решил от поездки отказаться.

– Уль, я побуду там часика три и вернусь, – заискивающе пообещал Данила.

Она молча пожала плечами – как знаешь.

– Чаю хочешь?

Она опять не ответила. Достала из холодильника сок, добавила кипятку и села напротив мужа, обняв стакан.

– Уля, ну не злись.

– Я не злюсь.

Вообще-то, день рождения у Кирилла был вчера. И Кирилл с Сашей отправились на дачу вчера вечером, а Данила задержался. Вчера он освободился только в десятом часу, друзья к этому времени уже давно должны были спать, поскольку уехали утром и спиртного повезли с собой много. В этот день у них было принято выпивать больше обычного. Да и оставлять Улю ночью одну Данила не хотел. Вот и перенес поездку на утро.

Данила не знал, как остальные, но сам он Кирюхиного дня рождения ждал. Это был единственный день, когда он отдыхал от работы, от мучительных мыслей о том, как не потерять бизнес, и даже от Ули.

Он жевал шашлык, который всегда удавался у Сашки, вспоминал, что ему только чуть за тридцать, что впереди еще вся жизнь, и начинал верить, что удача к нему обязательно придет. Иначе и быть не может.

– Ну почему нельзя пойти в ресторан? – опять начала Уля, подняв на него обиженные глаза.

Волосы у нее после сна были спутаны, и Даниле захотелось их пригладить. Ему было очень жалко жену.

– Не я же приятелей собираю, – в который раз объяснил он. – Кирилл привык отмечать день рождения на даче.

– Он холост, а ты женат!

Вообще-то, Кирюха тоже был женат. Развод с Никой он так и не оформил.

– Ульяша, я недолго.

Она обреченно отвернулась. Он законченный мерзавец, если способен так ее мучить.

Данила поцеловал жену и ретировался в комнату. Потертую старую куртку он приготовил заранее, Уля давно порывалась ее выбросить, а он непонятно зачем не давал. Куртке было лет десять, и надевал ее Данила один раз в году, на Кирюхин день рождения.

Вызвал такси, чтобы самому не садиться за руль, отказывать себе в выпивке он не собирался даже ради Ули. Быстро оделся, сунул в карман куртки бумажник, опять поцеловал жену и с облегчением захлопнул за собой дверь.

Машина еще не подошла, пришлось побродить вдоль дома. Раньше, выходя из подъезда, он останавливался, махал жене рукой. Уля стояла у окна и тоже ему махала. Но это было давно, года два назад. Потом такие прощания незаметно, сами собой прекратились.

А ведь это неправильно. Меньше любить жену с тех пор он не стал.

Желтая машина подъехала быстро, минут через пять. Данила сел рядом с водителем, пристегнулся. Такси он пользовался нечасто и

машинально отметил, что водители в последнее время попадаются русские, мигрантов совсем не стало.

Слава богу, ему повезло с последним тендером, а то впору было хоть самому начинать извозом заниматься.

В машине тихо играла музыка, женский голос подвывал не то а-а, не то ля-ля.

– Не мешает? – спросил таксист, суровый мужик лет пятидесяти.

– Нет, – заверил Данила, запоздало на себя разозлившись. Музыка мешала.

Вечно он так, не умеет на своем настоять.

Машин на дорогах было немного, несколько раз притормозили у светофоров и выехали на трассу. Зима в этом году выдалась морозная и снежная, давно таких не было. Вдоль трассы белели высокие сугробы. Хорошо, если Кирилл с Сашкой расчистили дорожку на участке, а то не пролезешь по снегу.

Фирма выполнит работу, полученную по последнему тендеру, и они с Улей поедут отдыхать: валяться у теплого моря и пить вино. А потом Данила будет думать о том, как быстро и качественно расширить фирму. Он будет много работать и много зарабатывать, и это будут честные деньги.

До сих пор он много работал, но много заработать не получалось. То есть имел он куда больше рабочих, которым платил, но не имел главного – уверенности в завтрашнем дне. Фирма в любой момент могла обанкротиться.

С последним тендером повезло, фирма выиграла заказ на ремонт четырехэтажного корпуса городской больницы. Работу нужно выполнить быстро и качественно, тогда при следующих тендерах у него появится хорошее преимущество.

Нормальные деньги можно зарабатывать только на госзаказах, с частника много не получишь. Тем более сейчас, когда денег у населения становится все меньше.

С тендером вышло удачно. И откат был нормальный, не непосильный, десять процентов от суммы договора. Даже и не откат вовсе, просто благодарность за удачно проведенную сделку.

Это Данила воспринимал спокойно. Не он устанавливал правила, не ему и менять.

Машина свернула к дачному поселку, остановилась у ворот.

– Спасибо. – Данила рассчитался с водилой, вылез, открыл железную калитку.

Дороги в дачном поселке оказались расчищены. Похоже, трактором.

Идти было недалеко, Кирюхин дом стоял почти рядом с воротами.

Приятели еще спали. Крыльцо покрывал ровный слой снега – дверь утром не открывали.

– Кирилл! – крикнул Данила, толкнув дверь. Она оказалась не заперта. – Кирилл!

Он потопал немного, стряхивая снег с ботинок, прошел через веранду. В доме было тепло, он на ходу расстегнул куртку.

Кирилл лежал на диване, а Саша в кресле.

Даниле понадобилось минут пять, чтобы понять, что друзья мертвы.

24 февраля, пятница

На мертвого Кирилла Ника старалась не смотреть. То, что лежало под цветами не было ее бывшим мужем. Тот Кирилл был веселым, шумным, тот Кирилл странным образом притягивал всеобщее внимание и оказывался в центре любой компании. Она когда-то очень его любила.

Молодой строгий священник красивым баритоном произносил слова заупокойной службы. Затекала правая рука, Ника переложила свечу в левую.

Мамин звонок настиг ее за много тысяч километров от дома, на Дальнем Востоке. Фирма заканчивала работы по автоматизации электроподстанции. Никина часть работы была давно сделана и протестирована, и своим внезапным отъездом Ника никого не подводила.

Она ехала до Владивостока по изумительно красивым местам, потом много часов мучилась в неудобном кресле «Боинга» до Москвы, объясняла себе, что Кирилла больше нет, и не чувствовала почти ничего. Разве что жалость к свекрови.

Ника очень страдала, когда Кирилл ее бросил. Она цеплялась за соломинку, и даже то, что он не настаивал на немедленном разводе, казалось ей надеждой на то, что счастье когда-нибудь вернется. Ника думала, что страдания не кончатся никогда, но они прошли. В последний год она почти не вспоминала о бывшем муже, а когда вспоминала, воспоминания не приносили никакой боли. Только грусть.

Сейчас Ника не вернулась бы к Кириллу, если бы он ей это предложил. Она стала другой. Она стала умной и проницательной, научилась видеть людей насквозь. Как рентгеновский аппарат.

Служба закончилась, Ника загасила свечу, вслед за свекровью прикоснулась к бумажной полоске на лбу Кирилла. Свекровь качнулась, кто-то подхватил ее под руки.

Слезы подступили неожиданно. Они текли и текли, платок, который Ника достала из кармана пуховика, промок почти сразу. В автобусе по дороге к ресторану Ника порылась в сумке, достала другой платок, переложила в карман.

Она была чужой на этих похоронах. Мама не отходила от свекрови, а остальных Ника почти не знала. На поминках напротив нее сидел мрачный Данила рядом с грустной участливой девушкой. Женой, наверное. У обоих на пальцах были обручальные кольца, и они не отходили друг от друга.

Данилу Ника знала лучше остальных. Тогда он еще не был женат и

иногда появлялся в их с Кириллом съемной квартире. Еще появлялся Саша, но Сашу схоронили вчера.

– Данила, нужно будет вызвать такси Елене Сергеевне, – беспокоилась Данилина жена.

– Конечно, – кивал Данила.

Такси вызвала бы и Ника, не бросила бы свекровь в пустом ресторане. Да и мама не оставляла Елену Сергеевну ни на минуту.

– Господи, как ее жалко! Данила, нужно обязательно ей звонить!

– Конечно.

На панихиде Ника видела Сашину жену Лизу, от нее не отходил высокий мужчина, сначала показавшийся Нике незнакомым. Лиза смотрела в одну точку замершим взглядом, мужчина страховал каждое ее движение. На поминках Ника Лизу не увидела.

– Как же это могло случиться? – тихо недоумевал кто-то в другом конце длинного стола. – Они же не бомжи! Они же не «Боярышник» пили!..

Данила налил ближайшим дамам водки, Ника выпила вместе со всеми.

– Вы жена Кирилла? – обратила на Нику внимание участливая супруга Данилы.

– Вдова, – хмуро поправил Данила.

– Да, – кивнула Ника.

– Меня зовут Ульяна.

Ника покивала – очень приятно.

Ульяна выскользнула из-за стола, подошла к матери Кирилла, что-то заговорила. Елена Сергеевна повернулась к ней, заплакала.

– Вот такие дела... – грустно протянул Данила.

Ника опять покивала.

– Менты с тобой разговаривали?

– Да.

Когда Ника позавчера приехала к свекрови, у нее были двое полицейских. Задали несколько вопросов и Нике, она ответила. Рассказывать ей было нечего, она не видела и не слышала мужа три последних года.

– Это я их нашел.

– Елена Сергеевна говорила.

Поднялась группа людей – коллеги Кирилла, попрощались. Остались только свои – Елена Сергеевна, Никины родители, сама Ника и Данила с женой. Еще был новый друг свекрови, симпатичный толстый дядька с тихим спокойным голосом. Про друга тихо шепнула мама уже на похоронах.

Ника пересела на два стула поближе к Елене Сергеевне.

Она и раньше видела свекровь редко, только на семейных праздниках. Кирилл к матери ездил чаще, но всегда по поводу. Что-то прибить, что-то починить. Еще ездил, когда у Елены Сергеевны появлялся новый друг. Друзей свекровь меняла примерно раз в полтора года, и Ника искренне недоумевала, где она их находит.

– Ты меня не забывай, Ника, – заплакала Елена Сергеевна. – Звони.

– Обязательно.

Они ни разу не разговаривали за последние три года, но теперь это не имело значения.

Наконец все потянулись к телефонам вызывать такси.

Ника думала, что все кончилось, а все только начиналось.

К вечеру заметно похолодало, мелкий снег сыпал прямо в лицо. Данила стоял возле приехавшей за ними машины и отворачивался от бьющих снежинок.

Уля никак не отходила от Ники. Ника уже приоткрыла дверь своего такси и тоже старалась увернуться от сыплющей в глаза крупы.

– Приходите к нам, – говорила Уля. – Приходите. Данила дружил с Кириллом, и нам надо дружить. Кириллу бы это понравилось.

Кириллу и живому было наплевать на Нику. Данила поморщился.

Наконец такси Ники отъехало. Уля зябко передернула плечами, нырнула в теплое нутро автомобиля, Данила залез следом.

– Она сидела как чужая, – осуждающе покачала головой Уля. Ника жене не понравилась. – Как будто не ее муж умер.

– Кирилл и Ника сто лет как разошлись, – напомнил Данила.

– Ну и что? Он ее муж! Я бы вообще умерла, если бы... Господи, что я такое несу? – Уля испугалась, прижала ладони к лицу. – Дан, я так тебя люблю!

– Я тебя тоже. – Объясняться в любви при водителе было неловко. Данила быстро наклонился к жене, поцеловал лоб под капюшоном шубки.

– И к Саше на похороны эта Ника не пришла! Лиза к Кириллу на похороны пришла, а Ника к Саше – нет. Она ведь знала Сашу, да?

– Знала, – подтвердил Данила. – И Лизу знала.

– Ну вот, видишь!

– Уль, они действительно давно расстались, Кирилл с Никой. Я о ней вообще и не вспомнил бы даже.

– Не хватало еще, чтобы ты о ней думал! – засмеялась Уля и быстро прижалась к плечу мужа. – И все-таки я не понимаю... Ну как они могли

отравиться?

– Да никак, – объяснил Данила. – Убили их.

– Дан! – От негодования Уля от него отодвинулась. – Ну что ты несешь? Зачем кому-то убивать Кирилла? Он что, политик? Боевик?

Он терпеть не мог имени Дан. Когда-то просил Улю так его не называть, но она не слушала. Впрочем, это он жене прощал. И мог ей простить не только это.

Обсуждать в машине убийство было еще глупее, чем объясняться в любви.

– Не понимаю! Как ты думаешь, когда полиция точно скажет, отчего они умерли?

– Понятия не имею.

Такси наконец затормозило, Данила расплатился, выбрался из машины. Жена тоже выбралась, потопала ногами, потянула его к подъезду.

– Пойдем скорее! Холодно.

Даниле хотелось покурить, но он послушно поплелся следом.

Прихожая у них была маленькая, он терпеливо ждал, пока Уля повесит шубу на вешалку. Жена поправила рукава, ласково погладила легкий мех. Наконец захлопнула шкаф, пропустила Данилу.

– А Ника, она кто? – Это Уля спросила уже из ванной, она всегда мыла руки, приходя с улицы. Его тоже пыталась приучить, но не смогла.

– В каком смысле? – не понял он.

– Кем работает?

– А... Не знаю. По технике что-то. Она моложе Кирилла лет на пять. Когда они поженились, Ника еще студенткой была.

Женился Кирилл рано и неожиданно.

Они с Данилой жарили мясо у Кирилла на даче. Лето тогда было жаркое, парни отлично поплавали в пруду, который находился в пятнадцати минутах езды на велосипедах. «Я женюсь», – сказал Кирилл, обжигаясь обугленным с одного бока мясом. «Зачем? – не понял Данила и только потом поинтересовался: – На ком?» Постоянной девушки у Кирилла тогда не было. «Ты ее не знаешь», – ответил друг.

Нику он увидел через пару дней после этого разговора. Ника смотрела на Кирилла влюбленными глазами. В этом взгляде было что-то собачье, и Даниле стало жаль девчонку.

– Лизу очень жалко. – Уля вышла из ванной, прижалась к Даниле.

– Жалко, – подтвердил он.

И вчера, на Сашкиных похоронах, и сегодня на Лизу было страшно смотреть. В буквальном смысле страшно, Даниле казалось, что она прямо

сейчас грохнется в обморок, и хотелось подхватить ее заранее, чтобы не расшиблась.

– Хорошо, что Федя от нее не отходит.

– Хорошо, – подтвердил Данила.

– И Елену Сергеевну жалко. – Уля включила чайник, открыла полку, задумалась. На ночь она пила какие-то специальные чаи и теперь выбирала, какой пакетик бросить в чашку.

– Жалко. – Он легко отодвинул Улю, достал початую бутылку водки, налил в рюмку.

– Данила!

– Одну рюмку, – успокоил он.

Он никогда не злоупотреблял выпивкой, и жена не была абсолютной трезвенницей, но отчего-то терпеть не могла, когда он прикасался к спиртному.

– А Федю ты хорошо знаешь?

– Плохо.

Уля наконец выбрала чай, залила пакетик кипятком, села в уголок стола.

Он никогда не называл Федора – Федей. И Кирилл с Сашкой не называли. Федор приходился Сашке двоюродным братом, пару раз в году они сталкивались у Сашки, когда родственники к нему приезжали.

– Саша стал врачом, потому что у него мама рано умерла? Он хотел помогать людям?

– Не знаю. Может быть.

Сашкина мама умерла, когда они учились в десятом классе. У Сашкиного отца давно была другая семья, и из жизни сына он выпал начисто. Правда, деньгами помогал. Жить с теткой Саша наотрез отказался, и существовал один в трехкомнатной квартире, пока не женился на Лизе.

А женился он, как только ему исполнилось восемнадцать. То есть Лизе исполнилось. Она моложе Сашки на два месяца.

– И все-таки я не понимаю... Неужели правда их специально отравили? Но за что Кирилла травить, а, Дан?

– Не знаю. – Данила сполоснул рюмку, поставил на место. – Пойдем спать, Уля.

– Пойдем.

Выключая свет, он неожиданно предположил:

– Убить хотели не обязательно Кирилла, возможно, Сашку, а Кириллу просто не повезло.

Повезло ему, Даниле.

Уля не ответила, прижалась к мужу, положив голову на грудь. Он притянул ее ближе, обнял.

Противно завыл ветер за окном. Интернет обещал похолодание, и, похоже, прогноз сбывался.

Лизу все время знобило. Она куталась в меховой жилет, стараясь укрыть ладони и локти, но согреться не получалось.

– Федор, ты поезжай, – попросила Лиза двоюродного Сашиного брата, когда он привез ее с похорон Кирилла. – Ты езжай, я посплю.

Уезжать Федору не хотелось. Он боялся оставить ее одну, как будто Лиза собиралась немедленно умереть вслед за мужем. Она бы, наверное, так и сделала, если бы у нее на этом свете не было исключительно важных дел. А такие дела были, и Саша не простит, если она их не сделает.

Самым главным было вырастить их будущего ребенка. Про ребенка еще никто не знал, кроме нее и Саши. Они и сами узнали о грядущем радостном событии совсем недавно, за неделю перед тем, как Саша вместе с Кириллом поехали на дачу.

– Мне холодно, – пожаловалась Лиза, наклонившись над большой Сашиной фотографией. Фотография была со вчерашних поминок, Лиза пристроила ее на письменном столе.

Мама уверяла, что фото с похорон хранить дома нельзя, оно принесет несчастье, но Лизе до грядущих несчастий дела не было. Самое плохое, что могло с ней произойти, уже произошло.

Лиза подвинула кресло, села, положив подбородок на сцепленные руки. Саша смотрел на нее ласково, и ей не хотелось уходить от фотографии.

– Федор ездил со мной Кирилла хоронить, – рассказала она Саше. – Народу много было. А из наших только Ника и Данила с Улей.

Ника Лизе нравилась, а Сашин друг Кирилл – не очень. То есть совсем не нравился. «Да перестань ты! – морщился Саша, когда Лиза недовольно бурчала на очередную Кириллову выходку. – Манера у него такая, придурка из себя строить. На самом деле он нормальный».

Совсем недавно «нормальный» Кирилл протягивал таксисту пятитысячную купюру и разводил руками – других нету. Лиза немедленно полезла в кошелек за сотнями, а Кирилл, выбравшись из машины, объяснял ей, что таксист обязан иметь сдачу. А если не имеет – его проблемы. Лиза точно знала, что мелочь у Кирилла была, он при ней заглядывал в бумажник.

У Лизы каждая встреча с Кириллом оставляла противный осадок. «Не

обращай внимания, – отмахивался Саша. – Он прикалывается».

– Светлана Анатольевна завтра уедет, – сказала портрету Лиза.

Сашина тетя, Светлана Анатольевна, приехала на похороны племянника из Израиля, Сашиному дяде сделали там операцию. Операция была тяжелая, полостная, задерживаться в Москве тетя не могла. Да и зачем? Помочь Лизе не мог никто, а быть рядом с мужем Светлане Анатольевне необходимо.

Зазвонил телефон, Лиза неохотно сняла трубку. Мама проверяла, как она там.

– Ничего, – сказала Лиза. – Ничего.

– Приезжай к нам, – опять заладила мама.

– Не надо, все в порядке, – заверила Лиза. – Я сейчас лягу.

Опять попытавшись закутаться в жилет, Лиза прошла на кухню. Не хотелось ни пить, ни есть, но она заставила себя поужинать бутербродом с колбасой. Будущего малыша надо хорошо кормить. «Завтра же начну нормально питаться», – пообещала себе Лиза.

Из кухни она опять вернулась к портрету. Посидела, глядя на Сашу, вздохнула:

– Пойду спать.

Сил лезть в ванну не было. Лиза свернулась клубочком в постели, закуталась в одеяло.

Спальню они обустроили в бывшей Сашиной комнате. Раньше, когда еще была жива Сашина мама, здесь стояла узкая кушетка, а после свадьбы они купили широкую кровать, потом вместо нее другую, потому что старая почти развалилась. Денег на первых порах было немного, и они покупали отечественную мебель.

Когда Сашина мама умерла, тетя, Светлана Анатольевна, предлагала продать квартиру. Поменять на меньшую, чтобы у Саши были деньги. Наверное, Саша так и сделал бы, но тут с деньгами ему здорово помог отец, ежемесячно выдавал сыну вполне достаточную сумму, чтобы тот мог нормально учиться. Свекор и дальше давал бы деньги, но Саша еще студентом начал работать и от помощи отца отказался. А потом и вообще отдал отцу все полученные когда-то деньги до копейки.

Свекра это сильно обидело, но Саше на отцовские обиды было наплевать.

Все считали, что Саша пошел в медицинский, потому что у него рано умерла мама, но это было не так. Медицина его интересовала, когда еще ничто не предвещало, что Веры Анатольевны скоро не станет. Лиза тогда вообще не думала о будущей профессии и только фыркала, видя у друга

какую-нибудь популярную медицинскую книжку.

– На самом деле нет ничего интереснее человека, – улыбался ей Саша.

Он всегда ей улыбался, всю жизнь, хотя, в отличие от Кирилла, впечатления весельчака не производил.

– А космос? – спорила Лиза. – Происхождение Вселенной?

– Тоже занятно, – соглашался будущий муж. – Но человек интереснее. Происхождение Вселенной человечество когда-нибудь объяснит, а себя едва ли. Человек сложнее Вселенной.

Саша тогда казался ей ужасно умным. Впрочем, он всегда казался ей ужасно умным. Еще он был самым честным, самым добрым и самым надежным, и сейчас ей было жалко и стыдно, что она портила свое счастье ревностью.

Саша не давал ей никаких поводов для ревности, и в глубине души Лиза знала, что ни на какую другую женщину он ее не поменяет, но все равно ревновала. Хорошо хоть, что мучила только себя, к Саше старалась с этим не приставать.

Незаметно Лиза задремала, не зная, что бесконечная череда грядущих дней, о которых ей даже думать было страшно, может оказаться совсем не такой бесконечной. Лиза была опасна убийце, и убийца об этом не забывал.

25 февраля, суббота

Нику разбудила свекровь.

– Ника, – заговорила Елена Сергеевна. Ника резко села в постели, звонка от свекрови она не ждала и отчего-то испугалась. – Лиза вчера на похоронах платок забыла. Выронила на панихиде, а уехала-то она сразу, на поминки не осталась. Платок у меня, ты не можешь ей передать?

– Какой платок? – не поняла Ника.

– Пуховый. Передашь, Ника?

– Передам, конечно.

Какие-то разговоры насчет потерянного платка Ника вчера слышала. Данила спрашивал, кто его потерял. «Мог бы и сам съездить к Лизе», – зло подумала Ника. Данила с Лизой отлично знакомы. Впрочем, ей сразу стало стыдно и очень жалко свекровь, которая использовала любой повод, чтобы позвонить Нике.

– И еще... Кирюша квартиру снимал. Нужно оттуда все забрать. Месяц кончается, к марту жилье надо освободить. Поможешь?

– Конечно.

– Приезжай. Я тебе платок дам и ключ.

Ника нащупала ногой тапочки, поплелась в ванную. Квартиру родители ей купили, когда Кирилл ее бросил. Разменяли свою трехкомнатную на две однушки. До этого Ника с Кириллом квартиру снимали. Мама очень переживала, пыталась и тогда совершить какой-то обмен, но не успела. И слава богу. Теперь Ника понимала бывшего мужа гораздо лучше и поостереглась бы доверить ему собственную недвижимость. Впрочем, не исключено, что в ней просто говорит ревность брошенной женщины.

До дома свекрови ехать было далеко, новое жилье Ники располагалось почти у МКАД. На улице сильно потеплело, эта зима отличалась резкими перепадами температур. По дороге к метро Ника осторожно обходила лужи, уставившись себе под ноги.

Кирилл бросил ее в такой же слякотный день. Странно, но у нее тогда не было никаких дурных предчувствий. Она готовила ему ужин и радовалась, что мясо получилось замечательное, когда в двери заворочался ключ.

– Кирюша! – выбежала к мужу Ника. – Кирюшка, как я соскучилась!

– Мне надо с тобой поговорить, Ника. – Он хмурился и старательно

отводил глаза. А потом посмотрел с жалостью.

То есть тогда Ника еще не понимала, что он смотрит с жалостью. Тогда ей было весело.

– Говори, – засмеялась она. – Только быстро, ужин остынет.

Кирилл повесил куртку, переобулся.

– Послушай. – Он осторожно обошел жену, встал у окна в комнате, уставившись в темноту ночного города. – Наш брак не получился. Нам надо расстаться.

– Что? – не поняла Ника.

Действительно не поняла. Еще утром Кирилл целовал ее на прощание, а до этого ночью им было по-настоящему хорошо, она и теперь в этом не сомневалась.

– Кончай, Ника! – Он начал злиться. Ему хотелось поскорее все разрешить. – Не строй из себя дуру!

Самым стыдным было то, что она долго не могла поверить в происходящее. Она плакала и смотрела на него непонимающими глазами.

– Но... как же так... Кирюша... – повторяла Ника, пока не догадалась спросить: – У тебя... другая?

– Да! – заорал он. – У меня другая! У меня другая женщина, и я хочу остаться один!

Он вызвал ей такси и так и стоял у окна, пока она одевалась. Хорошо, что хоть не вытолкал за дверь. Или, наоборот, плохо? Может быть, тогда она не мечтала, чтобы он вернулся.

Во дворе свекрови что-то изменилось, только Ника не поняла, что именно. То ли подросли деревья, то ли расширили детскую площадку. Впрочем, деревья и раньше были большими.

Ника приезжала сюда с Кириллом пару раз в год, на большие семейные праздники. Если честно, ездить к свекрови она не любила и чувствовала себя в гостях неуютно. Елена Сергеевна здоровалась с Никой ласково, целовала и сразу переставала сноху замечать. Ника улыбалась, когда нужно было улыбнуться, кивала, когда следовало поддакнуть, и с облегчением уходила отсюда на следующие полгода.

Кода подъезда она, конечно, не помнила, вошла вместе с мальчиком-подростком, поднялась на второй этаж пешком, позвонила в дверь.

– Кто? – спросила из-за двери свекровь.

Вообще-то, в двери был глазок, она не могла не видеть Нику.

– Я, – глупо объяснила Ника. – Я, Елена Сергеевна.

Зашуршали замки, свекровь посторонилась.

– Проходи.

Ника замялась, не зная, стоит ли раздеваться, расстегнула куртку и прошла вслед за хозяйкой в комнату.

В дверь заглянул свекровин друг, покивал Нике – поздоровался, ласково обратился к Елене Сергеевне:

– Лекарства прими, Леночка.

– Потом, – отмахнулась свекровь.

Мужчина исчез. За Елену Сергеевну можно было порадоваться, в голосе мужчины слышалась настоящая забота. Нике тут же стало стыдно за такие мысли, женщина только что потеряла единственного сына.

– Вот. – Елена Сергеевна протянула Нике деревенский пуховый платок. – Передай Лизе.

– А это точно Лизин? – спросила Ника, убирая платок в сумку.

– Кто-то сказал, что она потеряла. Она же единственная уехала, не осталась на поминки. У всех оставшихся Данила спрашивал.

Обижаться на Лизу было нельзя, у нее не меньшее горе, но Ника промолчала.

– А ты напрасно не пошла на Сашины похороны. Кирилл с Сашей дружили всю жизнь.

Ника опять промолчала. Елене Сергеевне хотелось забыть, что Ника давно не жена ее сыну. Наверное, ей так легче.

– Вот ключи, Ника, – свекровь протянула ей связку.

Брелок был еще Никин, она сама его сделала лет пять назад. Сплела из бисера, добавив несколько старых бусин. Брелок был красивый, Ника им гордилась.

Но оставила его на столе вместе с ключами, когда уходила из их общего с Кириллом дома. То есть когда Кирилл ее выгнал.

– Елена Сергеевна, – выдавила Ника, – а где Кирилл жил?

Свекровь подняла на нее непонимающие глаза, с недоумением назвала адрес. Адрес был их старый, бывший муж не поменял за прошедшие годы места проживания.

– Только не выбрасывай ничего из вещей, – предостерегла Елена Сергеевна. – Сначала покажи мне.

– Конечно, – кивнула Ника.

Ей бы в голову не пришло выбросить чужие вещи.

До сих пор она и в руки-то чужих вещей без разрешения не брала.

Больше говорить было не о чем. Ника вышла на лестничную площадку, кивнула на прощание, свекровь заперла за ней дверь.

Только спустившись вниз, Ника с запозданием вспомнила, что Лизиного телефона у нее нет. Пришлось звонить Елене Сергеевне,

спрашивать.

Ника уничтожила телефоны друзей Кирилла год назад, когда Кирилл стал для нее просто неприятным воспоминанием. До этого телефоны Лизы, Саши и Данилы казались хоть какой-то связью с прежней любовью, которую она долго надеялась вернуть.

Лиза звонила ей несколько раз, пыталась поговорить, поздравила с днем рождения. Это было почти сразу после того, как Кирилл ее бросил. Они поговорили о чем-то, а потом Ника не выдержала, спросила, есть ли сейчас у Кирилла девушка.

– Не знаю, – сказала тогда Лиза. То ли действительно не знала, то ли хотела Нику успокоить. – С нами Кирилл никого не знакомил. Ника, мужчины часто делают глупости, а потом об этом жалеют. У вас все еще может вернуться...

Она еще что-то говорила в том же роде, а Ника чувствовала себя униженной и хотела поскорее разговор закончить.

Лизу она с днем рождения не поздравила и до печального звонка Елены Сергеевны о ней не вспоминала.

Звонить не хотелось. Ника набрала продиктованные свекровью цифры, к собственному стыду мечтая поскорее отделаться и от платка, и от Лизы, и ото всего, связанного с бывшим мужем.

Лиза проваливалась в полусон и снова из него выныривала. Нужно было встать, через силу позавтракать, но она продолжала лежать, кутаясь в одеяло. Телефон зазвонил громко и тревожно, она протянула руку, отозвалась.

– Лиза, это Ника, – сказала трубка. – Ты забыла платок на похоронах. Можно я его привезу?

Пропажу платка Лиза заметила еще вчера вечером. Платок ей купил Саша. Зима стояла непривычно морозная, а Лиза привыкла добегать до машины без шарфа и головного убора, и муж ее за это ругал. Куплю себе что-нибудь на голову, обещала Лиза и не покупала, она терпеть не могла шапки. В конце концов Саша принес этот платок, который сначала показался Лизе абсолютным уродством. Пока она не разглядела, как красив тончайший пух. Настоящий оренбургский, оценила сестра Татьяна. Не то, что бабки на улице продают.

Когда-то Лиза читала, что оренбургский платок однажды был подарен английской королеве. То ли от воспоминаний о королеве, то ли еще почему, но к платку Лиза быстро привыкла и носила его даже в оттепель.

– Привези, – попросила она Нику и вежливо добавила: – Пожалуйста.

Теперь встать было необходимо. Лиза тяжело поднялась, задержалась у портрета, объяснила, что сейчас придет Ника. Саша смотрел на нее понимающе. Лиза вздохнула, поплелась в ванную. Глядя в зеркало и не замечая собственного отражения, в который раз подумала, что лучше бы не стало ее, чем Саши.

Ника позвонила в дверь минут через пятнадцать, Лиза как раз успела приготовить кофе.

– Вот, – протянула она платок.

Лиза забросила его на вешалку. Вешалка висела высоко, под Сашин рост. Лизе дотягиваться до нее было тяжело. Но она не станет перевешивать. Это их общий дом, и здесь всегда будет ощущаться Сашино присутствие.

– Проходи, – посторонилась Лиза.

Ника замялась. Разговаривать с Лизой ей было не о чем, сидеть просто так – глупо и тоскливо.

– Проходи, Ника. Кофе попьем. – Лиза медленно пошла на кухню, Нике ничего не оставалось как пройти следом.

– Как Елена Сергеевна?

– Да так, – сказала Ника, садясь в угол стола. – Хорошего мало.

– У нее нет... предположений? – Лиза налила кофе в две небольшие чашки, села напротив Ники.

– Что? – В первый момент Ника не поняла, но тут же догадалась. Лиза спрашивала про отравленный коньяк.

– У Елены Сергеевны никаких предположений нет? – Лиза тяжело села напротив, отпила кофе, поставила чашку на стол. На Нику она не смотрела.

– Не знаю, – покачала головой Ника. – А у тебя?

Лиза тоже покачала головой – нет у нее предположений.

– У Саши были враги? – зачем-то спросила Ника. Просто так спросила, не молчать же, сидя напротив друг друга.

– Враги бывают у всех.

Нике всегда казалось, что Саша последний, кто может иметь смертельных врагов. Лизин муж, хотя и был не слишком разговорчивым, производил впечатление человека доброго и надежного. В отличие от бывшего мужа Ники. Впрочем, Кирилл тоже производил неплохое впечатление. Просто он Нику выгнал, вот она теперь и думает о нем плохо.

Похоже, Лизу интересовало только одно: есть ли предположения у Елены Сергеевны. Отчего-то Нике стало обидно.

– Чем они отравились, известно? – Кофе Нике не хотелось, но она

допила.

– Нет еще.

– Я сейчас поеду в квартиру Кирилла, – зачем-то сказала Ника. – Елена Сергеевна просила оттуда все вещи забрать.

Лиза кивнула – правильно.

Больше сказать было нечего, и Ника поднялась. Лиза заперла за ней дверь, села у портрета.

– Я еще не заплатила Варе, – вспомнила она, глядя на Сашу.

Заплатить Сашиной медсестре было необходимо. Саша платил помощнице один раз в конце месяца, а в феврале девушка отработала больше половины месяца. Зарплату Варя не просила и при таких обстоятельствах, скорее всего, не попросит, но заплатить надо.

Помощница Саше была нужна, это Лиза понимала. Саша работал частным образом, на вольных хлебах, ездил на вызовы, принимал больных в специально снятой для этого квартире, и вести регистрацию просто не успевал. Взять Варю на работу попросила давняя приятельница, когда Лиза пожаловалась, как сильно Саша устает. Девочка Варя приходилась приятельнице дальней родственницей, окончила медицинское училище и мечтала об институте. Деньги девочке были очень нужны, семья была небогатой.

Лиза сто раз прокляла себя за то, что черт потянул за язык поделиться своими проблемами. Ей хотелось, чтобы с Сашей работала какая-нибудь старая тетка предпенсионного возраста. Сразу отказать приятельнице Лиза не смогла и с Варей встретилась.

Девчонка Лизе понравилась. Варя смотрела на Лизу такими испуганными глазами, что Лиза сразу ее пожалела. Похожая на колобок фигура, плохо уложенные волосы и испуганный взгляд производили общее впечатление какой-то убогости. Потом это впечатление исчезло, Варя оказалась доброй и веселой девчонкой.

Я поговорю с мужем, пообещала Лиза, и Варя начала работать с Сашей. Долго работала, почти год.

Лиза оторвалась от портрета, позвонила Варе. Телефон оказался вне зоны сети. Девушка уехала на свадьбу к подруге как раз накануне страшного происшествия. Лиза звонила ей, узнав о смерти мужа, Варя заплакала, хотела немедленно приехать, но Лиза медсестру остановила. Это ее горе, все остальные должны жить, как жили.

– Ты не помнишь, кто подарил Александру Ивановичу коньяк? – спросила тогда Лиза. – Совсем недавно, прямо перед твоим отъездом?

– Н-нет, не видела. Ему конфеты подарили в последний день, но

Александр Иванович их мне отдал.

Больше Варя ничем не могла помочь, и Лиза о ней не вспоминала.

Лиза опять вернулась к портрету, но потом решительно от него отошла, заставила себя одеться и уже достала телефон, чтобы вызвать такси, но тут телефон зазвонил, и она ответила Федору.

– Ты как? – хмуро спросил брат мужа. То есть двоюродный брат.

– Никак, – сказала Лиза. – Хочу поехать к Саше в кабинет.

Кабинетом называлась квартира, в которой муж работал.

– Давай я с тобой съезжу, – предложил Федор.

– Давай, – согласилась Лиза. Из кабинета нужно было многое забрать, без помощи она не справится.

Пока Федор до нее добирался, она сидела у портрета и смотрела на Сашу. Самая большая несправедливость состояла в том, что Кирилл человеком был так себе, а Саша на редкость порядочным.

Только убить пытались Сашу, и попытка удалась.

Бутылка с отравленным коньяком несколько дней стояла у них дома. У них, а не у Кирилла.

Окончательной экспертизы еще не было, но то, что отравлен именно коньяк, известно.

Возвращаться в квартиру, где она была по-настоящему счастлива и откуда ее потом грубо выгнали, было противно. У Ники вообще все, что она делала после сообщения о смерти Кирилла, вызывало внутренний протест. Когда-то ей с большим трудом удалось подавить в себе любовь к мужу, и обиду удалось подавить, и она привыкла думать о Кирилле как о совершенно постороннем человеке. Человеке, который не имел к ней абсолютно никакого отношения.

А теперь получалось, что он все-таки имел к ней отношение, и она просто не желает выполнять свой долг. Мысли были нехорошие, злые, но Ника ничего не могла с ними поделать.

Идти от метро до старой квартиры было недалеко, она заметила небольшое кафе по дороге, попросила кофе, села у окна. Раньше этого кафе не было, они с Кириллом несколько раз ходили в ресторан, который располагался чуть дальше к метро. Проходя мимо, Ника не обратила внимания, существует ли ресторан до сих пор. Впрочем, какая ей разница?

Кирилл не любил проводить вечера дома. Предпочитал компании, встречи с бесчисленными друзьями, а если доводилось проводить время вдвоем с Никой, не выпускал телефона из рук. Ника не обижалась, она уважала его работу и его занятость. Сразу после свадьбы Кирилл устроился в фармацевтическую фирму, занимал должность заместителя директора и

действительно отдавал фирме очень много сил и времени.

До этого он работал на «Скорой». Ника познакомилась с ним, когда болела бабушка.

Молодой доктор шутил с бабушкой и мамой и совершенно их очаровал. Сделал бабушке какой-то укол, дождался, когда снизится давление, улыбнулся на прощание Нике и побежал вниз по лестнице. Ника собиралась встретиться с подругой и вышла следом.

– Подвезти? – кивнул доктор на машину «Скорой помощи». Он курил, стоя около кабины.

– Нет, – засмеялась Ника. – Спасибо. Я здорова.

– Это ничего, – успокоил он, бросив окурок в траву газона, и распахнул дверь салона «Скорой». – Садись, до метро подкинем.

Бабушка умерла через месяц после того вызова «Скорой».

Зазвонил телефон, Ника с трудом нашарила его в сумке. Номер на дисплее был незнакомый.

– Привет, – сказал мужской голос.

– Привет. – Данилу Ника узнала сразу.

– Ты как?

– Ничего.

Она должна чувствовать горе, но не чувствовала. Свое горе Ника уже пережила.

Данила молчал, и тогда Ника сказала, просто чтобы что-нибудь сказать:

– К Лизе сейчас ездила, отдала платок.

Данила опять промолчал.

– Сейчас вот еду в квартиру к Кириллу.

– Хочешь, помогу?

– Хочу. – Ника обрадовалась. Входить одной в свое бывшее жилище совершенно не хотелось.

– Ты где сейчас?

– Рядом уже.

– Я минут через двадцать подъеду.

– Давай.

Ника сунула телефон в сумку.

Болтаться около дома было уж совсем глупо, и она нехотя пошла к своему бывшему подъезду. На связке, которую дала свекровь, висел ключ-таблетка, но пальцы сами набрали старый код. Как ни странно, замок щелкнул. Ника вошла в подъезд, поднялась на нужный этаж, отперла дверь.

В квартире царил абсолютный порядок. Беспорядка Кирилл не

выносил. Вся одежда немедленно убиралась в шкаф, обувь мылась и ставилась в тумбочку, каждая бумажка ложилась на свое место. Обычно Ника судорожно наводила порядок перед приходом мужа, потому что могла оставить книжку брошенной на диване, или переставить мыльницу, чтобы до нее было удобно дотянуться из ванны, или сделать еще что-нибудь неподобающее.

Она несколько лет жила, каждую секунду стараясь, чтобы Кириллу было с ней хорошо.

Ника расстегнула пуховик, бросила его на стоявший в прихожей стул. Подумала и перевесила пуховик в шкаф. Это квартира не ее, Кирилла, пусть все будет так, как требует хозяин.

Захотелось пить. Ника открыла холодильник, посмотрела на стоявшую в дверце бутылку минералки. Бутылка была початая. Почему-то прикоснуться к бутылке она не смогла, захлопнула холодильник и налила в чашку воды из-под крана. Чашка была ее старая с надписью «Вероника». Странно, она думала, бывший муж чашку давно выбросил.

Она стояла у окна, отпивая воду маленькими глотками, когда раздался звонок в дверь.

– Привет, – распахнула дверь Ника. – Заходи, Данила.

Отправляясь к Нике, Данила чувствовал себя виноватым, Уля любила, когда по выходным он ездил с ней в питомник.

– Позвоню Нике, – решил он утром, сидя за завтраком напротив жены.

– Зачем? – удивилась Уля. Просто так удивилась, без обиды.

– У нее сейчас хлопот много, – объяснил Данила. – Надо помочь, Уляша, Кирилл с Сашкой были моими друзьями.

Единственными его друзьями.

– Лизе Федор помогает, а Нике и Елене Сергеевне помочь некому.

– Да ты же сам говорил, что Ника и Кирилл разошлись сто лет назад! – Уля все еще удивлялась, не начинала обижаться.

– Все равно, она же до сих пор его жена.

– Не понимаю, – потрясла головой Уля. – Чем ты можешь ей помочь?

– Сейчас узнаю. – Он вышел за телефоном, вернулся, чтобы говорить при Уле.

Он старался ничем не обижать жену. Жаль, что не всегда получалось.

– Съезжу, – поговорив с Никой и отключая телефон, сказал он. – Думаю, что ненадолго.

– Да какая теперь разница! – Уля сразу сделалась грустной и обиженной, он очень ее жалел. – Ты даже забрать меня не сможешь! Не

поедем же мы назад на двух машинах.

– Потерпи, малыш, – попросил Данила. – Форс-мажор, ты же понимаешь. Буду успевать, приеду за тобой на автобусе или такси возьму, а вернемся на твоей машине. Ладно, зайка?

Уля печально отвернулась, сунула грязные тарелки в посудомоечную машину. Он быстренько ретировался, чтобы не видеть обиженного лица жены.

Сегодняшняя пятница была нерабочей из-за каких-то переносов праздничных дней. Эти переносы только путали людям планы, но государственные мужи упорно заботились о народе таким своеобразным способом. Впрочем, длинные выходные, наверное, позволяли кому-то съездить среди зимы на теплое море. Скорее всего, тем же государственным мужам.

Обычно по выходным Данила отвозил жену в собачий питомник, ждал ее час-полтора, дольше Уля там не задерживалась, и вез назад. Он любил эти поездки. Летом вообще было отлично, Данила ложился на травку и блаженствовал. Когда холодало, просто прогуливался по окрестностям, а зимой или в дождь терпеливо сидел в машине. Пожалуй, это было единственное время, когда его никто не дергал, когда можно было собраться с мыслями или, наоборот, отключиться от надоедливых мыслей.

Питомник был Ульяниной страстью. Данила с жуткими мытарствами выбил ей небольшой участок почти сразу за Окружной, долго согласовывал бумаги с санэпидемслужбой, за одно лето построил небольшой домик для персонала и вольеры для собак.

Участок находился рядом с деревней. Деревенские такому соседству рады не были, и Даниле стоило приличных денег утихомиривать их возмущение.

Чертов питомник вообще сжирал кучу денег.

– Уленька, я пошел. – Быстро одевшись, он обнял жену, постоял, уткнувшись в пушистые волосы.

– Ты точно ненадолго? – Слава богу, большой обиды на этот раз не случилось.

Когда Уля обижалась, он искренне переживал. Не за себя, за нее. Ему становилось очень ее жалко.

– Точно, малыш.

Хоть за ночь и потеплело, зима не собиралась отступать. Данила включил печку, поевившись на пока еще холодном сиденье.

Уля обожала собак. Кошек она обожала тоже, но с кошками было гораздо больше проблем. Держать животных постоянно в клетках Уля не

хотела, животным нужно двигаться, а выгуливать кошек куда как сложнее, чем собак. Во всяком случае, жена так считала.

Москва оказалась почти пустой, до дома Кирилла он добрался быстрее, чем ожидал. Он давно здесь не был. Когда Кирилл жил с Никой, Данила с Сашей приходили к ним часто, а когда Ники не стало, – считанные разы. Казалось бы, должно быть прямо наоборот, женщины мешают мужским компаниям.

– А где Ника? – удивился Данила, заглянув однажды к другу. Данила тогда случайно оказался рядом, вот и зашел.

Он до сих пор удивлялся, как заметил тогда кардинальное отсутствие жены друга. Вроде бы Никины вещи и раньше не мозолили ему глаза.

Кажется, удивило отсутствие очередного Никиного рисунка. Ника любила рисовать и вешала в прихожей на один и тот же гвоздик очередную картину. Прежняя пропадала бесследно.

Наверное, рисовала Ника неважно, она, по ее же словам, рисованию училась очень недолго, но картины Даниле нравились. Лизе тоже, однажды Лиза даже попросила Нику подарить ей очередной пейзажик. Правда, Данила не помнил, ушла ли Лиза с подарком.

– Ники здесь больше нет, – засмеялся тогда Кирилл. – А что? Ты соскучился? Могу дать телефончик.

– Телефон у меня есть. – Даниле стало противно. – Ты же сам мне его давал. Помнишь? Когда мы должны были на вокзале встретиться, а у тебя мобильник садился.

– Ну так позвони, если скучаешь.

– Вы разошлись, что ли? – догадался Данила.

– Ну ясное дело, что разошлись! Все! Хватит! – Кирилл залпом выпил вискарь, который в тот раз принес Данила.

– Кирюх, а она ведь девка хорошая, – не отставал Данила, тоже допив виски.

– Послушай, что я тебе скажу. – Друг приблизил к Даниле лицо. Он тогда заметно опьянел, даже глаза показались Даниле бесцветными. – Никогда не женись на хорошей девке! Помрешь от скуки.

Даниле тогда стало очень жалко друга.

Потом он Кирилла не жалел.

Потом он его ненавидел.

Из подъезда выбежали две молоденькие девчонки, Данила придержал им дверь. Одна поскользнулась на ступеньках, но на ногах удержалась, засмеялась. Неожиданно Данила показался себе почти стариком. Чувство было незнакомое и пугающе грустное. Не так уж часто он виделся с

друзьями, а теперь внезапно почувствовал себя совершенно одиноким, как будто перенесся в чуждый, незнакомый и враждебный мир. Захотелось плюнуть на все, поехать с Улей в питомник, посидеть одному в машине.

«Закончу все поскорее, – решил он, нажимая на кнопку звонка. – Побуду здесь часик и уеду».

Есть не хотелось, но Федор заставил себя дожевать мясо. Мать поставила перед ним кружку с чаем, подвинула вазочку с конфетами.

– Не будешь успевать, ничего страшного, – предупредила Светлана Анатольевна. – Я спокойно вызову такси. Только позвони за час, не позже.

– Я успею, – пообещал Федор. Допустить, что мать одна поедет в аэропорт он не мог.

Мать сильно сдала, когда выяснился диагноз отца, и совершенно потерялась после смерти племянника. Раньше она была уверенной, веселой, острой на язык, иногда даже злой. На язык злой, в смысле.

А теперь смотрела на Федора измученными усталыми глазами.

– Я прекрасно доеду одна. Лизе ты нужнее.

Он не стал отвечать. Допил чай, быстро оделся, крикнул, что уходит, и сбежал вниз по лестнице.

Лизу ему было жалко до смерти.

Раньше мать Лизу недолюбливала. «Это ненормально, – возмущалась мама, – когда такая молоденькая девочка живет у парня».

Вообще-то, Лиза тогда еще у Сашки не жила, просто они все время были вместе. Только на ночь расставались.

«Что же тут ненормального? – смеялся отец. – Молодые влюблялись, влюбляются и будут влюбляться всегда».

Мама фыркала, злилась, называла поведение Лизы распушенностью. Ругала семью, которая совсем не следит за девочкой.

На самом деле мать просто очень беспокоилась за Сашу. Федор оснований для таких переживаний не видел ни тогда, ни сейчас. Грустно, конечно, что тетя Вера, Сашкина мама, так рано умерла, но ведь Саша к тому времени был совсем взрослым парнем.

Мать боялась, что Лиза «окрутит» Сашу. Родит ребенка, а Сашенька потом всю жизнь будет мучиться.

«Теперь вот ни Сашки, ни ребенка», – неожиданно зло подумал Федор, садясь за руль.

Двоюродного брата он видел нечасто, разве что на семейных праздниках, и в остальное время о нем совсем не вспоминал. В детстве бегали вместе во дворе, конечно, а потом только перезванивались иногда и

изредка встречались. Странно, что Сашкина смерть потрясла Федора, пожалуй, сильнее, чем папина болезнь. Наверное, потому что победить болезнь шанс есть, а со смертью ничего не сделаешь.

– Лиза, ты спустишься или мне подняться? – позвонил он Сашиной жене, паркуясь около подъезда. То есть вдове позвонил.

– Спускаюсь.

Лиза появилась через минуту, и ему стало совсем тоскливо – двигалась Лиза как столетняя старуха. Не то чтобы медленно, а как-то тяжело, нескладно. Смотреть на это было невыносимо.

Она назвала адрес. Кабинет находился в десяти минутах езды.

По дороге Лиза молчала, и он молчал тоже. Жизнь изменилась сразу и кардинально, и сейчас ему не верилось, что еще неделю назад он был совершенно свободным человеком. Даже несмотря на папину болезнь. Врачи утверждали, что все будет хорошо, и он старался этому верить. С папой все будет хорошо, родители будут звонить ему раз в несколько дней, как и раньше, он будет много и с удовольствием работать, а в свободное время встречаться с Настей или пить пиво с друзьями и понимать, что впереди еще вся жизнь.

Но теперь он не был свободным, пока Лиза шаркает ногами, как старуха.

Чувство называлось долгом. Федор его никак не называл, только понимал, что бросить Сашкину жену не сможет. По крайней мере, пока она не переживет свое горе.

Кабинет оказался крошечной двухкомнатной квартиркой с кушеткой, какими-то приборами на тумбочке и двумя письменными столами. Один Сашин – докторский, другой для медсестры, догадался Федор. На каждом столе лежало по ноутбуку.

Федор обвел глазами стены, на стенах висели календари и пейзажи-фотографии. Наверняка медсестра постаралась, приукрасила помещение, Саша вряд ли стал бы с этим возиться. Календари и фотографии Федор снимать не стал.

Лиза сразу схватила оба компьютера, прижала к себе, как будто все остальное ее не интересовало.

– Подожди, – остановил ее Федор. – Положи компы, давай уж все отсюда увезем.

Мусорные мешки он нашел на кухне. Мешки были небольшие, но крепкие, с завязками.

Он положил в мешок приборы с тумбочки, в другой мешок сунул содержимое ящичков Сашиного стола, в третий – содержимое стола

медсестры. У медсестры имущества было мало, только косметичка и круглое зеркало с треснутой рамкой. У брата стол оказался завален лекарствами.

Лиза опять прижала к себе оба ноутбука, словно боясь выпустить из рук.

– Дай мне. – Он осторожно отнял у нее компьютеры. – Уронишь еще.

Она неохотно разжала руки, постояла, обняв себя за плечи.

Он не сможет ее бросить, пока она обнимает себя за плечи, словно не понимая, где и зачем находится.

В машине Лиза опять прижала к себе ноутбук, но на этот раз только один, Сашин. Второй остался лежать на заднем сиденье.

Вцепилась в ноутбук, как будто от него зависела чья-то жизнь.

– Ты собиралась позвонить медсестре, – напомнил Федор, просто чтобы что-то сказать. – Позвонила?

– Она еще не приехала, наверное. Телефон не отвечает, – неохотно разжала губы Лиза.

– Может, тебя к родителям отвезти? – предложил он.

– Нет. Ты не беспокойся, Федор, со мной все в порядке.

Что еще предложить, он не знал. Отнес в кладовку вещи из машины, потоптался, предложил сходить за продуктами. Лиза от помощи отказалась, заверила, что еда у нее есть, и он уехал.

Компьютер медсестры, забытый на заднем сиденье, Федор обнаружил, только припарковавшись у собственного дома. Оставить его в машине не рискнул и отнес домой.

Едва ли что-то можно было изменить, но он потом долго не мог себе простить, что не проявил настойчивости и не выяснил у Лизы все, что могло иметь отношение к Сашиной смерти.

О том, чтобы разместить все имущество Кирилла в машине Данилы, не могло быть и речи. Помимо одежды, постельного белья и массы мелочей, была еще посуда, книги. Какую-то посуду им дарили, какую-то покупала еще Ника. Новой не прибавилось.

Женских вещей в квартире было мало, но они были: махровый халат в ванной, тапочки в прихожей, щетка для волос на полочке в ванной. Наверное, еще зубная щетка, потому что щеток в белом стаканчике было две. Стаканчик тоже когда-то покупала Ника, и стоил он дорого. Так дорого, что она даже не сразу решилась его купить.

– Надо грузовое такси вызывать, – решил Данила, доставая телефон.

Хорошо, что он вызвался ей помочь, одна Ника точно не справилась

бы.

Пока ждали такси и грузчиков, Ника достала большой чемодан, начала складывать в него одежду бывшего мужа. Прикасаться к одежде было неприятно, как будто она хозяйничала сейчас в чужой квартире без ведома хозяев. Впрочем, так оно и было.

– Мне было жалко, что вы разошлись, – неожиданно сказал Данила.

Он тоже не сидел без дела, связывал книги в стопки. Повезло, у Кирилла нашелся моток веревки.

Ника не ответила. Ей тоже когда-то было очень жалко, что они с Кириллом разошлись.

– С тобой он добрее был, – не отставал Данила. – Это все заметили, и я, и Сашка. Без тебя у него шутки злее стали. Ты на него хорошо влияла, по-доброму.

Ника опять промолчала. У Кирилла и при ней были злые шутки. Например, знал, что Лиза ревнует Сашу, хотя она старалась этого не показывать, и не упускал случая поддеть жену друга. Что-то часто муженька дома по вечерам не бывает, а, Лиза? Кирилл смеялся, ему было весело. Саша работал много, ездил к больным и по вечерам, и даже ночью.

«Перестань, – просила мужа Ника. – Они хорошая пара и любят друг друга».

Лиза в таких случаях бледнела и едва сдерживала слезы, и Нике было ее очень жалко.

Себя надо было жалеть, а не Лизу. У Лизы все было хорошо.

Правда, у Лизы сейчас все плохо.

– Ты давно женился? – Разговор как-то надо было поддерживать, и ничего лучшего Ника спросить не догадалась.

– Давно.

– У тебя очень хорошая жена.

– Мне тоже так кажется.

Здоровяк Данила всегда казался ей мягким и робким. Говорил мало, улыбался застенчиво. Саша тоже говорил мало, особенно в сравнении с веселым болтуном Кириллом, но в Саше чувствовалась скрытая сила. Сашу Кирилл задирать никогда не пытался, а над Данилой посмеивался.

«Не лезь ты в бизнес, – смеялся Кирилл, когда Данила рассказывал, как трудно организовать фирму. – Посадят тебя, и все дела. В бизнесе другой характер надо иметь. Работай наемным, как все. Целее будешь».

На самом деле Кирилл Даниле завидовал. Ника это знала, хотя муж никогда с ней не откровенничал. Кирилл хоть и занимал высокую должность, положение имел подчиненное, и это его угнетало. Ему хотелось

быть хозяином, как Данила.

– Как твоя фирма?

– Держимся пока.

– Успехов тебе! – пожелала Ника.

– Спасибо. Комп себе возьмешь? – Данила взял в руки ноутбук Кирилла.

– Елене Сергеевне отдам. Зачем он мне? – Ника пожала плечами.

У нее свои компьютеры есть, она профессиональный программист.

– Я бы взял, – решил Данила. – Просто как память о Кирюхе.

– Попроси у Елены Сергеевны.

Данила подержал ноутбук в руках, как будто оценивал, открыл. Ника села на стул рядом, Данила захлопнул ноутбук, подвинул ей, отвернулся.

Почему-то Нике показалось, что Кириллов комп Данилу интересуется, и он не рад, что она толчется рядом. Впрочем, ей нет дела до них обоих.

Позвонили в дверь, Ника открыла грузчикам. Два молодых веселых парня свое дело знали, бережно и быстро упаковали все в строительные мешки и какие-то коробки, она только показывала, что нужно брать. Спасибо Даниле, сама она не догадалась бы вызвать грузчиков и возилась бы несколько дней.

Данила скучал, сидя на диване, Ника несколько раз уговаривала его ехать по своим делам, но он не уезжал, терпел. Наверное, именно так представлял себе истинную дружбу.

Она напоследок обошла комнаты, осмотрела шкафы, заметила валяющуюся под столом флешку, повертела ее и сунула в карман. Больше от ее бывшего мужа в квартире ничего не осталось.

Наконец машина с грузчиками поехала к дому Елены Сергеевны, а Данила повез Нику следом.

Когда Ника поднялась в квартиру свекрови, вещи Кирилла уже лежали посередине большой комнаты.

– Ника! – Свекровь ошарашенно переводила глаза с Ники на мешки. – Что же это такое?

– Сейчас все разберем, Елена Сергеевна, – успокоила Ника, жалея, что Данила подниматься к матери Кирилла не стал, уехал.

Друг свекрови, по-видимому, куда-то вышел, не бросился успокаивать женщину.

Ника отодвинула чемодан с одеждой Кирилла, развязала первый мешок, начала доставать переложенную целлофановыми мешками посуду. Куда ее ставить, она не знала, и просто складывала на пол.

– Зачем мне это? – Свекровь на посуду почему-то смотрела брезгливо.

Она сидела на диване и даже не делала попытки помочь.

Вообще-то, посуда была неплохой, китайский сервиз Елена Сергеевна сама дарила Кириллу и Нике на свадьбу. Когда-то сервиз Нике очень нравился.

Ника промолчала и неожиданно почувствовала, что подступают слезы. А куда она, по мнению свекрови, должна все это деть?

– Почему ты не отвезла посуду к себе? – Елена Сергеевна опустила в кресло, достала платок, промокнула глаза.

– Елена Сергеевна. – Ника постаралась напомнить помягче. – Мы с Кириллом разошлись три года назад.

Сервиз действительно нужно было куда-то пристроить. Ника открыла буфет, кое-как всунула туда тарелки, подвинув все остальное.

– Так нельзя было поступать, Ника, – печально и укоризненно сказала свекровь. – В жизни всякое бывает, нужно уметь терпеть. Нужно прощать и понимать друг друга.

Ника приступила к следующей коробке, бумаги и ноутбук сложила на круглый обеденный стол.

– Данила хотел взять компьютер.

– Так почему ты не дала? – нахмурилась свекровь.

– Потому что это не моя вещь, – не сдержалась Ника. Зря не сдержалась, Елена только что потеряла сына.

– Ника! – Свекровь покачала головой и заплакала. – Ну как ты можешь! Кирюша твой муж!..

Ее муж выгнал ее три года назад. От воспоминания начало подташнивать, а Ника считала, что благополучно пережила то печальное событие.

– Люди не всегда вольны в своих чувствах. Кирилл не виноват, что снова увлекся Машенькой. Понимаешь, Ника, он не виноват! Он ничего не мог с собой поделать! Машенька его первая любовь. Она тогда только что вернулась из-за границы. Нужно уметь понимать и других людей, не только о себе думать...

– Елена Сергеевна! – Не глядя на свекровь, Ника быстро доставала чужое имущество. – Кирилл меня выгнал. Я понятия не имею, кто такая Машенька.

«Маша? – говорил Кирилл в трубку тем утром, когда она в последний раз была счастливой. – Давно приехала?»

Ника тогда не спросила, кто такая Маша, да он и не ответил бы. Он не терпел, когда лезли в его дела. Она тогда забыла про эту Машу, едва Кирилл положил трубку. Тем утром она точно знала, что Кирилл любит ее

одну. И готов отдать за нее жизнь.

– О господи! Это просто девочка, в которую он был когда-то влюблен. Чувство снова вспыхнуло и прошло. Ты должна с пониманием к этому относиться.

– Я отношусь с пониманием. – Ника сломала коробки, чтобы занимали меньше места, сунула мусор в строительный мешок. Придется выбросить по дороге. – В чемодане одежда Кирилла.

– Нужно отнести в храм.

– Хорошо. – Везти домой вещи бывшего мужа не хотелось до смерти. – Пусть пока у вас лежат.

Не сию же секунду она должна нести вещи в храм. Сначала нужно узнать, когда и кому их можно отдать.

Быстро, пока свекровь не навязала ей чемодан с вещами, Ника ухватила мешок с мусором, торопливо отнесла его к входной двери.

Громоздкие вещи – дубленка, куртки, лежали в последней коробке, которую Ника даже не открыла. Как-то неправильно она ведет себя со свекровью, но желание исчезнуть отсюда было совершенно непреодолимым.

– Спасибо! – Она обидела свекровь. Елена Сергеевна проводила ее равнодушным взглядом, как курьера, доставившего заказ.

– Не за что.

Ника подхватила мусорный мешок и с облегчением закрыла за собой дверь.

Совесь подсказывала, что она поступила с несчастной матерью, потерявшей сына, недопустимо, но Ника постаралась совесть не слушать.

С ней когда-то тоже поступили недопустимо.

Уля еще не успела уехать из питомника.

– Дождись меня, – попросил Данила. – Сейчас такси возьму и приеду. Я около дома Кирилловой мамы.

– А машину где оставишь?

– Здесь.

– Ну... Не знаю... – Идея бросить машину в чужом районе Уле не понравилась.

– Я сейчас приеду, – проявил твердость Данила и быстро отключился.

На душе было противно. Он очень жалел Лизу, жалел Елену Сергеевну и даже Нику, которая старательно делала вид, что все происходящее ее совершенно не касается. А если она что-то и делает, то это чистая благотворительность.

Ника сильно изменилась за прошедшее время. Раньше была веселой молоденькой девчонкой, смешливой, остроумной, а теперь плотно сжатыми губами напоминала строгую учительницу. Не потому что одета как-то не так или причесана слишком строго, а непонятно почему. Ей бы в политику податься, там таких много.

А причесана она, кстати, совсем не по-учительски, непослушные волосы выбиваются из стрижки и торчат во все стороны.

Машина с шашечками пришла быстро, через семь минут. Данила прогуливался по двору, ощущая, как неумовимо пахнет приближающейся весной. Двор изменился. Раньше здесь не было огороженных газонов, не было детской площадки с разнообразными качелями. Они собирались у лавочки, стоявшей в центре двора, курили тайком, трепались о чем-то. Это когда в школе учились. Вообще-то, во дворе Кирилла они тусовались редко, в основном у Сашки. Удивительно, но всю их компанию притягивал к себе не весельчак Кирилл, а Саша, который и улыбался-то редко. Если бы не отличные физические данные, Сашу вполне можно было бы назвать ботаником. Учился приятель всегда отлично, анекдотов с матом не рассказывал и за неприметной Лизой ходил как привязанный.

Впрочем, компания была небольшой – он сам, Кирилл, да еще пара ребят, с которыми сейчас Данила почти не виделся.

Таксист ехал медленно, Данилу это раздражало. Сам он правила не нарушал, но и не плелся как новичок.

– Сейчас налево, – подсказал Данила, поворот к питомнику был почти незаметен.

Уля ждала на улице, заулыбалась, побежала, увидев, как он вылезает из машины.

– Я тебя очень люблю, – обнимая жену, шепнул Данила.

Недавняя тоска прошла сразу. Пока Уля бежит ему навстречу, ему нечего бояться в этой жизни.

– Я тебя тоже люблю. – Жена чмокнула Данилу в щеку, засмеялась, потянула за руку. – Пойдем, посмотришь, как выросла Муся.

По его представлениям, Муся была сущим уродом. Он вообще маленьких собак не любил и назначения их не понимал. Если собака друг и охранник, это понятно, а если кому-то хочется тискать крохотных уродцев, купили бы себе игрушку.

В клетке Муси, собачонки здорово напоминающей крысу, помимо миски с водой, валялись детские плюшевые игрушки. Не самые дешевые, между прочим.

– Выросла, правда? – Уля смотрела на мужа счастливыми глазами.

– Правда, – согласился Данила.

Муся лениво повиляла хвостом. Хвост был точно как у крысы.

Уля побежала к тетке предпенсионного возраста, неприметно сидевшей на стуле около двери, Данила тетку даже не сразу заметил. Жена принялась давать указания, тетка кивала, ласково на нее глядя. Данила был абсолютно уверен, что указаний женщина выполнять не станет. Вообще-то, питомник, помимо беспокойства, давал деревенским и выгоду. У Ули работали то ли три, то ли четыре тетки, которые никогда бы не нашли работу рядом с домом. Сейчас вообще работу найти трудно, это Данила знал лучше других.

Наконец Уля простилась с ласковой теткой, женщина кивнула в последний раз, и Данила сел за руль машины жены.

– Давай машину около нашего дома поставим и съездим за твоей, – слегка нахмурилась Уля, усаживаясь рядом.

– Я и один могу съездить.

– Не надо. Я хочу с тобой.

Даниле долго не верилось, что нежная, воздушная Уля по-настоящему ему радуется. Он и сейчас считал это незаслуженной божьей милостью.

Жена весело и озабоченно рассказывала про Мусю, про других собак, он ее почти не слушал, но волнения и тревоги последних дней отступили, ему было спокойно, уютно.

Оставить Улю дома не удалось, поэтому к машине Данилы они приехали на такси.

– Как Елена Сергеевна? – озабоченно спросила Уля, подняв глаза куда-то вверх. Окна квартиры Кирилловой матери выходили на противоположную сторону, но Данила этого не сказал.

– Я к ней не заходил, вещи грузчики отнесли.

– Дан! – всерьез огорчилась Уля. – Ну как так можно?

Жена уже взялась за дверь машины, но замерла, укоризненно покачивая головой.

– Давай сейчас к ней зайдем!

– Без звонка? – вздохнул Данила.

– А ты ей позвони!

Он послушно достал телефон, набрал городской номер. Лет пятнадцать звонил Кириллу только на мобильный, а номер помнил.

– Елена Сергеевна, – быстро проговорил он, когда женщина ответила. – Это Данила. Мы сейчас рядом с вашим домом. Вам ничего не нужно?

– Данила! – Елена Сергеевна вздохнула. – Ну конечно, мне нужна

помощь. Ты не очень занят?

– Я совсем не занят, – заверил он. – Мы с Улей сейчас поднимемся.

– Ну что я тебе говорила? – засмеялась Уля и бросилась к подъезду. Данила даже не сразу ее догнал.

Елена Сергеевна почему-то открыла им не сразу, пришлось даже позвонить в дверь повторно.

Уля, не дожидаясь приглашения, быстро шагнула в квартиру, обняла женщину, отпустила. Получилось правильно, Елена Сергеевна посмотрела на его жену ласково.

– Заходите, – повернувшись, хозяйка пошла в комнату.

Данила подхватил куртку жены, скинул свою, повесил на вешалку.

– Ника привезла все и бросила! – кивнула хозяйка на чемодан Кирилла и большую коробку. – Лучше бы совсем не привозила!

– Мы вам поможем. – Уля быстро открыла коробку, заглянула внутрь.

– Кирюша любил хорошие вещи. – Елена Сергеевна села в кресло. – А отдать некому. Я думаю, нужно в храм отнести.

– Правильно! – воодушевилась Уля. – Сейчас так много обездоленных.

Вообще-то, особо обездоленных Данила не знал, разве что рабочие из Средней Азии, но у жены было свое мнение.

– Данила! – Хозяйка села на диван, откинулась на спинку. – Принеси мне воды из кухни.

Данила послушно отправился на кухню, заглянул в холодильник, достал бутылку минералки, захватил стакан.

– Спасибо. – Елена Сергеевна плеснула себе воды, отпила, поставила стакан и бутылку на стол.

– Мы сейчас все это можем отнести в машину, – предложила Уля. – А я завтра же постараюсь вещи пристроить. У меня одна подруга как раз занимается помощью бедным.

– Нет, – решила Елена Сергеевна. – Пусть пока Кирюшины вещи здесь лежат. А ты, как договоришься, позвони мне.

– Конечно, – кивнула Уля. – Завтра же договорюсь. И сразу позвоню.

– Как хорошо, что вы у меня есть, Данила, – благодарно посмотрела на него женщина. – А Ника... Я просто удивляюсь! Привезла вещи, бросила и убежала! Как будто одолжение делает!

– Люди бывают разные, – заметила Уля. – Это на ее совести.

– А я всегда так хорошо к ней относилась! – Теперь Елена Сергеевна с благодарностью смотрела на Улю. У жены был редкий дар мгновенно вызывать к себе симпатию. – Это же я сказала Кирюше, что он должен жениться на этой девочке.

Данила сомневался, что друг женился только потому, что мама посоветовала. Давить на себя Кирилл никому не позволял. Сам любил на других давить.

– Господи, как я ошибалась! – Елена Сергеевна достала платок, промокнула глаза. – Лучше бы он женился на Машеньке! Был бы сейчас жив! Ты помнишь Машу, Данила?

– Помню.

– Им не следовало расставаться, Маше и Кирюше. Она ведь приходила ко мне несколько лет назад. Как раз перед Восьмым марта. Мы с ней посидели, поговорили, я дала ей телефон Кирюши. Я думаю, они тогда встретились просто как добрые друзья, а Ника сразу же Кирюшу бросила! Жестокость в женщине – это так страшно! Тебе повезло Данила, тебе это не грозит. – Елена Сергеевна снова ласково посмотрела на Улю.

Негромко хлопнула входная дверь, показался хозяйкин друг, кивнул молодым людям, озабоченно спросил:

– Как ты, Леночка?

Уля незаметно дернула Данилу за рукав, он послушно попрощался с хозяйкой, а Уля Елену Сергеевну поцеловала.

– Кто такая Маша? – едва дверь закрылась, шепотом спросила Уля.

Данила улыбнулся, глаза жены горели большим любопытством, и это было забавно.

– Она училась с нами. – Данила толкнул дверь подъезда, пропустил жену. – У Кирилла с Машкой любовь была. Но потом она вышла замуж за другого. И еще раз вышла замуж за другого.

– А Кирилл? Он страдал? – от любопытства Уля даже пританцовывала. Данила не удержался, чмокнул ее в нос, подтолкнул к машине.

– Не припоминаю. – Представить себе страдающего Кирилла Данила не мог при всем желании. Обычно от шуток друга страдали другие.

– Значит, Ника бросила Кирилла из-за Маши?

– Понятия не имею. Пристегнись, – велел Данила жене. Уля послушно защелкнула ремень. – Думаю, он сам Нику выгнал.

– Почему?

– Потому что она была молоденькой дурочкой, смотрела на него, как на икону. Сама бы Ника от него не ушла.

Думать о работе не хотелось, но дома он все-таки сделал несколько звонков. Выходные выходными, но допускать четырехдневного простоя Данила не мог.

– Мне придется отъехать ненадолго, – пришлось расстроить жену. – Я постараюсь быстро, Уляш, правда.

– Дан! Сегодня **выходной!** – Он испугался, что Уля сейчас заплачет.
Вот пройдет тяжелая полоса, и он начнет уделять жене все свое время.
– Мне правда надо, Ульяша. Ты же знаешь, мы работаем без выходных.
Я ненадолго.

Она отвернулась, насупилась, Даниле было очень ее жалко. Но ехать действительно необходимо, и, сбегая вниз по лестнице, Данила знал, что это и есть счастье, когда Уля расстраивается от того, что он уезжает от нее на пару часов.

Ей сразу нужно было заняться Сашиним компьютером. Лиза понимала, что потеряла массу времени, отдавшись своему горю. Про съемную квартиру, которую муж использовал как врачебный кабинет, она полиции не рассказала. Не рассказала и потому, что к слову не пришлось, и потому, что принимать больных в жилом доме было нельзя. Такую деятельность нужно согласовывать с санэпидемстанцией и еще бог знает с кем, а на бумажную волокиту уходит масса времени и денег, и овчинка перестает стоить выделки.

И про Варю не рассказала, потому что официально Саша на работу ее не оформлял, а деньги платил в конверте. То есть без конверта, несколькими купюрами. Наверное, у девочки могли быть неприятности, а неприятностей Лиза даже сейчас никому не хотела.

Всю информацию о больных, которую заносил в кабинете, Саша всегда дублировал на домашнем компьютере, и домашний компьютер Лиза отдала полицейским сразу. Скорее даже не отдала, а навязала, полиция тогда еще предполагала, что Кириллу и Саше просто продали некачественный алкоголь. Это через несколько дней стало ясно, что отравлена была бутылка коньяка. В коньяке было немереное количество снотворного, несовместимого со спиртным.

Бутылка появилась в доме дня за три до мальчишника. Стояла рядом с Сашиним компьютером, Лиза тогда покрутила ее в руках, вернула на место и засмеялась.

– Подарок?

Больные часто дарили мужу спиртное.

– Вроде того. – Саша как раз переносил с флешки в комп результаты прошедшего рабочего дня – диагнозы, назначения, собственные не до конца оформившиеся предположения. – Это Кириллу на день рождения. Не мешай, я занят.

Лиза не спросила тогда, откуда взялась бутылка, и поэтому теперь не знала, кто убийца.

Имена и фамилии больных, которых Саша принимал в последнюю неделю, ни о чем ей не говорили. Диагнозы тем более. Вообще-то, Саша часто рассказывал о своих больных. «Ты знаешь, – смеялся он, – сегодня приходила дама весом в центнер. У нее аритмия. Я ей посоветовал есть ровно в два раза меньше. По-моему, она обиделась».

«Я бы тоже обиделась, – возмущалась Лиза. – К тебе идут за помощью, а ты издеваешься. Дама не виновата, что у нее такой обмен веществ».

«Виновата, – серьезнел Саша. – Дети не выбирают себе родителей, а все остальное в жизни мы выбираем сами. И еду, и образ жизни».

«Саш, – пыталась объяснить Лиза, – не все такие, как ты. Не все сильные».

Себя Лиза сильной не считала. Сильной она должна стать теперь. Она должна вырастить малыша и найти убийцу мужа.

Лиза подошла к портрету, постояла, глядя на Сашу. Зазвонил городской телефон, Лиза неохотно взяла трубку.

– Лиза! – Варю она узнала не сразу. – Лиза, я только приехала. На вокзале еще. Я сейчас домой заеду и сразу к вам, хорошо?

– Спасибо, Варенька. – Лиза подошла к портрету, показала Саше трубку – это Варя. – Я хочу отдать тебе зарплату. Когда сможешь, тогда и приезжай. Только позвони обязательно, меня может не быть дома.

– Я сегодня приеду. Вещи только домой закину. Вам, наверное, помощь нужна?

Помощь Лизе была не нужна. Ей никто не сумеет помочь.

А поговорить с Варей необходимо.

– Спасибо, Варенька, мне ничего не нужно, а за деньгами приезжай.

Лиза вернулась к компьютеру, опять принялась вглядываться в записи, с тоской понимая, что извлечь что-то из этих данных не в состоянии. Пожалуй, в этом Варя точно может помочь.

Захотелось пить. Лиза посмотрела на часы, давно пора пообедать. Достала из морозилки коробку с готовым мясом, сунула в микроволновку.

За окном на грязном февральском снегу топтались две вороны. Одной бог что-то послал, она трясла головой, держа в клюве непонятную находку, вторая поглядывала на первую неодобрительно. Едва ли господь расщедрился и одарил ворону сыром, потому что птица бросила божественный подарок и, возмущенно каркая, улетела. Вторая умчалась следом.

Прошлой весной вороны построили гнездо прямо напротив их окна. Саша пытался новых соседей отогнать, предполагая, что птенцы не будут давать спать, а Лиза ему помешала. Птенцы действительно донимали их

весь июнь, Саша ворчал, а она раскаивалась в собственной добродетели. Впрочем, ворчал Саша не всерьез, всерьез он никогда на Лизу не злился.

Микроволновка звякнула, Лиза принялась впихивать в себя еду.

Опять зазвонил городской телефон, Лиза услышала недовольный голос Федора.

– Почему у тебя мобильный выключен? Я... – Федор отчего-то напомнил ей Сашу, – беспокоюсь.

– Разрядился, наверное. Сейчас поставлю заряжать.

– Ты как вообще?

– Ничего. Варя должна сейчас приехать. Проводил маму?

– Мы сейчас в аэропорту. Приехать к тебе потом?

– Не нужно, – отказалась Лиза. – Отдам Варе деньги и лягу спать.

– Если что потребуется, сразу звони.

– Обязательно. Спасибо тебе. Да, – спохватилась Лиза. – Маме привет передай.

Мобильный действительно оказался разряжен, Лиза подключила его к сети, задержалась у портрета и снова уселась за компьютер.

Время шло, ей стало казаться, что она выучила Сашины записи последних дней наизусть. Только они не несли для нее никакой информации. Без Вари точно не обойтись.

Лиза посмотрела на часы – девушка давно должна была приехать, и пожаловалась портрету:

– Варя не едет и не звонит. Она такая необязательная?

Ей показалось, что Саша удивился. Варя отличалась редкой аккуратностью. Лиза знала, муж был доволен, что она нашла ему отличную помощницу.

Лиза освободила телефон от зарядки, позвонила Варе – телефон не ответил. Потом она звонила каждые несколько минут и слушала длинные гудки.

До вылета оставалось еще больше часа. Федор, просто чтобы убить время, взял кофе себе и матери, неохотно пил его маленькими глотками.

– Иди, Федя! – в который раз повторила Светлана Анатольевна. – Иди, ну что тебе здесь болтаться.

Он и сам не понимал, почему не уходит. Вещи уже сдали в багаж, к тому же чемодан вовсе не был тяжелым.

– Мам, как ты думаешь, – помолчав, спросил он, – все обойдется?

– Конечно, – твердо сказала Светлана Анатольевна.

Мать не сомневалась, что с отцом все обойдется. Знакомые ахали,

услышав страшный диагноз, а она аханья прерывала. Вообще-то, Федор всегда считал мать слабой, раньше она пугалась, когда у него или у отца начинался банальный грипп. Она плакала над сериалами, папа над ней подшучивал, Федор тоже. Раньше она могла себе позволить слабость, теперь все изменилось.

– Помогай Лизе.

– Конечно.

Наконец мать прошла пограничный контроль, он помахал ей в последний раз и вышел из здания аэровокзала. Машин по направлению к Москве было мало, в городе пробок тоже не было, и до дома он добрался быстро. Хотелось отключиться от муторных хлопот, навалившихся на него в последние дни, повалиться с планшетом в руках, протягивая руку к стоявшей рядом на полу бутылке пива. Он так и сделал, улегся, посмотрел почту, но тут же отложил планшет в сторону.

Не будет ему покоя, пока Лиза не перестанет смотреть на мир сквозь непрерывно льющиеся слезы. Лиза слез не замечала, только машинально постоянно вытирала глаза, но он-то не замечать не мог.

– Ты как, Лиза? – Федор опять набрал ее номер. На этот раз мобильник ответил. В трубке слышался шум. – Ты где?

– В метро. – Шум сделался оглушительным, не иначе как поезд проехал.

– Послушай, – недовольно произнес он. – Ну я же просил тебя звонить, если что-то нужно.

Очень не хотелось снова выходить из дома, но он начал одеваться, даже не закончив разговора.

– Федор. – Лиза слегка задыхалась. – Днем должна была приехать Варя, но не приехала, и телефон у нее не отвечает. А городского номера я не знаю, он у Саши не записан. Я хочу съездить к Варе домой. Адрес я у Саши нашла.

– Говори! – обреченно велел Федор. – Адрес говори!

Лиза назвала улицу. Район был ему знаком, когда-то там жил приятель, с которым он занимался в секции дзюдо. Впрочем, приятель мог и сейчас там жить, Федор не видел его со школьных времен.

– Выйдешь из метро и стой на месте. Выход вперед по ходу поезда, – прикинул он. – Я тебя подхвачу. Ты сейчас на пересадке?

– Да, – подтвердила Лиза.

Ее нужно показать врачу, она говорила так, как будто только что пробежала стометровку.

– Прошу тебя, никуда не уходи. Дождись меня.

– Обязательно. Спасибо, Федор.

Москва была почти пустая, но ждать Лизе пришлось минут пятнадцать, не меньше. Федор увидел ее сразу, она стояла, не шевелясь и наклонив голову, как символ безысходности. «Вот подлость-то, – с тоской подумал Федор, останавливаясь во втором ряду. – Подло и неправильно вышло, что молодая женщина излучает горе, а брат Сашка не может ее утешить».

– Лиза! – крикнул Федор, открыв дверь. – Лиза!

Она услышала. Повертела головой, увидела его машину.

– Ты понимаешь, – быстро усевшись рядом, оправдывалась Лиза. – Варя очень ответственная девочка. Я беспокоюсь.

– А ее домашнего телефона у Саши не было? – сзади остановился черный джип, они мешали ему припарковаться.

– Я не нашла.

Федор тронул машину, освободил джипу проезд.

– Почему ты поехала на метро?

– Так... Пробки. И вообще... Голова кружится. Немного. Не хочется садиться за руль.

Отчего-то Лиза сразу была уверена, что Сашу отравили намеренно. Менты сомневались, а она повторяла как одержимая: – «Я найду убийцу. Я его найду».

Господи, если с девчонкой Варей, которую Федор никогда не видел, что-то случилось, Лизино предположение, пожалуй, верное.

Впрочем, с девчонкой может случиться все что угодно. Встретила любимого мальчика, например, и забыла обо всем на свете.

Слева показался квартал пятиэтажек, Федор свернул через сплошную, медленно поехал между домами.

Летом квартал наверняка утопал в зелени. Сейчас, в февральской вечерней темноте, в свете фонарей, висящих между домами, виднелись только частые стволы голых деревьев. Кварталы в хрущевках, подлежащих по недавнему заявлению мэра немедленному сносу, наверняка были отвратительные, но такого зеленого двора в новостройках не будет точно. И припарковаться у какой-нибудь двадцатиэтажки намного сложнее. Он бы сто раз подумал, прежде чем уезжать из малоэтажного квартала. Особенно если бы у него были семья и дети. Впрочем, о семье и детях Федор пока не думал, хотя родители считали, что давно пора.

Таблички с номерами домов и подъездов были аккуратно подсвечены. Федор прикинул по номеру квартиры нужный подъезд и не ошибся, если верить висевшей над дверью подъезда табличке с номерами квартир.

– Ну что, пойдём? – тяжело вздохнул он.

Кнопки домофона он нажать не успел, дверь открылась, из подъезда выглянула девчушка лет десяти, подозрительно их оглядела и отвернулась. Тут же с топотом по лестнице к ней скатилась другая девчушка, чуть постарше, и обе весело куда-то помчались.

– Зря родители выпускают детей одних в такую темень, – заметила Лиза.

– Им виднее. – Федор пропустил ее вперед, обошел, начал подниматься по лестнице. – Я недавно в Японии был, там дети по улицам ходят одни, у нас я давно такого не видел.

– У нас другая криминогенная обстановка.

Он не стал спорить. Его сверстников никто за ручку до пятнадцати лет не водил, и ничего – выросли.

– Подожди. – У самой двери Лиза его остановила. Достала из сумки очки с легким затемнением, надела, пригладила рукой волосы. Заплаканные глаза очки толком не скрывали, но вид у Лизы сделался более приемлемым. Не как только что с похорон. Впрочем, она и была только что с похорон.

Вся эта затея – являться к Варе домой, Федору не нравилась, но он послушно нажал кнопку звонка. Как ни странно, дверь открылась почти мгновенно. Веселая, вся какая-то кругленькая женщина весело им улыбнулась.

– Здравствуйте, – постаралась улыбнуться Лиза. – Простите, Варя дома?

– Нет, – женщина все так же мягко улыбалась. – Скоро должна прийти. Я думала, это она.

– Мы должны были днем встретиться, – объяснила Лиза. – Но не получилось.

– Да вы заходите, – спохватилась хозяйка, с любопытством переводя взор с Лизы на Федора. – Заходите, она скоро придет. Она к девяти всегда приходит. Или звонит, если задерживается.

– Нет, – отказалась Лиза. – Спасибо. Пусть она мне позвонит, как появится. Только обязательно. Меня Лиза зовут. Вы, пожалуйста, мой телефон запишите.

Это Лиза сделала правильно, решил Федор. Девочка Варя могла потерять мобильный.

Женщина потянулась к стоявшей в тесной прихожей тумбочке, достала ручку, записала продиктованный номер. Все это она делала весело и неторопливо, и чем-то напомнила Федору собственную бабушку. Наверное, волной спокойствия и уюта, почти осязаемо от нее исходявшей. Бабушка

умерла, едва похоронив дочь, Сашину маму. Федорову тетю.

– Может, зря не остались? – Это Федор спросил уже на улице.

– Нет, – покачала головой Лиза. – Если все нормально, нечего панику сеять. А если ненормально... Пусть еще счастливой побудет.

Очки она сняла и снова сделалась такой, как была. Наповал убитой горем.

Федор отвез ее домой, проводил до квартиры.

– Лиза, – задержался он в дверях. – Почему ты сразу была уверена, что Сашу убили намеренно? Ты что-то знаешь?

– У меня было плохое предчувствие. – Лиза привалилась к стене, словно ей тяжело было стоять. Впрочем, возможно, так и было. – У меня все последнее время было нехорошее предчувствие.

– Что ты знаешь, Лиза? – не отставал Федор.

– Ничего, – покачала она головой. – Правда, ничего. Неужели ты думаешь, что я стала бы скрывать, если бы что-то знала?

Он захлопнул дверь, начал спускаться. Даже узнав о смерти брата, он не предполагал, что окажется накрепко связанным с Лизой. Сейчас он был связан с ней так сильно, что просто ночевать в собственной квартире казалось чем-то неправильным, почти предательством.

26 февраля, воскресенье

С Варей могло произойти что угодно, и Лиза старалась уверить себя, что у девочки просто сломался телефон или случилось что-то непредвиденное, но вполне объяснимое.

– Я беспокоюсь, – пожаловалась она портрету мужа, и Саша ободряюще на нее посмотрел.

Лиза беспокоилась всегда и обо всем. В институте боялась экзаменов, потом, на работе, боялась сокращений, а больше всего боялась, что Саша ее разлюбит.

И все-таки настоящий тоскливый страх пришел, когда она вышла из женской консультации.

– Саш, – позвонила мужу Лиза. – Все точно. Ждем ребенка.

– Здорово! – засмеялся Саша, а она вдруг почувствовала, что они с малышом совсем одни в этом мире. Никому не нужные.

Чувство было жутким, Лиза закусила губу и велела себе перестать сходить с ума.

«Я истеричка», – поставила себе тогда диагноз Лиза.

Потом она старалась быть веселой, и ей это даже удавалось, и только когда позвонил Данила и сказал совершенно невозможное, она поняла, что беду предчувствовала.

Лиза проваливалась в сон, снова из него выныривала, протягивала руку к будильнику и смотрела на часы. В половине седьмого она тяжело поднялась, посидела у портрета, выпила кофе. За окном стояла еще глубокая ночь. Тонкий серпик убывающей луны был таким аккуратным, что казался нарисованным. Ночное небо любила рисовать Ника, и Лизе, глядя на ее рисунки, тоже хотелось взять в руки кисти. Однажды Саша даже подарил ей набор гуаши, но начать рисовать Лиза так и не собралась, и нераспечатанная гуашь до сих пор валялась в стенном шкафу.

Есть не хотелось совсем, но она сварила яйцо в мешочек и покорно съела, стоя у окна и разглядывая тонкую луну, словно не могла от нее оторваться.

Потом надела куртку-пуховик, достала из тумбочки ключи от машины и спустилась вниз. Машины у них с Сашей были одинаковые, двухлетние «Рено». Только у Саши машина оливковая, а Лиза выбрала себе белую и долго радовалась недешевой покупке.

Одну машину нужно будет продать, и быстро, пока совсем не

проржавела. Им с малышом потребуются деньги.

Сейчас она подошла к оливковой, поежилась на холодном сиденье, включила печку, медленно выехала со двора.

К Вариному дому подъехала по почти пустому городу. Места для парковки около дома не оказалось, к тому же дорогу перегородила «Скорая», стоявшая прямо между подъездами.

Лиза медленно сдала назад, завернула за угол, приткнула машину на улице, около покрытого снегом газона, и пешком направилась к подъезду. За ночь здорово подморозило, подтаявший днем снег лежал на асфальте тонкой ледяной коркой. Лиза поскользнулась, едва не упала, пошла медленней.

Она еще надеялась, что «Скорая» приехала к кому-то другому, не к уютной улыбающейся женщине, которая терпеливо и спокойно ждала вчера вечером свою дочь.

С негромким стуком, который в тишине утра показался оглушающим, открылась дверь Вариного подъезда, двое мужчин выкатили носилки-каталку, подняли, спустили по ступеням крыльца. Лиза бросилась к каталке, едва не столкнувшись с появившейся следом женщиной лет на пять старше самой Лизы.

– Она умерла? – посмотрев на безжизненное лицо лежавшей на каталке Вариной мамы, обернулась Лиза к незнакомой женщине.

– Не мешайте, девушка, – отодвинул ее один из санитаров, а второй хмуро бросил:

– Бог даст, выкарабкается.

Незнакомая женщина неуверенно двинулась к «Скорой» вслед за каталкой, но медик, который обнадежил Лизу, женщину остановил:

– Вам ехать незачем, ее в реанимацию надо.

Лиза до этого никогда и никому не совала денег, а сейчас отреагировала мгновенно, рванула из сумки кошелек, сунула мужчине пятитысячную купюру. Мужчина помедлил, но купюру взял. Сегодня Лиза отличалась завидной сообразительностью, вслед за купюрой сунула визитку:

– Пожалуйста, позвоните!

Мужчина кивнул, «Скорая», замигав огнями, скрылась за поворотом.

– Я вчера приходила к Вариной маме... – повернулась Лиза к кутающейся в пуховик женщине. – То есть я приходила к Варе, но ее не было. Что случилось? Вы соседка?

Раньше она никогда не заговаривала с незнакомыми и очень переживала из-за неспособности быстро сходиться с людьми.

– Убили Варю. – Лиза только теперь заметила, что женщина плачет.

«Я знала, – тоскливо подумала Лиза. – Я знала и ничего не сделала».

– Пойдемте. – Женщина передернула плечами, нажала кнопки домофона, принялась подниматься по лестнице. Наверное, ей было страшно оставаться одной.

– Меня зовут Лиза.

– Людмила. Люда.

Женщина поднималась быстро, Лиза почувствовала, что задыхается. Дверь в Варину квартиру была приоткрыта. Люда шагнула внутрь, тут же вернулась с ключами в руке:

– Пойдемте ко мне.

Соседка жила этажом выше, в точно такой же крохотной квартирке.

– Тише, ребенок спит.

Лиза сбросила сапожки, босиком прошла вслед за хозяйкой на маленькую уютную кухню. Кухня была обставлена с любовью, у Лизы никогда не получалось придать квартире по-настоящему ухоженный вид. У них с Сашей в неположенных местах валялись книги, мобильные и планшеты оставались где попало, а одежда по истечении сезона иногда неделями продолжала пылиться на вешалке в прихожей.

Лиза была плохой хозяйкой, но Саша все равно ее любил.

Мысли цеплялись за что-то постороннее, потому что думать о настоящем было страшно.

– Наталья Семеновна с моим сыном сидела. – Людмила включила чайник, села, обняв себя за плечи. – Что я теперь буду делать, не представляю...

– Привозите ко мне, – неожиданно предложила Лиза. – Пока новую няню не найдете.

Вообще-то, ей тоже пора было выходить на работу, но несколько дней уже не имели никакого значения.

– Да он в школу ходит. Только болеет часто, тогда Наталья Семеновна меня и выручала. Я ведь сына одна ращу.

– Будет нужна помощь, звоните.

– Спасибо. – Людмила засыпала заварку в заварной чайник, залила кипятком. Чайник был старый, на носике виднелся небольшой скол.

Чашки тоже были старые, у Лизиной мамы когда-то был похожий сервиз. Пока его не выбросили.

Хозяйка села, обняла чашку руками.

– Варя вчера только приехала. Завезла вещи и убежала.

– Я знаю, – сказала Лиза. – Она должна была ко мне приехать. Только

не приехала. Вот я и забеспокоилась.

– Вечером она не пришла, и телефон у нее не отвечал. Я Васю уложила и у Натальи Семеновны весь вечер просидела. Господи, ясно же уже было, что хорошего ждать нечего! Часов в одиннадцать все-таки к себе вернулась, ребенок один в квартире, страшно. А часа через два проснулась, слышу, на лестнице голоса...

Людмила махнула рукой и заплакала по-настоящему, уткнув лицо в ладони.

– У Натальи Семеновны была полиция. Варю нашли где-то на пустыре около лесопарка. Задушенной. Хорошо, что документы были при ней, матери быстро сообщили. Полиция уехала, я с ней посидела, а под утро Наталье Семеновне пришлось вызывать «Скорую». Упала около дивана. Я даже сначала подумала, что несчастная мать умерла.

– Пустырь далеко отсюда?

– До лесопарка минут пятнадцать. А где точно тело нашли, я не знаю. Собачники вечером вышли гулять, вот и обнаружили Варю.

Варя не могла отправиться в лесопарк, зная, что ее ждет Лиза. Отвели насильно? В городе такое невозможно, везде люди. Заманили в машину?

– Я сюда два года назад переехала, – рассказывала Людмила. – Мы с мужем развелись и квартиру разменяли. Представляете, одна, никого не знаю... А тетя Наташа с Варей мне сразу как родные стали. Они обе такие хорошие, добрые. Господи, что я теперь буду делать?

Зазвонил мобильный, который Лиза предусмотрительно держала в руках. Врач «Скорой» доложил, в какой больнице оставил пациентку. Предупредил, что отвезли ее в реанимацию и навещать ее в ближайшие дни наверняка будет нельзя.

– Люда, полиция визитки не оставила? – спросила Лиза.

– Не знаю, – покачала головой Людмила. – Не помню.

– Давайте посмотрим.

Зачем Лизе полиция, она не поинтересовалась. Пришлось вернуться в квартиру Вариной мамы. Визитки нашлись, лежали на тумбочке рядом с входной дверью.

Лиза сфотографировала контакты, оставила Людмиле свой телефон, записала ее.

К машине она шла медленно. Сейчас в доме уже светились редкие окна, но на тротуаре, кроме нее, не было никого, даже дворники еще не вышли. Это днем едва ли можно выбрать момент, когда дорожка вдоль дома окажется совсем безлюдной. Силой затаскивать девушку в машину очень рискованно. Варя села к кому-то знакомому. Звонить полицейским было

рано, и Лиза вернулась домой.

Голые ветки за окном еле заметно покачивались на фоне уже повесенному голубого неба. В детстве Данила не понимал, почему март считается весенним месяцем, когда еще стоят морозы и до настоящей весны целая вечность. Это он потом прочувствовал, что россиянам больше всего не повезло с климатом.

Вообще-то, ему много с чем не везло, с до последнего времени еле дышащим бизнесом, например. Тьфу, тьфу, тьфу, суеверно мысленно сплюнул Данила.

Впрочем, Кириллу и Сашке не повезло больше.

Он выпил две чашки крепкого чая и съел несколько бутербродов с колбасой, пока наконец не проснулась Уля.

– Вставай! – услышав из комнаты шум, крикнул Данила. – Вставай, я соскучился.

Уля выползла со слегка припухшими со сна глазами, он любил ее такую. Впрочем, он ее всякую любил.

– Давно встал? – Она потянулась, смешно зевнула.

– Давно. В питомник поедем?

– Ну что ты, Дан! – укоризненно опешила она. – Нужно же отдать вещи Кирилла в храм!

Вчера Уля весь вечер занималась устройством одежды покойного друга. Вообще-то, не столько барахла было у Кирилла, чтобы сильно морочить голову и себе, и другим. Данила просто отнес бы вещи к помойке и положил рядом – бомжи возьмут. А не увидят, так и ладно.

Уля звонила приятельнице, занимающейся помощью бездомным, потом Елене Сергеевне, потом снова приятельнице. Жена была очень озабочена и сосредоточена, Даниле было забавно за ней наблюдать.

– Так ты же договорилась вчера! – удивился он. Вчерашние переговоры закончились тем, что приятельница должна была сегодня утром приехать на машине к Елене Сергеевне.

– Нужно проконтролировать, – твердо заявила Уля.

«Контролировать» ему не хотелось до смерти. Данила устал от чужого горя, и ему хотелось хотя бы один выходной провести нормально, как прежде.

– Потерпи, Дан. – Жена у него умница, уловила его настроение. – Елене Сергеевне надо помочь.

– Надо, – согласился он, отлично понимая, что любой «контроль» уже лишний. Все, что можно и нужно сделать, они с Улей сделали.

Жена достала йогурт, долго думала, какой чай заварить, остановилась на зеленом, не торопясь и с удовольствием позавтракала.

Потом опять позвонила приятельнице и Елене Сергеевне, а потом стала торопить Данилу, потому что приехать к Кирилловой матери нужно было уже через полчаса.

Опоздали они ненамного, минут на пять. Приятельница, оказавшаяся теткой неопределенного возраста и настолько потрепанной, что скорее походила на законченную алкоголичку, чем на благотворительницу, ласково рассказывала Елене Сергеевне, что вещи пойдут для погорельцев. Что она сегодня же отвезет их в какую-то подмосковную деревню, где два дома сразу сгорели. Такое горе, такое горе!

– Люди очень бедствуют, очень, – качала головой благотворительница.

Данила предполагал, что дома спалили спьяну. Но в разговор не вмешивался.

Как ни странно, несмотря на весь свой неопрятный вид, тетка Даниле понравилась. Было в ней что-то наивное и искреннее, и он, уже давно привыкший никому и никогда до конца не доверять, сразу понял, что женщина не обманывает. Впрочем, обманывать никакого смысла не было, Кирилл хорошую одежду любил, но обогатиться на его шмотках проблематично.

Уля Елену Сергеевну обняла, поцеловала и сразу сделалась центром происходящего.

– Неси в машину, – заглянув в чемодан, велела она приятельнице. Заглянула в большую коробку и решила. – А это Данила отнесет.

Он послушно понес коробку вниз, загрузил благотворительнице в багажник. Машина, кстати, была неплохая, новенькая «Шкода Октавия». Уля спустилась следом, нетерпеливо топталась рядом.

– Нужно подняться, попрощаться с хозяйкой, – решила приятельница, растерянно оглядываясь около раскрытого багажника.

– Не надо, – решительно поторопила Уля. – Поезжай, не теряй время!

Благотворительница помялась, но послушно села за руль, жена потянула Данилу опять к подъезду.

Дверь в квартиру осталась отпертой, Данила осторожно постучал, переступил через порог, пропустил Улю.

– Как я вам благодарна ребята! – вышла к ним Елена Сергеевна. – Что бы я без вас делала! А Ника-то так и не позвонила!

– Бог с ней, – быстро сказала Уля. – Если что-то потребуется, звоните в любое время.

– Спасибо, Уленька. – Елена Сергеевна достала платок, промокнула

глаза. – Все время плачу.

– Ну что же делать, – посочувствовала Уля. – Должно пройти время. Время – лучший лекарь.

– Леночка, зови гостей чай пить, – выглянул из кухни друг. Посмотрел на Данилу с женой, кивнул – поздоровался. Опять скрылся. Елене Сергеевне повезло, друг казался надежным.

– Спасибо, но мы пойдем, – быстро отказался Данила. Все было правильно, хотя почему-то показалось ему хорошо отрежиссированным спектаклем.

– Да, Данила, – вспомнила хозяйка. – Ника говорила, ты хочешь взять компьютер Кирюши. Возьми. Сейчас принесу.

Она прошла в комнату, вернулась с ноутбуком и тянущимся за ним зарядным устройством.

– Только если он вам не нужен... – Данила подхватил протянутый ноутбук.

– Бери, бери, – покивала Елена Сергеевна. – Зачем он мне?

Уля опять поцеловала женщину и, спускаясь вниз, недовольно показала глазами на ноутбук.

– Зачем он тебе?

Данила пожал плечами. Станный вопрос, от жены даже неожиданный.

– Как память о Кирилле.

Товарищеский долг можно было считать выполненным, и впереди был еще целый день с Улей. Друзей не стало, но его-то жизнь продолжается.

– Давай больше не думать о плохом. Мы ведь очень помогли Елене Сергеевне, правда, Дан?

Уля была довольна. Она любила делать добрые дела, а еще больше любила, когда другие это ценили. Елена Сергеевна, судя по всему, оценила.

– Правда, – кивнул Данила.

Ему тоже не хотелось думать о плохом. Это удалось ненадолго, на несколько часов.

С просьбой свекрови насчет вещей Кирилла Нике хотелось покончить как можно быстрее. Покончить и забыть и о бывшем муже, и о бывшей свекрови. Они-то о Нике не вспоминали все прошедшие три года.

Утром пришла простая и правильная мысль, Ника даже повеселела и только удивлялась, что мысль не пришла в голову сразу, еще вчера. Вещи нужно отдать папиному приятелю отцу Валерию. Отец Валерий служил настоятелем в каком-то храме недалеко от Бульварного кольца.

Дядя Валера Нике нравился. Он был веселый, смешливый и ничем не отличался от обычных мужчин, если не считать бороды и стянутых резинкой волос. В облачении Ника видела отца Валерия только на фотографиях, там он выглядел строгим, серьезным, но все равно сквозь строгость и серьезность проглядывали доброта и понимание.

– Мам, – позвонила родителям Ника. – Елена Сергеевна просит отдать вещи Кирилла в храм. Спроси у дяди Валеры, куда отвезти.

– Привози к нам, – сразу решила мама. – А Валерке папа позвонит. Много вещей-то?

– Большой чемодан и коробка.

– Привози. А хочешь, мы сами к Елене съездим и заберем?

Нике очень хотелось сказать, что именно этого и она хочет, никогда больше не встречаться со свекровью. Ей было очень плохо три года назад, а Елена Сергеевна ни разу ей не позвонила.

– Хочу, – решила Ника. – Но не надо. Сама привезу. По-моему, Елена Сергеевна обиделась, что я сразу вещи не забрала.

– Это правильно, – подтвердила мама. – Ты теперь для нее единственный близкий человек.

– Что? – опешила Ника. – Я близкий человек? Да она обо мне не вспомнила ни разу!

– Несчастье все поменяло, Ника.

– Что оно поменяло? – Нике показалось, что от обиды она сейчас расплачется. – Я заменю ей Кирилла?

– Перестань! – В мамином голосе послышался металл. Это папа всегда так говорил, когда мама злилась, – зазвенел металл в голосе. – Нельзя быть такой жестокой! Ты ей тоже не звонила три года!

– И еще тридцать лет звонить не хочу!

– Перестань, Ника. – Это мама сказала уже нормальным голосом, без металла. – Несчастливая женщина, пожалей ее. Не хочешь к ней ехать, давай действительно мы с папой съездим.

– Не надо, я сама, – буркнула Ника. – Ты уверена, что она стала бы нам помогать, если бы – не дай бог – у нас случилось несчастье?

– Не уверена, – спокойно сказала мама. – Но она – это она, а мы – это мы. У нее своя совесть, у нас своя.

Ника помолчала и рассказала:

– Я ездила к Лизе. Отвезла ей платок, она платок на похоронах потеряла. Пуховый. Очень ее жалко, плачет все время и какая-то... потерянная.

– Очень жалко, – подтвердила мама. – Ты ей звони, вы же когда-то

дружили.

– Да нет, сказать, что мы дружили, нельзя. Так... Она мне нравилась. И я ей вроде бы тоже. Но с тех пор много воды утекло.

– Все равно. Позвони ей, попробуй поддержать. В горе человеку нужны другие люди.

– Ладно. – Нике действительно было жаль Лизу, но набиваться в утешительницы она не собиралась.

Никому никто не утешал, когда ей не хотелось жить. Сама утешилась.

– А платок я видела, – вспомнила мама. – Данила на похоронах ко всем подходил, спрашивал, кто потерял. Кто-то сказал, что Лиза. Она ведь одна на поминки не осталась. Елена сразу платок взяла у Данилы и сунула в сумку. Я еще удивилась, Даниле-то проще передать Лизе.

– Елена Сергеевна решила, что проще всего будет, если передам я.

– Ну перестань, Ника, – упрекнула трубка. – Не старайся казаться хуже, чем ты есть на самом деле. Если Елена ищет повод лишний раз тебя увидеть, значит, ей просто очень плохо, вот и все. – Мама вздохнула. – Я Данилу и Сашу только по твоим рассказам помнила, а кажется, что умер кто-то близкий.

– Ты видела их на свадьбе...

Ника еще немного поговорила с мамой и позвонила свекрови. Елена Сергеевна ответила быстро, но таким усталым, старушечьим голосом, что Нике неожиданно стало стыдно неизвестно за что.

– Елена Сергеевна, – быстро предложила Ника. – Давайте я сейчас приеду, заберу вещи. У моих родителей есть знакомый священник, он все устроит.

– Данила с Улей только что забрали, – медленно сказала свекровь, как будто ей было тяжело произносить слова. – Они мне очень помогли.

– Ну... – Что еще сказать, Ника не знала. – Если что нужно, звоните, пожалуйста.

– Ты меня не забывай, Ника.

– Конечно. До свидания, Елена Сергеевна.

Ника положила трубку, пытаясь отделаться от неприятного осадка. Наверное, надо было спросить, как свекровь себя чувствует, а она не спросила. Впрочем, едва ли можно хорошо себя чувствовать, похоронив сына.

Разговоры со свекровью и раньше оставляли неприятный осадок. «Кирилл на работе», – объясняла Ника, когда Елена Сергеевна, позвонив, не заставала сына дома. «А он обедал?» – спрашивала свекровь, и Ника начинала чувствовать себя виноватой, потому что понятия об этом не

имела. Единственное, что она могла предположить, это то, что Кирилл едва ли станет мучиться от голода, потому что любил комфорт во всем.

Еще свекровь очень переживала, что сын много работает, и Ника опять чувствовала себя виноватой, что не может уговорить мужа вести более размеренный образ жизни. Как будто кто-то в мире может себе позволить работать немного, а жить при этом хорошо.

Ника не любила свекровь, и сейчас ей было от этого стыдно.

Освободившийся день она решила использовать по полной. Запустила стиральную машину, пропылесосила квартиру, протерла пыль.

И занимаясь привычными домашними делами, неожиданно поняла, что ей очень хочется знать, отчего погиб ее бывший муж.

Как работает полиция, Лиза не представляла. Вполне возможно, что у мужчин, оставивших Вариной матери свои визитки, сегодня выходной, но, дождавшись десяти часов, она набрала один из номеров.

– Извините, – услышав в трубке мужской голос, быстро сказала Лиза. – Я по поводу Варвары Веденеевой...

– Вы родственница? – перебил голос.

– Нет. – Лиза села за Сашин письменный стол, свободной рукой поправила неровно лежавшую папку с бумагами. – Варя работала у моего мужа. Он частный врач.

– Подождите, – опять перебил голос. – Мать сказала, что девушка работала в больнице.

– Да, – подтвердила Лиза. – А еще она помогала моему мужу. Неофициально.

– Понятно.

– Моего мужа убили восемнадцатого февраля.

– Вы где находитесь? – Лизе показалось, что мужчина тяжело вздохнул.

– Дома. – Лиза назвала адрес, собеседник немного помолчал, прикидывал, как им лучше встретиться.

– В отделение приехать сможете? – Отделение находилось почти у Вариного дома.

– Смогу.

– Через час?

– Хорошо.

– Как вас зовут?

– Вербицкая Елизавета Антоновна.

Отделение полиции она нашла сразу и сразу нашла нужный кабинет.

– Константин Степанович? – сунулась в кабинет Лиза.

– Елизавета Антоновна? – уточнил сидевший за столом мужчина лет тридцати.

Мужчина – худощавый, уставший, посмотрел на нее пытливо и сурово.

– Да.

– Проходите. Присаживайтесь.

Лиза прошла. Вблизи было видно, что стол старый, на нем виднелись многочисленные царапины. Компьютер перед полицейским тоже был не из новых, клавиатура совсем грязная.

– Моего мужа убили в прошлую субботу...

Она говорила, полицейский внимательно слушал. На столе перед ним лежал телефон. Записывает разговор, поняла Лиза. Напрасно он показался ей суровым, сейчас мужчина поглядывал на нее с сочувствием.

Лиза рассказала, как отдала подмосковным полицейским Сашин компьютер.

Она не знает, есть ли у них подозреваемые...

Она не представляет, кто мог желать смерти ее мужу...

Варя могла помочь, но Варю тоже убили.

– Почему вы считаете, что убить хотели вашего мужа? Там был и второй парень.

– Варя к Кириллу не имела никакого отношения. Где ее убили? – зачем-то спросила Лиза. – Где конкретно?

Полицейский вздохнул, пощелкал мышью, повернул к ней экран.

– Мы не знаем, где ее убили, – уточнил он. – Тело нашли здесь.

– Варя ехала ко мне.

– Я понял.

Он разговаривал спокойно и терпеливо, и впервые за все последние дни к Лизе пришла уверенность, что убийцу найдут. Что-то было в этом усталом парне, внушающее такую уверенность.

– Звоните в любое время, если что-то вспомните, – сказал он, протягивая визитку.

Лиза поднялась, попрощалась.

Пошел снег. Тротуар успело занести тонким белым слоем.

В машине было холодно, Лиза поежилась, включила печку. Не успела тронуть машину, как зазвонил телефон.

– Да, Люда, здравствуйте.

– Я сейчас в больницу звонила, – сказала Варина соседка. Наверное, у нее не слишком много подруг, если она звонит почти незнакомой Лизе. – Говорят, Наталья Семеновна в реанимации. Может, все-таки к ней съездить,

как вы думаете? Правда, мне сказали, что посещения запрещены.

– Если запрещены, значит, не пустят. – Лиза прижала телефон плечом, тронула машину. – Люда, я совсем близко. Хочу съездить на место, где нашли Варю. Я только что из полиции.

– Хотите, я с вами схожу?

– Хочу. Я подъеду минут через пять.

С почти незнакомой Людой Лиза отчего-то чувствовала себя уверенней. Даже уверенней, чем с умным и рассудительным Федором.

Когда Лиза затормозила у подъезда, Людмила ее уже ждала. Быстро села рядом, пристегнулась. Она была ровесницей Лизы, это утром казалась старше своих лет. Бессонная ночь и несчастья, даже чужие, не красят и не молодят.

– Ребенка с кем оставили? – спросила Лиза, пропуская серую «Вольво».

– С мамой. Мама приезжает по воскресеньям. А в будни сидеть не может, работает, она вздохнула. – Что вам в полиции сказали?

– Больше я говорила. – Лиза сверилась с картой, тронула машину. – Моего мужа убили в прошлую субботу. Отравили.

– Господи! – ахнула Люда. – Что же ты сразу не сказала?! Царствие небесное!

– Варя у него работала. Он врач.

Людмила покачала головой, помолчала, вздохнула.

– Так что же, кто-то им отомстил?

– Мужу не за что было мстить, он хороший врач. А Варе тем более.

– Так что же тогда?

– Не знаю. Я надеялась, Варя мне поможет.

Ведущая к лесопарку дорога повернула, пошла вдоль стены деревьев. Лиза остановила машину, огляделась.

Снег под деревьями казался чистым, свежим. В городе сугробы уже осели, почернели, а здесь зима осталась красивой, как на картинке. Впрочем, возможно, это от того, что снег продолжал идти.

– Куда теперь?

Лиза подвигала пальцем карту на телефоне, нерешительно показала направо.

Пожилая пара, перебирая лыжными палками, медленно прошла мимо. Палок у каждого было две, кажется, это называется скандинавской ходьбой. Мужчина вырвался вперед, оглянулся, подождал жену. Эти люди наверняка жаловались на здоровье, на детей, на что-нибудь еще и даже не подозревали, какие они счастливые.

– Надо у дворников спросить. – Людмила заметила впереди мусорные баки и двоих мужчин в оранжевых жилетах.

Лиза согласно кивнула, прибавила шаг, чтобы не упустить мужчин.

– Здравствуйте! – запыхавшись, издалека крикнула Люда.

– Здравствуйте, – покивали азиаты-дворники.

Один был постарше, второй совсем молоденький паренек.

– Извините, – быстро заговорила Люда. – Здесь вчера девушку нашли, убитую. Вы ничего не знаете?

– Это наша подруга, – объяснила Лиза, видя, что мужчины насторожились.

– Не знаем мы ничего, – сказал тот, что постарше. – Ничего не знаем.

По-русски он говорил правильно и почти без акцента.

– Женщина прибежала... С собакой. Большая такая собака, пушистая. Часто здесь гуляет, – заговорил молодой. – Кричит, девушка там. Мы говорим, в полицию звони. Она и позвонила. А мы ничего не видели, так полиции и сказали.

Лиза достала кошелек, вынула две сотни, протянула старшему.

– Покажите, где лежала девушка. Просто покажите.

Старший кивнул, молодой повел приятельниц по расчищенной асфальтовой дорожке.

– Мы правда ничего не видели, – заверил парень, и Лиза ему поверила.

Он остановился совсем близко, метрах в двадцати, показал рукой под дерево.

– Здесь она лежала. Утром не было, утром я тут проходил.

– Утром не было, – кивнула Лиза, оглядываясь. – Утром я с ней разговаривала.

Сквозь голые ветки виднелись высокие дома – недавно выстроенный квартал. Наверное, из окон домов место просматривалось, но подробности точно разглядеть нельзя – далеко.

От дороги метров десять, физически развитый мужчина запросто донесет труп.

Парень ушел, они постояли немного и побрели к оставленной машине.

– Пойдем ко мне, – позвала Люда. – Мама уедет сейчас. Пообедаем. Я борщ вкусный сварила.

– Спасибо, – отказалась Лиза. – В другой раз.

Она и так потеряла много времени, не сейчас, раньше. Нужно напрячь мозги и память. Чем-то Саша мешал убийце, и она должна понять чем. Вари больше нет, и никто ей помочь не сможет.

Уля разговаривала по телефону. Сначала позвонила в питомник, выслушала отчет дежурившей тетки, дала указания. Потом позвонила приятельнице, отбившей с вещами Кирилла. Вещи приятельница, как понял Данила, удачно пристроила. Потом позвонила какой-то подружке, рассказала, как они очень, очень помогли несчастной матери погибшего Данилиного друга.

Даниле стало скучно, и он включил ноутбук Кирилла. Комп оказался забит фотками и видео. Данила никогда не думал, что друг такой любитель собирать собственные изображения. Данила считал, что этим увлекаются только девочки-школьницы.

Кое-какие видео оказались Данилы, и эти он удалил сразу. Собственно, для того ноутбук и брал. А потом под звонкий голосок жены принялся листать фотоархив друга. На тех фотках, которые относились ко времени присутствия в жизни Кирилла Ники, ничего интересного не было. Кирилл с Никой где-то у моря, на даче, на фоне вечерней сияющей огнями предновогодней Москвы... Они все вместе – Кирилл, Данила, Саша, Лиза. Еще была одна Ника, веселая, смотревшая в объектив счастливыми глазами. Некоторые из снимков были не то чтобы совсем интимными, но явно не предназначенными для чужих глаз. Эти Даниле захотелось удалить, Ника ему нравилась, а такие фотки не должны находиться ни у кого, кроме нее самой. Удалять он не стал, не его дело. Комп Ника сама отказалась брать.

Потом пошли фотографии поинтереснее – куда более откровенные изображения Машки Безруковой.

– Что ты делаешь? – Данила не успел закрыть просмотрщик файлов, Уля подошла сзади, уткнулась ему в шею. – Фу, какая гадость! Кто это?

– А это Маша Безрукова и есть, – засмеялся Данила. – Кирюхина любовь.

– Тебе нравится на это смотреть, Дан? – Уля насупилась, он потянул жену за талию, посадил на колени.

– Его убили, Ульяша, – напомнил он. – Любая инфа может послужить ниточкой, понимаешь?

– Нужно отдать это в полицию! – Уля дернулась, наверное, собралась немедленно звонить ментам, но Данила ее удержал.

– Сначала я хочу посмотреть сам. Не нужно создавать кому-то неприятности на ровном месте.

– Какие неприятности? – возмутилась Уля и снова дернулась. – Человека убили, а ты говоришь о каких-то неприятностях!

– Машка замужем.

– Ты думаешь, Кирилла отравили из ревности? – Уля отодвинулась, заглянула ему в глаза.

– Я понятия не имею, из-за чего Кирилла отравили. Я понятия не имею, кого хотели отравить, его или Сашку. Но...

– Послушай, нужно немедленно отдать это в полицию!

– Нет! – отрезал Данила. – Сначала я все посмотрю сам и хорошо подумаю! У Машки муж где-то при Думе околачивается, а мы сунемся с этим к подмосковным ментам!

– Тогда верни компьютер Елене Сергеевне.

– Верну. Но сначала все посмотрю и подумаю.

– Дан, зачем тебе эта гадость? – Уля кивнула в сторону экрана.

– Гадость я больше смотреть не буду, – пообещал он. – Но что здесь есть еще, я хочу знать.

– Зачем?

– Уля, Кирилл и Сашка были моими друзьями.

– Но ты не полицейский и не ясновидящий! Ты что, хочешь искать убийцу?

Данила промолчал. Он не собирался искать убийцу. Но и равнодушно захлопнуть ноутбук не мог.

– Знаешь, я бы позвонил Машке, – задумался Данила. – Но я телефона не знаю.

– Зачем ей звонить? – Идея Уле явно не понравилась.

– Хотя бы сказать о смерти Кирилла.

– А она что, не знает?

– Понятия не имею. На похоронах ее не было.

– И тебя это волнует?

– О господи! – вздохнул Данила. – Уля, не цепляйся. Меня волнует, что Кирюху и Сашку убили, понимаешь?

– Эта Маша тебе нравилась?

– Нет, – честно ответил Данила. – Она мне не нравилась. Я ее и не знал почти.

Безрукова никогда ему не нравилась. Глупая и наглая девка. Когда-то ему нравилась Лиза. Не настолько, чтобы попытаться отбить ее у Сашки, но все-таки...

– Я же тебе рассказывал, – напомнил он. – У Саши рано умерла мама, и мы тусовались у него дома. Саша с Лизой в одном классе учились, а мы с Кириллом в параллельном.

– А Маша?

– Она на год моложе. Кирилл ее привел, когда мы уже школу кончали.

Уля слезла с его колен, прислонилась к столу.

– Потом, когда в институты поступили, мы часто уже не собирались. Так, в выходные... Ну а потом и совсем редко, несколько раз в год.

Он снова притянул жену к себе, уткнулся ей в живот и неожиданно почувствовал себя совершенно одиноким.

С Сашкой они ходили вместе еще в детский сад. Потом, уже в школе, ждали друг друга после уроков. Кирилла они тоже ждали, но Кирилл все-таки был чуть-чуть чужим. Для Данилы, во всяком случае.

– Позвоню Лизе, – решил Данила. – Спрошу телефон Машки.

Жена под его руками напряглась, отодвинулась. Он постарался этого не заметить, сходил за телефоном, снова плюхнулся в кресло.

Уля его ревнует, и он должен этому радоваться, но почему-то не радовался.

– Привет. – Лиза взяла трубку не сразу, и он отчего-то занервничал. – Слушай, у тебя нет телефона Безруковой?

Лиза с Безруковой не то чтобы дружила, но какие-то отношения поддерживала. Несколько раз упоминала о Машке, когда та уже окончательно выпала из их компании. Даниле даже хотелось сказать Лизе, чтобы послала ненужную подружку к черту, потому что Машка, если и говорила о Лизе, то только с большим ехидством. Один случай Данила помнил хорошо, Лиза пришла тогда в цветастом платье, очень красивом на вкус Данилы, а Маша, ласково усмехнувшись, спросила: «С Черкизона?»

Что ответила Лиза, он не помнил, а женскую «шпильку» отметил.

Они вообще были здорово похожи, Машка и Кирилл. Не внешне. По характеру.

Даниле нравилась Лиза, но он никогда не пытался поссорить их с Сашей. Ему это просто в голову не приходило. Кирилл же не упускал случая, поддеть Сашку из-за его тесной дружбы с ничем не примечательной девчонкой. Впрочем, на Сашу это не действовало.

– Сейчас сброшу эсэмэской, – пообещала Лиза и замялась. – Данила...

– Да?

– Варю убили.

– Кого? – Он не понял, почему у него вылетело это «кого». О Сашкиной медсестре он не только слышал, видел девчонку пару раз, когда приезжал к другу в кабинет, чтобы получить рецепты для родственников.

– Варю. Медсестру.

Лиза рассказывала, как ездила к Вариной матери, как потом мать увезли в больницу, а у него громко стучало в висках. Он даже сжал голову свободной рукой.

– Нужно ментам сказать.
– Я была в полиции. Еще утром.
– Лиза...
– Да, Данила, – быстро сказала Лиза. – Убивали Сашу. Кирилл здесь ни при чем.
Она помолчала, Данила тоже.
– Искать нужно среди больных.
– Да, – согласился Данила. – Ты говорила, что отдала Сашин комп в полицию.
– Отдала. Но Саша дублировал все на домашнем компьютере. А он сейчас у меня.
– Хочешь, я тебе помогу?
– Пока не надо.
– Позвони, если возникнут гипотезы.
– Обязательно.
Данила положил телефон на стол, сжал голову двумя руками, отпустил.
– Что там?
От любопытства Уля переступала ногами, и это раздражало. Он прикрыл глаза.
Он не предполагал, что Уля когда-нибудь начнет его раздражать.
– Убили Сашину медсестру.
– О господи! – Она о чем-то подумала, покусала губы, вздохнула. – Будешь звонить Маше?
– Потом.
Сейчас ему хотелось только одного, чтобы от него все отстали. И Уля тоже.

27 февраля, понедельник

Накануне Федор, как обычно за последние дни, позвонил Лизе, предложил помощь. Выглядело все это глупо, и от помощи Лиза отказалась. Чем, черт возьми, он мог ей помочь? Сашку вернуть невозможно, а ничего другого ей не нужно.

Известие, что убили Сашину медсестру, Федор воспринял не то чтобы совсем равнодушно, но и без особого душевного потрясения. Девчонка была чужой, он ее даже не видел ни разу, а Федору хватало волнений за близких.

И больше всего за Лизу.

Лизу ему было жалко так, что подкатывал комок к горлу. Раньше он думал, что это образное выражение, а теперь понял, что комок у горла – вещь вполне реальная.

Раньше была надежда, что целью убийцы был Кирилл, а теперь стало ясно: Кирилл – случайная жертва. А из этого следовало, что Лиза тоже может оказаться на примете у убийцы. Сашка с женой откровенничал, Лиза почти ежедневно приезжала к нему в кабинет, и если убийца убирает свидетелей...

Что делать в таком случае, Федор не представлял. Не отпускать от себя Лизу ни на шаг? Но она едва ли согласится, да и технически это сложно, не может же он превратиться в добровольного охранника на неизвестно какой период. Ему надо на что-то жить, он не может не работать.

Нужно найти убийцу.

Федор сунул пропуск в турникет, поздоровался с охранником, поднялся к себе в офис, включил компьютер. И понял, что работать не может.

Он не видел брата одного много лет, тот всегда был с Лизой. Сначала Лиза была подругой, потом женой. Один Саша не появлялся даже на семейных сборищах. Родителям это не нравилось, особенно когда Саша еще в школе учился. «Я ее не приглашала», – чеканила мама, когда гости уходили. Федор тогда Сашку жалел, накрепко связать себя девчонкой ему, мальчишке, казалось довольно обременительным.

Федор выключил компьютер и спустился вниз, к машине. По правилам хорошего тона перед визитом следует звонить, но он звонить не стал, быстро доехал до Лизино дома и поднялся в квартиру.

Лиза открыла не сразу, и он так обрадовался, когда дверь наконец

распахнулась, что неожиданно для себя схватил Лизу в охапку и несколько секунд постоял, покачиваясь.

– Ты что? – равнодушно удивилась она, освобождаясь из его объятия.

– Я за тебя боюсь, – признался Федор.

Она была со спутанными волосами, и от этого выглядела еще более жалкой. Раньше он думал, что выражение «сжимается сердце» образное, а теперь понял, что и это выражение вполне реальное.

– За меня больше нечего бояться, – усмехнулась Лиза. – Самое страшное, что могло со мной случиться, уже случилось.

– Я тебя разбудил?

– Нет. – Она повернулась, прошла в комнату, села за стол к открытому ноутбуку, задумалась. – Коньяк появился дня за три до... Во вторник или в среду.

– Смотришь списки Сашкиных больных? – догадался Федор, раздеваясь. – Кого он принимал в те дни?

– Да.

– Коньяк могли принести и без записи. Знаешь, как это бывает – заглянул в кабинет, отдал коньяк и вышел.

– Знаю. Варя могла бы помочь, но...

– Лиза, так мы ничего не добьемся. – Федор подвинул стул, сел рядом. – Этот список менты в первую очередь должны отработать. Ты им говорила, что бутылка появилась в начале недели?

– Говорила. И парню, который Варино дело ведет, сказала. Он собирался с дачной полицией связаться.

– Конечно, они объединят эти дела. Ясно, что убийства связаны. Послушай, Лиза, давай верить, что убийцу найдут. Ты лучше вспомни, случалось ли что-то необычное накануне? Странное?

– Не было, – сразу сказала она. – Самым необычным и странным было то, что у нас будет ребенок. У меня будет, – поправилась Лиза.

Федор чуть не ляпнул «поздравляю», вовремя сдержался.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

– Знаю. Спасибо. – Она откинулась в кресле, заложив руки за голову. – Знаешь, где-то пару месяцев назад Саша ужасно злился. Одна больная решила ему завещать квартиру. Он отказался, конечно. Обругал ее по-всякому, разговор при мне был.

– И... что?

– Ничего, – пожала Лиза плечами. – Больше Саша об этом не говорил. Кажется, тетку звали Надежда, но точно не помню. Фамилии-отчества тем более не помню. У него среди больных Надежд несколько.

– Знаешь что? – задумался Федор. – Дай-ка я перепишу базу.

Лиза послушно подвинулась вместе с креслом, выдвинула ящик стола, нашарила флешку.

База данных едва ли могла сказать что-то Федору, но Лизе хотелось хоть какой-то помощи.

По объему в мегабайтах база оказалась крошечной, можно письмом переслать, но Федор вставил флешку в компьютер.

Зазвонил сотовый, он, чертыхнувшись, ответил. Звонили с работы. Действительно срочно требовалось его присутствие, он вяло сопротивлялся.

– Поезжай, Федор, – вздохнула Лиза, когда он сунул телефон в карман. – Поезжай, никому не нужно, чтобы ты здесь сидел.

Это нужно ему.

Но поехать на работу было необходимо.

Снова зазвонил телефон, на этот раз Лизин. Пока она искала его в сумке, тихая музыка усилилась, сменилась громкой.

– Да, – говорила Лиза. – Да...

У позвонившего что-то случилось, это Федор понял сразу.

– Умерла Варина мама. – Лиза бросила телефон на диван, постояла. – Я сейчас поеду к ее соседке.

– Ты знаешь соседку медсестры? – удивился Федор.

– Познакомилась.

– Я тебя отвезу.

– Давай, – согласилась она.

По дороге Лиза рассказывала, что соседка Людмила позвонила в больницу, и ей сообщили печальную новость. Она одна с ребенком, ей надо помочь.

Лиза напомнила себя прежнюю, и необъяснимая, недостойная, бабья тревога, мучившая с утра, отступила. Федор не знал, что было бы лучше, если бы тревога не отступала.

День выдался хлопотный. Один из мастеров, которому Данила абсолютно доверял, должен был на несколько дней уехать из Москвы, а равноценной замены не было. И не отпускать парня нельзя, он – белорус по гражданству, получил долгожданный вид на жительство, и оформлять документы требовалось срочно.

– Я вернусь послезавтра, – заверял мастер, но Данила ему не верил. Не верил не потому, что парень намеренно его обманывал, а потому что лучше других знал, как тянется бумажная волокита. То одной тетки, от которой

требуется какая-нибудь закорючка, на месте не окажется, то другой, то полноценный будний день в государственной конторе сделают не приемным, то еще что-нибудь не задастся.

Документы в Москве оформить проблема, а в провинции тем более. Ехать мастеру предстояло куда-то под Вологду, к родственникам жены.

– Оформишь и приезжай, – решил Данила. – Не срывайся, лучше сразу все сделай, а то потом намучаешься ездить, только дольше выйдет.

Парень вернется, как только сможет, Данила не сомневался. Во-первых, потому что деньги ему очень нужны, а деньги напрямую зависели от работы фирмы. А во-вторых, Даниле – во всяком случае, он старался так думать – удалось создать то редкое, что почти не встречается в многострадальном российском бизнесе – команду.

Данила здорово обжегся когда-то. Когда-то он считал себя членом команды, а оказалось, что команды никакой не было, а было только воровство и самодурство.

Он тогда о своей фирме еще не думал. Тогда его вполне устраивало положение наемного спеца.

Жизнь изменилась сразу, в одночасье. То есть изменилась не жизнь, изменилось его отношение к жизни. Впрочем, жизнь изменилась тоже.

В тот день они сдали новый объект. Ремонт восстановленного здания был выполнен отлично, и в том, что все документы будут подписаны, Данила не сомневался. Он лично проверял все поступаемые на объект материалы, ругался с поставщиками, требовал замены, если замена была необходима, и добивался своего. При этом ему даже удалось заметно сэкономить первоначально выделенные деньги, чему директор фирмы искренне изумлялся.

Директор Даниле нравился. То есть нравился до того памятного вечера. Директор был исключительно вежлив, знал и помнил всех прорабов, при встрече радовался подчиненным, как родным, и вызывал у всех без исключения огромное уважение.

Вообще-то, Данила знал, что положение у фирмы шаткое, конкуренты наступали на пятки, а экономический кризис ставил заметные преграды. Слухи о сокращении в фирме то затихали, то обретали новую силу, но Данила к ним не прислушивался. Знал, что работает не хуже, а лучше остальных, и верил, что его уволят в последнюю очередь. Дурак был.

В тот день Данила приехал в контору, сияя от счастья. Сданный объект был важным, и Данила чувствовал себя победителем. Он даже не сразу понял, что говорит ему начальство.

– Ты понимаешь, Данилка, – жалобно смотрел на него директор. – Я

ничего не могу сделать. Ничего. Я человек подневольный. Мне приказали сократить прорабов, и все! Хоть голову разбей! Ты молодой, перспективный, ты работу найдешь. Или знаешь что, приходи через месячишко, я тебя снова приму, обещаю! За месяц все устаканится, и я тебя втихую назад возьму...

Данила ехал из конторы в метро, машины у него тогда еще не было, стоял в углу вагона и в голове стучало – надеяться надо на себя. Надеяться надо только на себя.

Ему казалось тогда, что жизнь кончилась, хотя ничего особо страшного не случилось. Без работы он действительно не остался бы, отец давно предлагал устроить его через знакомых в какую-нибудь проектную контору. Будет сидеть себе в чистом костюме за компом, а не таскаться по грязи с работягами.

Он поехал тогда не домой, к родителям, а к Сашке. Открыл ему Кирилл и долго хохотал, слушая печальный Данилин рассказ.

– Нечего было из кожи лезть, – резюмировал Кирилл, отсмеявшись. – Что ты в передовики рвался? Работал бы как все! Директор твой не дурак, ему конкуренты не нужны, а ты как раз в конкуренты ему и лез. Директор тоже наемный, зачем ему подчиненный, который деньги экономит? Деньги-то не директорские, деньги фирмы. Решат хозяева в ситуации разобратся, директора скинут, а тебя, умника, назначат. Ему это надо?

Лиза тогда Кирилла оборвала, принялась Данилу утешать, а Саша спокойно сказал:

– Убытки ум дают. Прорвемся, Данила. Хочешь, я у больных насчет работы поспрашиваю?

– Нет, – уверенно отказался Данила. – Я хочу свою фирму.

Надеяться надо только на себя.

Специально Данила команду не создавал, просто старался относиться к подчиненным по-человечески, в трудные моменты сочувствовал и поддерживал, разгильдяйства не спускал, за воровство увольнял сразу. Когда в фирме дела шли неважно, сквозь пальцы смотрел на то, что мастера подрабатывают на стороне. Ребятам надо содержать семьи, никуда не денешься. А когда требовалась срочная работа, делался непреклонным.

Он знал, ребята его уважали. Бухгалтерша на прошлый его день рождения, который наспех вечером отмечали в конторе, расчувствовалась, заплакала даже, и повторяла, протягивая к нему рюмку:

– Мне так повезло, что я с тобой работаю, Данила! Так повезло! Чтобы добрый начальник был... Это как в лотерею выиграть!

– За доброго и справедливого! – сказал тогда кто-то, и все подхватили.

Сказано, конечно, было немного в шутку, но и всерьез тоже.

Вообще-то, Данила заработать авторитет у работяг не старался, но слышать это было приятно.

Уля тоже часто говорила – ты у меня очень добрый, Данила. Иногда говорила с восхищением, иногда с легким сожалением. Это когда ему из-за собственной «доброты» приходилось уезжать по служебным делам в неурочное время.

За мастером, отбывшим под Вологду, проверять сметы необходимости не было, за некоторыми другими тоже, а вот остальные документы Данила изучил тщательно. Давно взял за правило не подписывать ни одной бумажки, в которой не был уверен.

Заглянула секретарша, спросила, не принести ли что-нибудь на обед. Данила отказался, накинул куртку, дошел до расположенного в соседнем доме ресторана. Пока ждал заказ, позвонил Лизе, чувствуя некоторую вину перед Улей. К Лизе жена не то чтобы ревновала, но все-таки относилась к его заботе о вдове друга без особого восторга. Впрочем, ему тоже не понравилось бы, если бы Уля взялась опекать какого-нибудь мужика.

– Умерла Варина мама, – сообщила Лиза.

– Ч-черт, – выдохнул Данила. В трубке слышался детский голос, и он спросил: – Ты где сейчас?

– Тут. У Вари.

– Помощь нужна?

– Пока нет.

Он сунул телефон в карман и неожиданно почувствовал, что аппетит пропал начисто.

Люда плакала, сморкалась в бумажный платок, брала новый.

– Я в больницу с работы позвонила. Мне месячный отчет надо делать – я бухгалтером работаю, а тут такая новость...

– Ты еще кого-нибудь из соседей знаешь? – не выдержала Лиза. – Наталья Семеновна с Варей давно здесь жили, они должны быть знакомы с соседями.

– На пятом этаже старушка, но она совсем редко выходит, ей подниматься тяжело. Я даже не знаю, как ее зовут. Наталья Семеновна иногда с ней на лавочке сидела. Половина квартир сдается, а больше я никого не знаю, только в лицо. Рядом со мной соседка врач, уезжает рано, приезжает поздно.

– Давай поднимемся на пятый.

– Зачем?

– Нужно узнать, есть ли у Натальи Семеновны родственники. Им надо позвонить.

Саша бы сейчас сказал Людмиле что-нибудь резкое и быстро все организовал. Он терпеть не мог истерик во всех их проявлениях.

– Родственники есть, – всхлипнула Люда. – Племянник какой-то, двоюродный, что ли. У него семья. Ребенок маленький. Или даже двое... Они в Подмоскowie живут.

– Пойдем искать телефон! – поднялась Лиза.

Имя племянника Люда вспомнила не сразу, старую бумажную записную книжку в квартире Вари пришлось просмотреть несколько раз. Дозвонились племяннику тоже не сразу, городской не отвечал, позвонили на мобильный.

Разговаривала с родственником Лиза, неожиданно она оказалась старшей в их маленьком тандеме. Мужчина охнул, задал несколько вопросов, сказал, что приедет часа через два. Лиза объяснила, как их с Людой найти.

Снова поднялись к Люде в квартиру. Потом Варина соседка вспомнила, что сына пора забирать из школы, быстро оделись, помчались к трехэтажному зданию школы. Школа находилась совсем близко, почти в соседнем дворе. Люда позвонила в звонок на заборе, исчезла за оградой, через минуту вернулась с мальчишкой.

– Привет, – поздоровалась Лиза.

– Здравсте, – серьезно ответил мальчик.

– Меня зовут Елизавета Антоновна. Или тетя Лиза. Зови как тебе удобнее.

Он кивнул, поправил лямки рюкзака на плечах.

– Ой. – Люда взяла сына за руку, выпустила, всплеснула руками. – Хлеба совсем нет! Давайте в магазин зайдем.

Идти в магазин мальчишке не хотелось, он печально поджал губы.

– Ты сходи, – предложила Лиза новой подруге. – А мы пойдем домой. Да, Вася?

Мальчик внимательно на нее посмотрел, поддержку оценил, согласно кивнул.

– Да. – Он поправил рюкзак за спиной, вложил ладошку Лизе в руку, она сжала маленькие пальчики.

Пальчики были холодные.

– Замерз?

Он покачал головой – нет, посмотрел вслед убегающей матери, повзрослому вздохнул.

- Мама сказала, Наталья Семеновна умерла.
- Да, – подтвердила Лиза и предложила: – Давай рюкзак понесу.
- Нет. Я сам. Она умерла от горя?
- Да.

Лиза остановилась, пропуская ехавший по двору черный «Мерседес», придерживала Васю за плечо.

Вид у мальчишки был одновременно жалкий и независимый, Лиза не удержалась, быстро и незаметно прижала его к себе. И на какое-то мгновение забыла, что она мертвая без Саши и уже никогда не станет живой.

– А вы с мамой вместе работаете? – Вася опять поправил рюкзачок за спиной, Лиза ему помогла, придерживала лямку.

– Нет. Тетя Варя работала у моего мужа. Мой муж врач. Был. Его тоже убили недавно.

– Они все знали какую-то тайну? – Мальчик посмотрел на Лизу, взгляд у него был серьезный. – Они знали тайну, и их поэтому убили? А убийц найдут?

– Насчет тайны не знаю. – Лиза хотела нажать кнопки домофона, но Вася ее опередил, сам набрал нужную комбинацию. – А убийцу найдут. Точно.

А если не найдут, она найдет его сама.

У двери квартиры мальчик снял рюкзак, поставил на пол, порылся, достал ключи, сам отпер дверь. Лиза внесла за ним рюкзак, рюкзак был тяжеловат для такого маленького ребенка.

Он, сопя, разделся, аккуратно повесил одежду, Лиза тоже сняла куртку.

– Люди умирают насовсем? – не глядя на Лизу, задал детский вопрос ребенок. – Или не насовсем?

– Этого никто не знает. Я вот верю, что... не насовсем.

Ее опекал Федор, ей всячески старались помочь родители, но только рядом с маленьким мальчиком она почувствовала, что продолжает жить.

Прибежала Люда, притащила тяжелую сумку с продуктами. Разогрела вчерашний борщ. Есть Лизе не хотелось, но она поела.

Родственник Натальи Семеновны позвонил в дверь, как и обещал, через два часа. Он оказался огромным мужиком лет сорока, толстым, суровым, все время повторял – черт, черт, черт, но рядом с ним отчего-то становилось спокойно.

Домой Лиза поехала на метро. Медленно дошла до ближайшей станции по вечернему городу, вспоминая, как Вася шепнул ей на прощание: «А вы еще придете?» «Обязательно», – пообещала ему Лиза.

Отперев дверь собственной квартиры, она ничего необычного не заметила. Не раздеваясь, села у портрета, рассказала Саше про нового маленького друга. Потом помолчала, глядя на Сашу. Сняла наконец куртку, поднялась, чтобы повесить ее на вешалку, и замерла. С ноутбуком, который она оставила открытым, уезжая с Федором, было что-то не то.

Страх, тупой, бессознательный, накатил сразу. Странно, она считала, что ей нечего бояться после смерти Саши.

Рядом со стулом на уложенном в прошлом году ламинате виднелись грязные разводы от обуви. Не ее, теперешние, свежие, а подсохшие. Лиза наклонилась, внимательно разглядывая грязь на полу. Следы были мужские, от ботинок с рифленой подошвой. Такие не вытрешь, потопав ногами на коврик в прихожей.

Это не мог быть Федор, Федор переобулся утром, это Лиза помнила. Федор собирался взять Сашины тапочки, но она сунула ему гостевые, ничьи.

Стараясь не паниковать, Лиза включила ноутбук и с облегчением выдохнула. Сашина база данных о больных и их болезнях была открыта на той же таблице, которую она просматривала перед уходом.

Потом достала швабру, протерла пол. И только после этого повесила куртку, переобулась в тапочки, обошла квартиру. Ничего необычного она не заметила, но страх не отпускал. От страха даже тошнило немного, Лиза открыла бутылку минералки, отпила прямо из горлышка. Тошнота прошла, а страх остался.

Две недели в командировке добавили отгулов. Отгулов у Ники и без того хватало, после того как Кирилл ее выгнал, она только и делала, что работала. Работа помогала не свихнуться окончательно.

Сегодня идти на работу не хотелось. Нике ничего не хотелось, она провалялась почти до двенадцати, потом нехотя сварила кофе и так же нехотя его выпила.

Вообще-то, не мешало сходить в магазин, кроме пачки пельменей и почти засохшего сыра в холодильнике ничего не было, но она решительно подошла к платяному шкафу и вытащила стоявшую внизу под верхней одеждой черную дорожную сумку.

Прикасаться к сумке было противно. Кирилл выгнал ее с этой сумкой, и она тащила ее по дороге к родителям. Тащила и рыдала.

Неожиданно Ника почувствовала мучительное сожаление, что Кирилла больше нет, и ему не придется пострадать так, как когда-то страдала она.

Мысль была недостойной, Ника постаралась ее отогнать.

Теплые вещи из сумки давно были вынуты, оставалась какая-то мелочевка. Сумка приехала сюда, когда у Ники появилась собственная квартира, и она сунула сумку в шкаф, так ни разу до конца и не просмотрев полностью ее содержимое.

Ника достала мусорный мешок, положила рядом с сумкой, подвинула стул, села и расстегнула молнию.

В сумке оказались две новые упаковки колготок, она, помедлив, бросила их в мусор. Еще было белье, которое полетело следом.

Проще было отнести сумку на помойку со всем оставшимся барахлом, но Ника доставала скомканные блузки, рассматривала, совала в мешок. Одну блузку Ника когда-то очень любила. Тонкий стопроцентный шелк с неярким рисунком стоил сумасшедших денег. Она примерила ее просто так, чтобы полюбоваться собой, а Кирилл неожиданно сказал – покупай. Они тогда поехали в ЦУМ ему за обувью, купили летние туфли, а потом прошли по почти пустому магазину просто так, из любопытства.

«Дорого», – не решалась Ника.

«Покупай, покупай», – смеялся Кирилл.

Нике казалось тогда, что он очень ее любит.

Это было за пару месяцев до того, как он ее выгнал.

В новой блузке она ходила на новогодний корпоратив в фирме, и все блузку очень хвалили.

Ника отправила блузку в мусор, потрясла сумкой, пошарила в ней рукой. На дне сбоку оставался маленький целлофановый пакетик. Ника разорвала его, проткнув пальцем, с недоумением посмотрела на витой серебряный браслет и не сразу вспомнила, что браслет Лизин.

Браслет упал с Лизиной руки, когда они с Сашей зашли как-то вечером к Кириллу. Мужчины тогда сидели на кухне, а Ника с Лизой болтали о чем-то в комнате. Браслет упал, Лиза с огорчением рассматривала сломавшийся замок – браслет принадлежал еще Сашиной матери. Ника Лизу успокаивала. «Знаешь, как говорит моя бабушка, – утешала Ника, – пусть это будет твоя самая большая неприятность. И хорошо, что здесь упал, а не на улице или в метро. Тебе в любой мастерской за пять минут починят». Это было дня за три до того, как Кирилл ее прогнал.

Получалось, что Лиза тогда браслет забыла.

Браслет нужно было вернуть, и от этого настроение испортилось еще больше. Хотелось забыть бывшего и все, что с ним связано, а опять что-то мешало.

«Позвоню Лизе вечером», – решила Ника.

Сходить за продуктами действительно было необходимо, и она отправилась в магазин. Потом опять повалилась с планшетом в руках, домучивая недавно скачанный детектив, потом позвонила мама, и настроение испортилось окончательно.

– Ника, – озабоченно говорила мама. – Елена Сергеевна очень обижается. Я только что с ней разговаривала. Ей сейчас требуется внимание, ну неужели ты не понимаешь? Позвони ей, это займет всего две минуты.

– Я звонила ей вчера, – разозлилась Ника. – Я хотела помочь, а она меня ткнула носом, что Данила уже все сделал.

– Перестань! – Мама тоже разозлилась. Зазвенел металл. – У человека горе, ей нужна поддержка!

– Ладно, позвоню, – обреченно сдалась Ника.

Ну почему никто не помогал ей, когда у нее было горе?

«Возьми себя в руки, – говорила тогда мама. – Наплевать и забыть».

Ника вздохнула, набрала свекровь, спросила, как здоровье.

– Ничего, – тихо сообщила Елена Сергеевна. – Ничего, Ника. Ты меня не забывай.

– Я вас не забываю.

Она больше всего хотела забыть все, что связано с Кириллом.

Вообще-то, свекровь было жаль и еще опять стало стыдно, что хочется оказаться подальше и от свекрови, и от собственной жалости.

Ника снова взяла в руки планшет, но читать расхотелось. Лучше бы на работу пошла, не пришлось бы ломать голову, чем занять день.

Вздохнув, Ника снова вынула браслет из пакетика, повертела, сунула обратно. Браслет был старинный, оригинальный.

Конечно, Лизе надо было позвонить, перед тем как ехать, но Нике не хотелось даже минимального лишнего общения. Покончить бы поскорее со всем этим. Встретить бы нормального, надежного, верного человека и жить всю оставшуюся жизнь ради него. Жаль, что верного и надежного поблизости не было. То есть не было такого, которому нужна Ника. А так хороших парней вокруг много.

Ника неторопливо оделась, осмотрела себя в зеркале, сунула пакетик с браслетом в сумку и поехала к Лизе домой.

– Это мои лучшие друзья, – сказал когда-то Кирилл, знакомя ее с Сашей и Лизой. При этом он язвительно улыбался, как будто смеялся над собственными словами.

«Я совсем его не знала, – неожиданно подумала Ника, держась за поручень в набитом вагоне метро. – Жила с человеком несколько лет и

совершенно его не знала. Не знала даже, что означало для него понятие «друг». Прийти на выручку в тяжелый момент или просто потрепаться иной раз от скуки».

Скорее второе, необъективно решила Ника. Ей трудно быть объективной, Кирилл выгнал ее с одной лишь черной сумкой.

Интересно, Машу, которая когда-то ему нравилась, он тоже выгнал, когда надоела, или такое можно проделать только с Никой?

Когда домофона она не помнила, но из подъезда удачно вышла молодая женщина с детской коляской. Ника придержала дверь, помогла перетащить коляску через порожек, вошла внутрь.

Дверь Лиза распахнула сразу, как будто ждала Нику, стоя у двери. Глаза у Сашиной жены были припухшие, заплаканные, но было и еще что-то, отчего Ника сразу спросила:

– Ты что, Лиза?

А ведь не хотела ни о чем лишнем разговаривать.

– Лиза, ты что? – повторила Ника, вглядываясь в ее лицо.

Лиза молчала, обхватив себя за плечи. Ника решительно шагнула в прихожую и вздохнула.

– Давай чайку попьем.

– У меня в квартире кто-то был... – выдавила наконец Лиза.

Потом Ника слушала, что убили Сашину медсестру, уговаривала Лизу немедленно поменять замки и согласилась, что сделать это разумнее завтра, по вечерам шуметь в подъезде нельзя.

– Подумай, что его могло интересовать? – настаивала Ника.

Его – это человека, оставившего следы на полу.

– Не знаю, – качала головой Лиза.

– Ты уверена, что он не стер что-нибудь в компьютере?

– Там не было ничего, кроме базы данных, а база цела, я проверила.

Домой Ника вернулась только в двенадцатом часу. За Лизу, о которой ей еще днем не хотелось даже думать, было тревожно и страшно. И отпирая свою квартиру, она жалела, что не осталась у Лизы ночевать. И не настояла, чтобы Лиза поехала к ней.

Это едва ли могло что-то изменить, но Ника об этом не догадывалась.

Правда, Лиза заперла дверь на щеколду – и это успокаивало.

Уля позвонила не вовремя, Данила как раз собрал мастеров на импровизированное совещание.

– Алло. – Данила недовольно отвернулся от сидящих напротив. – Я занят.

– Дан, я с Нюсей схожу в театр, ты не обидишься? – Голос жены весело звенел, она любила куда-нибудь сходить. В театр, на выставку. И искренне переживала, когда какая-нибудь дура-подружка успевала посмотреть что-то широко обсуждаемое раньше, чем она сама. – Она собиралась пойти со своим парнем, но у него срочные дела.

– Иди, – перебил Данила.

– Ты правда не обидишься?

– Правда. Я занят, Уля.

Он бросил телефон на стол, начал инструктировать мастеров. Мужики слушали внимательно, кивали, кое-кто даже записывал, как на совещании у премьер-министра. Выглядело это забавно, но Даниле нравилось. Его уважали – и уважение он заслужил.

Он очень любил жену, но внезапная перспектива провести вечер одному показалась такой заманчивой, что он уехал из офиса сразу после совещания. Вообще-то, идея оказалась не из лучших, потому что времени на дорогу он потратил раза в полтора больше, чем всегда. Обычно дорожные пробки, когда он ехал домой, успевали рассасываться.

Уля уже ушла. Он неторопливо переоделся, вместо ужина, стоя у окна, съел три бутерброда с колбасой и, покосившись на часы, пожалел, что на одиночество остается не так уж много времени.

Если не считать минут, проводимых в машине, он впервые за долгое время остался один, и ему вдруг почудилось, что необходимо быстро, прямо сейчас решить что-то важное, важное настолько, что от этого зависит вся дальнейшая жизнь.

Данила еще постоял у окна и, подумав, открыл ноутбук Кирилла. Фотки и видео он на этот раз смотреть не стал, а принялся изучать текстовые файлы, которых в компе тоже было предостаточно.

Информацию покойный друг хранил упорядоченно, у Данилы так никогда не получалось. Ориентироваться в документах оказалось несложно.

Не то чтобы Данила определенно предполагал, что найдет нечто важное, но почти не удивился, наткнувшись на таблицы с цифрами. Таблицы он изучал тщательно, несколько раз выходя покурить на балкон.

Он достаточно был директором фирмы, чтобы не хуже любого бухгалтера понять, что перед собой видит. А видел он движение банковских средств, не слишком больших, но и не совсем маленьких. Средних.

Даниле никогда не приходило в голову задуматься, живет Кирилл по средствам или нет. Машина у него тянула на пару миллионов, но машина и

самого Данилы не из дешевых. А так... Недвижимости за границей у друга не было, во всяком случае, Данила ничего об этом не знал. Дворцов в Подмосковье или на Байкале Кирилл не строил. Отдыхал не в самых дешевых отелях, но и не в безумно дорогих.

Пожалуй, друг все-таки жил по средствам. Он был заместителем директора фармацевтической компании, он и не должен отдыхать в дешевых отелях.

«Ментам скинуть?» – выйдя в очередной раз покурить, подумал Данила. Это было самым правильным, отнести ноут в полицию, и пускай менты зарплату отрабатывают.

Наверное, он так и сделал бы, если бы не откровенные фото. Передавать такое полиции противно, заранее удалить и только после этого отдать компьютер – глупо. Похоже на уничтожение вещдоков.

«Отдам Безруковой», – решил Данила. Момент позвонить бывшей Кирилловой подруге был хороший, Уля едва ли придет в ближайшие полчаса, но звонить Даниле не хотелось. Он Безрукову действительно терпеть не мог. Почти так же, как и Кирилла.

Кирилла Данила ненавидел.

Сашку жаль, а Кирилл получил свое.

Звонить Безруковой не хотелось, и Данила набрал другой номер.

– Лиза. – Он прижал телефон плечом и снова закурил. Надо бросать, здоровья это не прибавляет. – Ты не можешь позвонить Безруковой? У меня комп Кирилла, там есть кое-что для нее.

– Могу. – Он не сомневался, что Лиза ответит именно так. Он не помнил, чтобы она кому-нибудь отказывала хоть в чем-то.

Уля сейчас немедленно принялась бы выяснять, почему он сам не в состоянии позвонить.

– Скажи, пусть меня наберет, ладно? – В трубке послышался еще один женский голос, и Данила спросил: – Ты дома сейчас?

– Дома. У меня Ника.

– Если тебе что нужно, ты скажи.

– Спасибо, Данила.

Он загасил сигарету, вернулся к компу, еще раз тщательно проверил, что о нем в компьютере информации не осталось.

Все. Пусть забирает кто угодно, хоть Безрукова, хоть менты. Опять возникло желание удалить снимки с Никой, но он опять этого не сделал, захлопнул крышку и наконец-то почувствовал, что без жены стало скучно.

Прошелся по квартире и лег на диван, закинув руки за голову.

Безрукова относилась к нему как к дурачку.

– А ты уроки сделал, Данила? – ласково спрашивала она, когда Данила выходил вечером во двор. Они тогда тусовались то у Сашки во дворе, то у самого Данилы.

Занимался Данила действительно много. «Учись, – убеждали родители. – От этого зависит твое будущее».

Он тогда в эту глупость верил. Теперь-то точно знал, что будущее зависит только от одного – от того, кто твои родители. Если у родителей есть власть и деньги, власть и деньги будут и у детей. Даже если у детей мозгов хватает только на то, чтобы гонять на крутом байке по тротуару.

– Кончай! – одергивал подругу Кирилл, усмехаясь, отчего Данила начинал выглядеть еще более глупо.

Почему-то Сашку парочка никогда не задирали.

Особенно Безрукова доставала Данилу из-за собак. Сейчас в городе бездомных собак не стало, а тогда на огороженной забором с колючей проволокой промзоне, располагающейся недалеко от их домов, жила целая стая. Когда-то промзона принадлежала благополучно скончавшемуся еще в девяностые НИИ, а теперь там всю шла стройка. Жители, ясное дело, стройку не приветствовали, бунтовали, стояли с плакатами, но два новых дома росли, несмотря на сопротивление общественности.

Стая была средней, постоянно в ней присутствовали всего четыре пса, но иногда животных собиралось до десяти. Откуда брались остальные и куда исчезали, известно было только господу богу.

На собак Данила внимания не обращал до того момента, когда там не появилась сучка с перебитой лапой. Сучка была в два раза мельче остальных, бежала, спотыкаясь, за стайей на трех лапах, не рискуя подойти совсем близко. Такой острой жалости, как к той собаке, Данила не испытывал ни к кому.

Вот и получилось, что он стал приходить к ограде промзоны, приносить для нее сосиски или колбасу, а собака ждала его, бежала навстречу и пыталась лизнуть. Данила садился на траву и терпеливо ждал, когда его подопечная съест благотворительный обед.

Безрукова насмеялась, но Даниле было наплевать.

В двери заскрежетал ключ. Данила вскочил, бросился в прихожую, обнял Улю.

– Ну как, понравился спектакль?

– Очень! – засмеялась Уля.

– Здорово! – обрадовался Данила.

В прошлый раз жена очередной спектакль ругала и сокрушалась, что дала подружке себя уговорить. «Конец затянут, – морщилась Уля. – Кресла

неудобные, у меня затекли ноги. И голова разболелась». Даниле было очень ее жаль.

– Представляешь, молодые мужики играли старых бабок! Мне ужасно понравилось!

– Давай ужинать. – Он помог Уле снять шубку, повесил на вешалку.

Это счастье, что у него есть Уля. У него есть жена, семья, и его долг сделать все, чтобы его семья ни в чем не нуждалась.

Чего бы это ни стоило.

28 февраля, вторник

Снилось что-то хорошее – Саша, лето, заросшая травой дорожка. Лизе хотелось туда, к Саше, но нудный телефонный звонок вырвал из прекрасного сна. Лиза вытерла рукой подступившие слезы, медленно пошла к телефону.

Звонила мама. Лиза заверила, что с ней все в порядке, пообещала на днях обязательно заехать.

Потом позвонил Федор, и Лиза опять заверила, что все нормально.

Попробовала опять заснуть, положив переносную трубку на тумбочку рядом с кроватью, но заснуть не получилось, и она просто лежала, глядя в потолок.

Трубка зазвонила снова, Лиза, подложив вторую, Сашину, подушку под голову, ответила.

– Извините, – произнес незнакомый мужской голос. – Что-то я Александру Павловичу дозвониться не могу...

Голос был не молодой и не старый. Обычный.

– Александр Павлович погиб, – сказала Лиза.

– Что?! – ахнули в трубке. – Когда?

– Восемнадцатого. В субботу.

– Боже мой! – Нет, пожалуй, мужчине не меньше пятидесяти. – Боже мой! Я только недавно его видел!

Домашний номер Саша больным, как правило, не давал. Звонили либо в кабинет, либо на мобильный.

– А вы?..

– Я к нему жену привозил, – правильно понял мужчина. – Во вторник, четырнадцатого. Боже мой! Как же это вышло?

– Извините, мне тяжело об этом говорить. – Лиза быстро выбралась из постели, включила компьютер, открыла базу данных.

– Это вы меня извините.

– Фамилия вашей жены Иваницкая?

Во вторник четырнадцатого у Саши было двое больных вечером – Иваницкая и Белозерцева. И до этого троих он навестил на дому.

– Иваницкая, да. Мы в тот день рано приехали, кабинет еще заперт был. Пришлось в машине подождать. Потом Александр Павлович подъехал, и мы вместе поднялись. Господи, кто бы мог подумать! Он был такой веселый, коньяк нес.

– Что? – замерла Лиза. – Коньяк?

– Ну да. Я еще подумал, что тоже надо было ему коньяк подарить, а я не догадался. Хороший человек был Александр Павлович. И врач хороший, редкий. Мы у него лет пять лечились.

Человеку, который лечился у него пять лет, Саша мог дать домашний номер.

– Сил вам!

– Спасибо.

Лиза поднялась, подошла к окну. Она сразу ясно вспомнила тот день, вторник четырнадцатого. Накануне у Саши забарахлила машина. В моторе что-то стучало, и Саша позвонил знакомому автослесарю. Лиза предлагала мужу взять ее машину – без машины Саше нельзя, ему приходится много ездить по Москве к больным, но муж попросил Данилу. У Данилы несколько служебных машин, фирме приходится возить стройматериалы.

Точно, так и было. Утром Саша поехал к Даниле в офис, взял машину, а вечером вернул, потому что во второй половине дня автослесарь пригнал исправную Сашину.

А вечером Саша принес тот коньяк. Лиза разговаривала по телефону с подругой и вертела в руках бутылку. У подруги муж начал пропадать где-то по вечерам, и Лиза ее жалела.

Тот день у Лизы был тяжелый, она сопровождала группу австрийцев, встречала их в аэропорту, размещала в гостинице, потом возила на презентации какого-то оборудования, для чего, собственно, австрийцы сюда и явились. В оборудовании Лиза почти ничего не понимала и очень боялась ошибиться в чем-нибудь важном. Обошлось, австрийцы разговаривали с нашими инженерами по-английски и прекрасно друг друга понимали.

Она пришла домой поздно, Саша уже успел вернуть машину Даниле и даже ждал ее с ужином.

Лиза наклонилась к Сашиному портрету, вгляделась в глаза мужа.

Саша посмотрел на нее ободряюще.

Позвонить Даниле хотелось немедленно, но она достала телефон и сначала набрала Машу Безрукову. Кажется, Лиза ее разбудила, голос у давней подруги был недовольный.

– Извини, Маш, – сказала Лиза. – Данила Оборин хочет передать тебе ноутбук Кирилла.

– Оборин? – словно не могла вспомнить, кто это такой, удивилась Безрукова. Видно, вспомнила, потому что сразу спросила: – Зачем?

– Не знаю, – сказала Лиза.

– Ну... Глупость какая-то.

Безрукова знала, что Саша и Кирилл погибли, кто-то из школьных Лизиных подруг говорил ей, что Безруковой звонили, но на Сашиних похоронах Лиза ее не видела. На похоронах Кирилла тоже.

– Если хочешь, я дам тебе его телефон.

– Не надо, – недовольно отказалась Безрукова. – Возьми комп себе, а мы с тобой как-нибудь встретимся.

– Ладно.

– А что там, в компьютере?

– Не знаю.

– Наверное, детские фотки, – вздохнула Маша. – Лизочка, мои соболезнования!

– Спасибо.

Лиза набрала Данилу, он не ответил. Перезвонил сам минут через десять, Лиза как раз успела сварить кофе. Саша кофе не любил и никогда не пил, зато пил зеленый чай, который Лиза терпеть не могла. Красивая китайская жестяная банка с чаем продолжала стоять на полке. Лиза никогда ее не выбросит.

– Данила, я разговаривала с Безруковой, – доложила Лиза. – Отдай компьютер мне, я ей передам.

– Что?! – ахнул Данила, он даже задохнулся от возмущения. – Ты девочка на посылках?! Она не может задницу оторвать, тебя посылает? Тебе сейчас только чужие поручения выполнять, это точно!

– Да ладно тебе, – прервала Лиза. – Мне не трудно. Я же пока не работаю.

Ей даже лучше куда-то ехать и что-то делать, чем тупо сидеть одной. Впрочем, у нее есть занятие – искать убийцу. Она найдет. В полной темноте уже забрезжил слабый огонек.

– Ей тоже не трудно! – отрезал Данила. Его всегда было сложно вывести из себя, он редко злился, но, разозлившись, делался неуправляемым. Лиза читала, что таким характером обладают слоны. – Нужен ей комп, пусть мне звонит! Все!

– Данила...

– Да? – Он еще злился, но хотя бы перестал орать.

– Вспомни, когда Саша брал у тебя машину, у него был коньяк?

– Не знаю. – Он ответил не сразу. Видно не мог сразу переключиться от разговора о Безруковой. – Я его не видел. Утром у меня совещание было, я ключи секретарше оставил. Саша ко мне даже не заглянул. А вечером я в контору поздно вернулся, он уже успел машину пригнать и ключи опять

секретарше отдал.

– Понятно.

– А что?

– Один больной видел, как Саша в тот день пришел в кабинет с коньяком. Прямо с вызовов.

– Ты думаешь, это та самая бутылка? – осторожно спросил Данила.

– Уверена. В кабинете коньяка не было, дома тоже другой бутылки нет.

– А вызовов у него в тот день много было?

– Три.

– Надо позвонить ментам.

– Позвоню. Только сначала сама кое-что проверю. Можно, я поговорю с твоей секретаршей?

– Конечно. Только ее не будет сегодня, я ее в налоговую с бумагами отправил. Хочешь, телефон дам?

– Не надо. Лучше я завтра подъеду.

Лиза положила телефон на стол, отпила кофе. Кофе успел остыть, пить его было неприятно.

Она подошла к портрету, наклонилась и сказала Саше:

– Я знаю, что ты всегда будешь со мной. Никто не знает, а я знаю.

Наверное, психиатр поставил бы ей подходящий диагноз, но Лизе было наплевать на психиатров.

Звонить Лизе с самого утра Ника не рискнула. Вчера вид у бывшей подруги был настолько измученный, что, казалось, Лиза в любой момент может потерять сознание.

Раньше Ника такой Сашину жену представить просто не смогла бы. Лиза была самой счастливой из всех, кого Ника знала. Счастливой не по каким-то объективным меркам, по уровню благосостояния, например, а по внутреннему ощущению. Раньше Лиза светила уверенным спокойным счастьем.

Может быть, поэтому Нике и не хотелось ее видеть, когда они с Кириллом разошлись. Лиза была слишком счастливой, а Ника слишком несчастной.

Наконец Ника решила, что можно позвонить, но телефон у Лизы был занят. Она не стала ждать, когда линия освободится, оделась и опять поехала к Лизе домой.

– Поменяла замки? – спросила Ника, едва Лиза открыла дверь.

– Не успела.

– Меняй! – Ника по-хозяйски вошла в прихожую, повесила куртку.

– Знаешь. – Сегодня Лиза казалась другой. Не отошедшей от горя, нет, просто очень задумчивой, словно было что-то, всецело занимающее ее мысли. – Я узнала, когда у Саши появился тот коньяк.

– Да?! – ахнула Ника. – А как?

Лиза рассказала. Рассказывать Нике было легко, она слушала внимательно, понимала с полуслова и не пыталась немедленно начать действовать сама, как наверняка вышло бы с Федором.

– Я хочу поговорить с Данилиной секретаршей. Она может вспомнить, что у Саши было в руках.

– Правильно. Если бутылки не было...

– Потом у него было три вызова. Вот их и нужно проверить.

– Правильно, – вновь согласилась Ника и напонила: – А пока ты должна поменять замки.

Лиза молча кивнула, и Ника пригрозила:

– Я не уйду, пока не поменяешь!

– Ты завтракала? – вздохнула Лиза.

– Завтракала. – Ника достала телефон, принялась искать подходящую фирму. – Чаю с тобой попить.

Фирма нашлась быстро, и дозвонилась Ника быстро. Часа через полтора приехал молодой веселый парень-молдаванин, осмотрел замки, отправился куда-то покупать новые, потом быстро и почти без шума их поставил. Про национальность и гражданство они, конечно, не спрашивали, сам сказал.

При мастере они почти не разговаривали, но Нике отчего-то было не тягостно молчать с Лизой. А еще ей показалось, что она нужна Лизе, что Лизе с ней легче, чем одной.

Позвонила какая-то женщина, до Ники доносился быстрый женский голос из Лизиной трубки.

– Сашину медсестру хоронят в пятницу, – объяснила Лиза, закончив разговор. – И ее маму.

– Ты пойдешь?

– Пойду. – Она подумала и еле заметно улыбнулась бескровными губами. – У соседки сынишка такой забавный. В первом классе учится.

Ника не пошла бы на похороны почти незнакомых людей. Мама права, не хватает в ней сочувствия к людям.

– Представляешь, он меня спросил, люди насовсем умирают или не насовсем.

– Философ.

– Угу.

– А ты что сказала?

– Сказала, что это науке неизвестно.

Мастер кончил возиться, собрал веником мусор, Лиза расплатилась.

– Ну слава богу, – заключила Ника и призналась. – Я за тебя волновалась.

Надо было уходить, но уходить Нике почему-то не хотелось.

– Ты меня жалела, когда я выскочила за Кирилла? – неожиданно вырвало у нее.

Тогда Ника не считала, что ее жалеют. Тогда радость ее переполняла, и она не сомневалась, что так будет вечно. Это потом она поняла, что ее муж Лизе неприятен. Лиза старалась не подавать виду, но Ника же не окончательная дура.

– Нет, – покачала головой Лиза, покосилась на Сашин портрет и подвинула его, чтобы Саша смотрел на нее, а не на Нику. – Я тогда радовалась за Кирилла. Ты была такая юная, искренняя. Какая-то светлая. Мне казалось, что ему очень повезло.

– Ему повезло, – подтвердила Ника. – Мне не повезло.

Лиза опять покосилась на портрет, отошла к окну.

– Лиза, – в спину ей произнесла Ника. – Надо жить.

– Я знаю.

Ника поднялась, помедлила:

– Я пойду.

Лиза быстро отвернулась от окна.

– Спасибо тебе. Со мной все будет в порядке. – Она немного помолчала, посмотрела в сторону. – У нас с Сашей будет ребенок.

«У нас с Сашей» прозвучало неправильно. Саши нет, и с этим Лизе нужно смириться. Сейчас Лиза не плакала, но Нике стало жаль ее даже больше, чем раньше, когда у Лизы непрерывно текли слезы.

– Ты будешь сегодня звонить больным, у которых Саша тогда был? – уже в дверях спросила Ника.

– Не знаю. Посмотрю.

Они поцеловались, как давние закадычные подруги, и обоим это показалось совершенно естественным.

У самого входа в метро Нику остановил телефонный звонок. Она едва его расслышала, телефон лежал в сумке и еще минута понадобилась на то, чтобы его там нащупать.

– Да, Елена Сергеевна, – ответила Ника свекрови. – Здравствуйте.

– Ника, ты на работе? – слабым голосом спросила свекровь.

– Нет.

– Не можешь сходить в аптеку? У меня давление больше двухсот.

– Конечно. Сейчас зайду. Я как раз здесь, рядом с вами.

Елена Сергеевна жила в двух шагах от дома Саши. Ника повернула назад, свернула в переулок, пошла по проезжей части, потому что на тротуар с крыши дома скидывали снег.

Впервые Кирилл повел ее знакомить с матерью за неделю до свадьбы. Вообще-то, то, что знакомства так долго не было, больше беспокоило Никиных родителей, чем саму Нику.

– Это ненормально! – говорила мама. – Он что-то скрывает!

– Прекрати! – начинала кипеть Ника. Она не могла слышать о Кирилле ни одного плохого слова. – Это его дело, с кем меня знакомить, а не твое!

Первой встречи с Еленой Сергеевной Ника боялась, но все прошло отлично. Будущая свекровь посмотрела на Нику ласково, поцеловала и больше ее не замечала. Нет, еще поцеловала на прощание.

Сейчас Елена Сергеевна открыла дверь бледная, сразу протянула бумажку с написанным на нее названием лекарства. Так же в дверях взяла лекарство, когда Ника его принесла, поблагодарила. Пройти в квартиру не предложила, и слава богу.

– Если еще что-то нужно, вы скажите, я сделаю, – предложила Ника.

Свекровь от дополнительной помощи отказалась, и Ника, не дожидаясь лифта, спустилась по лестнице. У почтовых ящиков девушка-азиатка бросала в мусоропровод выкинутую жильцами рекламу. Девушка поздоровалась с Никой, Ника ответила.

Когда они с Кириллом уходили от Елены Сергеевны в первый раз, тоже спускались по лестнице пешком. Кирилл заглянул тогда в почтовый ящик, вытащил письмо. Письмо было то ли от пенсионного фонда, то ли еще от какой-то похожей конторы. Кирилл пальцем показал Нике номер квартиры в адресе – письмо было адресовано соседям, почтальон перепутал номер квартиры. Будущий муж, не торопясь, разорвал конверт пополам, бросил обрывки в мусоропровод.

– Кирилл! – ахнула тогда Ника. – Зачем?

Опустить письмо в нужный ящик было даже проще, чем рвать.

– Еще пришлют, – засмеялся он и поцеловал Нику.

Даже после одного того случая она должна была бежать от Кирилла со всех ног, а она тогда целовала его в ответ.

Пошел снег, падал на покрашенные ресницы. Ника надвинула капюшон почти на глаза, теперь уже без помех дошла до метро и поехала домой.

1 марта, среда

После двухнедельного отсутствия Ники компьютеры запыхались. Вообще-то, убрали в фирме хорошо, но прикасаться к компьютерам уборщица боялась. Ника полезла в стол, тряпочки, лежавшей там именно для такого случая, не обнаружила и отправилась к секретарше Асе, единственной сослуживице-подруге в их небольшом мужском коллективе.

– Ну наконец-то! – обрадовалась Ася. – Я тут без тебя совсем закисло.

– Что новенького? – Ника подвинула себе стул, села рядом.

– Что у нас может быть новенького? – засмеялась Ася. – Тоска одна.

Макс Истомин ипотеку взял, я ему бумаги оформляла.

– Рискованно, – покачала головой Ника.

– Рискованно. А что делать? – пожала плечами Ася. – Он квартиру снимает, еще больше платит. А так в конце концов свое жилье будет.

– Тоже верно.

– Слушай, а ты почему раньше всех вернулась? Надоело, да?

Уезжая из командировки, Ника в подробности не вдавалась. Сказала начальнику, что нужно немедленно в Москву, он и отпустил без лишних разговоров.

– У меня умер муж.

– Муж? – замерла Ася.

На работе никто не знал, что Ника замужем. То есть в анкете она это написала, но анкету, кроме директора, похоже, никто не видел. Работу Ника сменила через полгода после расставания с Кириллом и никогда и никому о нем не говорила. Впрочем, и говорить-то особенно было некому. Мужчины в фирме болтали только о работе, а Ася пришла всего несколько месяцев назад.

– Мы давно разошлись, – объяснила Ника. – Только развод не оформили.

– Ну все равно. Горе-то какое! У него родители есть?

Говорить о Кирилле не хотелось, и Ника отвечала неохотно.

– Слушай, у нас лишней тряпочки нет, комп протереть? – Хорошо, что повод поскорее уйти от подруги, у Ники был.

Тряпочка нашлась. Ника вернулась на свое рабочее место, просмотрела почту. Слава богу, от начальника писем не было, это означало, что ее софт работал без сбоев. Впрочем, иначе начальник давно бы ей позвонился.

Лизе она позвонила в одиннадцатом часу. Лиза не ответила. Ника углубилась в работу, через час позвонила снова. А потом звонила каждые пятнадцать минут.

Ася позвала обедать, сходили в столовую. Слава богу, больше подруга о муже не расспрашивала. Едва поднявшись к себе, Ника опять набрала Лизу и опять слушала длинные гудки, пока сотовый оператор не разъединил.

Если бы не ответил и городской телефон, и было ясно, что Лизы дома нет, Ника доработала бы до вечера. Но городского Сашиного номера она не помнила. Знала когда-то, но забыла.

Ника выключила компьютеры, оделась и поехала к Лизе домой.

На улице было морозно и солнечно. Такая погода хороша перед Новым годом, а сейчас навевала лишнюю тоску. Как будто у Ники своей тоски мало.

Ника привыкла себя жалеть. Не видела бы Лизу, до сих пор бы считала, что несчастнее ее на свете никого нет. Права народная мудрость, гласящая, что в горе нужно найти тех, кому еще хуже.

Мысли были ленивые, вялые. Ника вошла в подъезд, поднялась на нужный этаж. У Лизиной двери стоял Сашин родственник Федор и, прислонившись к стене, нажимал на звонок. Федора Ника почти не знала, встречала пару раз у Саши на днях рождения, но, кажется, даже двумя словами ни разу не перекинулась.

На похоронах узнала. На похоронах Федор не отходил от Лизы.

Он скользнул по Нике равнодушным взглядом и снова нажал на звонок. Из-за закрытой двери слышалась негромкая ответная трель. Двери в Сашиной квартире были с хорошей звукоизоляцией.

Ника остановилась рядом, достала сотовый, ткнула несколько раз в сенсорный экран. Звонок Лизиного мобильного тоже был слышен из-за двери, они оба недолго его послушали. Наверное, мобильный находился недалеко в прихожей.

– Она могла забыть телефон дома, – вздохнула Ника.

– Могла, – кивнул Федор. – Только я еще вчера весь вечер ей звонил. На городской телефон звонил.

Ника обвела глазами еще три двери на лестничной площадке, опять вздохнула и деловито сказала:

– Надо ломать.

Федор кивнул. Вдохнул и резко выдохнул. Покусал губы.

Нике было неприятно на него смотреть, она терпеть не могла растерянных мужчин. Мужчина обязан быть мужественным в любой

ситуации. И в любой ситуации действовать решительно.

Федор достал телефон, кому-то позвонил. Стоял он при этом, привалившись к стене, как будто у него не было сил держать на ногах собственный торс. Ника отвернулась. Смотреть противно.

Они так и стояли молча. Через полчаса приехал хмурый мужик с огромным ящиком для инструментов, поставил ящик на пол, оглядел Нику.

– Федор... – начал дядька.

– Режь! – показал на Лизину дверь Федор. – Под мою ответственность.

Дядька вздохнул, откинул крышку ящика, начал доставать инструменты. На то, чтобы вырезать замок, у него ушло минут десять, не больше. Шум при этом стоял страшный, но никто из соседей не вышел.

«Так любую квартиру могут обчистить», – равнодушно подумала Ника. А еще подумала, что, если Лизы не окажется дома, они создадут ей большие проблемы, жить со сломанной входной дверью нельзя.

Наконец слесарь потянул изуродованную дверь на себя, она бесшумно приоткрылась.

Федор отодвинул Нику, шагнул первым. В квартире стояла абсолютная тишина. Лизу они нашли на постели, на пушистом покрывале, в брюках и черной водолазке. На губах у нее виднелась желтоватая пена.

«Данилу бы сюда, – с тоской подумала Ника. – Он видел мертвых Кирилла и Сашу, наверное, у них на губах тоже была пена».

И тут же ужаснулась, что уже считает Лизу мертвой.

Она застыла у двери, рядом шумно дышал мужчина-слесарь, а Федор быстро подошел к кровати, тронул Лизу за шею, потом за руку и выпрямился.

– В полицию звони! – сказал слесарь, тихо выругался и вышел из квартиры, бесшумно прикрыв за собой сломанную железную дверь.

Федор позвонил, продолжая стоять рядом с мертвой Лизой. А Ника подумала, что сама она понятия не имеет, как звонить в полицию с мобильного.

А дальше она сильно себя удивила. Метнулась в прихожую, достала из Лизиной сумки телефон, бросилась к лежащему на столе ноутбуку, радуясь, что рядом с ним валяется провод с нужным разъемом, подключила телефон к ноутбуку, выхватила из сумки первую попавшуюся флешку и быстро переписала содержимое Лизино телефона, а потом и базу данных ноутбука. Повезло, успела до полиции. Ника захлопнула крышку ноутбука и зажала флешку в руке.

Флешек у нее в сумке всегда было много, как у любого профессионального программиста.

Федор смотрел на нее равнодушно и неотрывно, как на пустое место. Ника думала, он сейчас что-нибудь скажет, но он молчал.

Потом их долго и нудно расспрашивали появившиеся в квартире мужчины. Федор и теперь почему-то все время пытался следить за ней глазами, она несколько раз это заметила. Ника так и разговаривала с полицейскими, зажав флешку в кулаке, а когда наконец вышла на улицу, ей показалось, что у нее нет сил дойти до метро.

Мужчину-слесаря, который, как поняла Ника, был с работы Федора, отпустили еще раньше, а Федор все еще оставался с полицией.

От утренней ясной погоды ничего не осталось. Воздух был сырой и холодный.

Ника села на стоявшую рядом с подъездом лавочку, покачалась, обняв сумку. И неожиданно почувствовала себя совершенно одинокой, как будто кроме Лизы на всем белом свете у нее никого не было. Она бы, наверное, застонала от тоски, если бы вдоль дома не проходили люди.

Ника еще посидела, достала телефон и позвонила свекрови. Наверное, просто потому что Елена Сергеевна находилась совсем близко.

– Елена Сергеевна, – начала Ника. – Лиза умерла...

– Господи, Ника! – перебила свекровь. – У меня свое горе, ну ужели ты не понимаешь?!

Ника не понимала, но извинилась, убрала телефон в сумку. Подумала, не вызвать ли такси, решила не вызывать, тяжело поднялась и поплелась к метро.

Она заплакала, сидя в вагоне. Доставала платок и вытирала глаза, чтобы не размазать тушь. Плакать в вагоне ей было стыдно, но слезы текли, и остановить их было невозможно. Впрочем, она стеснялась зря, на нее никто не обращал внимания.

2 марта, четверг

Наверное, нужно было срочно что-то делать, а Федор лежал, бессмысленно глядя в потолок. Единственное, что сообразил, это позвонить вчера матери. Мать ужаснулась, конечно, но замялась, снова возвращаться в Россию было дорого и тяжело. И отцу требовалась помощь, Федор это понимал.

– Не приезжай, мам, – сказал он. – Тебе действительно трудно.

Родителям Лизы позвонили полицейские.

Ее родителей Федор видел единственный раз, на Сашиной свадьбе. Нет, еще видел на Сашиних похоронах, но на похоронах он всерьез боялся, что Лиза сейчас умрет, и на остальных вообще не обращал внимания. Еще у Лизы была сестра, сестру он тоже видел дважды, на свадьбе и на похоронах.

Ни телефона ее сестры, ни телефонов родителей Федор не знал.

Он вообще не знал ни одного телефона, по которому сейчас необходимо было позвонить. А позвонить нужно было девушке Нике.

Вчера, около тела Лизы, он впал в абсолютный ступор. Как debil.

Ника делала то, что должен был делать он, мужчина, а он повел себя как баба.

Один отцов приятель когда-то говорил, что в советское время было негласное правило не брать женщин в диспетчеры. Потому что женщина в стрессовой ситуации не способна действовать быстро и без паники. На это способны только мужчины.

Федор повел себя не по-мужски. На фоне Лизиной смерти думать об этом было нехорошо, но он все равно не мог отделаться от стыда.

Сейчас, говорил приятель, в диспетчерах полно баб, зарплаты небольшие, мужчины стремятся найти работу получше. Отец с товарищем тогда сетовали, что положение в промышленности только ухудшается.

Федор оторвался от потолка, встал, включил чайник, побрился. Пока брился, чайник успел остыть, он снова его включил.

Единственная, кого он узнал на похоронах Кирилла, была Ника. Помимо Данилы и Лизы, конечно.

Ника стояла несчастная и потерянная, и было видно, что больше всего ей хочется сделаться совсем незаметной среди окружавших гроб людей. Губы у нее были сжаты скорбно, как у старушки.

До этого он помнил ее смеющейся. Раньше от нее исходила волна

радости. Федор видел Нику несколько раз у Саши на днях рождения, девчонка с обожанием смотрела на своего мужа, это было заметно и очень глупо. Потом Кирилл стал приходить один, и Федор случайно узнал, что они с Никой развелись. Впрочем, ни до Кирилла, ни до Ники ему большого дела не было. Он о них даже не вспоминал никогда.

Узнать телефон можно было одним способом – позвонить ребятам из полиции, которые оставили ему вчера свои визитки. Заодно узнать и телефон Лизиных родителей. Полицейские не откажут, они нормальные ребята.

Он заварил себе растворимого кофе, выпил.

Почему-то звонить в полицию не хотелось. Федор достал телефон и нашел номер Данилы. Он несколько раз разговаривал с ним перед Сашиными похоронами. Собственно, Федор похороны и организовал, Лиза была ему не помощником.

Не факт, что у Данилы есть телефон Ники, но попробовать стоило.

– Да, Федор! – удивился Данила. Значит, тоже не удалил телефон Федора из записной книжки.

– Вчера умерла Лиза, – сказал Федор.

– Ч-что?

– Вчера умерла Лиза. У тебя есть телефон Ники? Жены Кирилла.

– Подожди. – Данила собрался с мыслями. – От чего умерла Лиза?

– Неизвестно. У тебя есть телефон Ники?

– Слушай, ты нормально можешь все объяснить? – Данила начал злиться.

Федор в двух словах рассказал. Говорить ему было тяжело. Вчера, нет, позавчера, он всерьез обдумывал, не жениться ли ему на Лизе.

Его жизнь изменилась после смерти Саши. Изменилась из-за Лизы. Его никто не заставлял ее опекать, они даже с двоюродным братом были не настолько близки, а с его женой тем более. Но ответственность навалилась сразу и прочно, и Федор знал, что Лиза и будущий ребенок стали его частью.

– Так у тебя есть телефон Ники?

– Подожди, посмотрю. Если есть, перезвоню.

Федор потер телефоном подбородок, подошел к окну. Аппарат зазвонил почти сразу.

– Есть телефон. – Данила продиктовал цифры, Федор записал на клочке бумажного полотенца, ничего больше под рукой не оказалось. – Федор, она это... сама?

– Не знаю.

Про отравление полицейские сказали сразу. Правда, предположительно, окончательный вердикт должна вынести экспертиза.

– Не знаю, – повторил Федор.

Соврал. Знал, что Лиза не могла этого сделать. И то, что в квартире не оказалось предсмертной записки, ерунда. Лиза ждала ребенка и никогда его не убила бы.

Полицейским он так и сказал. И Ника сказала, он слышал. Они оба говорили и про смерть Саши, и про смерть медсестры.

– Она Сашку очень любила. – Похоже, Данила склонялся к версии самоубийства.

– Да, – подтвердил Федор.

– Ты звони, как там что. И если помощь нужна.

– Ладно.

Он бросил телефон на стол, но аппарат зазвонил снова. На этот раз звонили с работы.

– У меня умерла родственница, – почти не слушая, что ему говорят, перебил Федор.

На работе возникли проблемы, но до рабочих проблем ему сейчас не было дела. Это в прежней жизни работа занимала главное место.

Сейчас главным было найти убийцу.

Федор выслушал соболезнования, пообещал объявиться сразу, как все утрясется.

Как будто что-то могло утрястись.

Неожиданно он почувствовал, что сильно болит голова. Порылся в коробке с лекарствами, нашел цитрамон, запил холодной минералкой. Опять подошел к окну, постоял, глядя на едва качающиеся голые ветки деревьев, и позвонил Нике.

Было тошно. Ника старалась уверить себя, что ни в чем перед Лизой не виновата, но чувство вины мучило. Лиза пыталась ей помочь три года назад, а она Лизу оттолкнула. Нике никто не пытался помочь, кроме Лизы, а она даже спасибо не успела сказать.

Вообще-то, Ника умела обходиться без подруг. Конечно, она перезванивалась с девочками, с которыми когда-то училась, и даже иногда с ними встречалась, но это скорее от скуки и просто потому, что так положено. Когда была замужем, тратить время на подруг было жалко, тогда ей не был нужен никто, кроме Кирилла. А потом и подавно не хотелось никого видеть. Подруги влюблялись, выходили замуж, а она была брошенной женой, и ей не нравилось, когда ее жалели.

Только вчера с Лизой она почувствовала, что быть брошенной женой перед Лизой ей совсем не стыдно. Столкнуться с непорядочностью может любой нормальный человек, и ничего стыдного в этом нет.

За компьютер Ника села, когда за окном была еще настоящая ночь. Окна в доме напротив сначала не светились, потом начали зажигаться редкими желтыми пятнами.

Ника пила кофе, изучала список номеров, по которым Лиза позавчера звонила, сравнивала с номерами телефонов в Сашиной базе данных. Она умница, догадалась вчера скинуть все нужное на флешку. Жаль только, что похвалить ее некому, кроме нее самой.

После того как Ника ушла, Лиза звонила по двум номерам. По одному дозвонилась сразу, второй номер ответил только на третий раз. Еще был входящий звонок с номера, которого не было ни в Лизиной записной книжке, ни в Сашиной базе данных.

Еще Лизе звонила какая-то Люда, но это еще при Нике. Наверное, та самая соседка медсестры, которая сообщила о похоронах.

Люде стоило позвонить. Едва ли она расскажет что-то важное, но и сразу отбрасывать такую возможность нельзя.

Ника вздохнула, набрала номер.

– Здравствуйте, – быстро заговорила, когда ей ответил женский голос. – Меня зовут Вероника. Вы позавчера разговаривали с Лизой Вербицкой...

– С кем?

– С Лизой Вербицкой. Она жена врача, у которого работала Варя. Лиза приходила к вам недавно.

– Д-да... Я не знала ее фамилию. А что?

– Лиза умерла. Понимаете, я была у нее, когда вы звонили...

– Господи! – ахнула женщина. – Господи! Как же это?..

– Я думаю, что ее убили. Отравили.

Совершенно незнакомой женщине Ника рассказала, как они с Федором обнаружили мертвую Лизу.

– И мужа ее убили. И Варю. Господи, какой ужас!

– Ужас, – подтвердила Ника. – Мы полиции про это сказали.

Ника не стала уточнять, что полицейские не исключали самоубийства. Ей даже самой об этом думать не хотелось. Лиза ждала Сашиного ребенка, она бы никогда такого не сделала.

– Представляете, Вася все время ее вспоминает. У меня сын маленький, Вася.

– Я знаю, Лиза рассказывала. Она тоже о нем вспоминала.

– Такая хорошая была женщина, такая ласковая!
– Люда, вы не возражаете, если я вам еще позвоню? – Что еще можно сейчас спросить, Ника не представляла.

– Господи, ну конечно!

Ника покачалась в кресле, держа телефон в руках.

Лиза куда-то выходила перед смертью. Когда Ника уходила, она была в свободных брюках и теплой фланелевой рубашке. В домашней одежде. А мертвая лежала в узких уличных брючках и водолазке.

Мысли шевелились лениво, неохотно. Ника потрясла головой, как будто это могло помочь.

Наверное, все, связанное с Лизой, Нику не касалось, но она понимала, не успокоится, пока не поймет, у кого поднялась рука на несчастную женщину.

Или все-таки она сама?..

Телефон затрясся в руке, зазвонил. Номер на дисплее был незнакомый.

– Это Федор, – представилась трубка. – Привет!

«Привет» прозвучало неуместно. Ника поморщилась, но не нашла ничего лучше, чем тоже сказать:

– Привет.

– Ты вчера переписала...

– Я вчера переписала все из телефона Лизы и Сашину базу данных. У него была база.

– Знаю. База у меня есть. Из телефона данные можешь дать?

– Могу.

Глупый какой-то получался у них разговор. Как будто не было четырех трупов. Как будто Лиза не лежала вчера в уличной одежде на постели и на губах у нее не было желтой пены.

Как будто Лиза не была единственным человеком, от которого Нике за долгое время не хотелось уходить.

– Я могу подъехать в любое место.

– Приезжай ко мне домой, – вздохнула Ника, продиктовала адрес и положила телефон рядом с клавиатурой.

Убийца не мог не оставить следов. Ника откинулась в кресле, покачалась. Обязательно должны быть зацепки, нужно только напрячься и их найти.

Первое. Узнать, куда Лиза выходила после того, как Ника уехала. Или куда собиралась выйти.

Додумать мысль Нике опять помешал телефон.

– Здравствуй, Ника, – сказала свекровь.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна. – Ника зачем-то отъехала вместе с креслом от стола.

– Ты меня извини, я вчера не стала слушать про Лизу. Я в таком состоянии!..

– Я понимаю.

– Что с ней... случилось?

– Она умерла. Мы с Федором нашли ее лежащей в постели. Федор – это Сашин брат.

– Я знаю. – Уточнение свекрови почему-то не понравилось. – Кирюша рассказывал мне по Федю, еще когда был маленький. Я даже его видела.

– Полиция сказала, похоже на отравление.

– Это совершенно ненормальная семья! – Ника не сразу поняла, что Елена Сергеевна говорит о Саше и Лизе. Это их семья ненормальная. – Боже мой, ну почему Кирюша не порвал с ними еще давно? Кирилл шел к людям с открытой душой, а они... И теперь его нет.

Лизы и Саши тоже нет, но Ника промолчала. Она разговаривает с несчастной матерью, нужно делать скидку.

– А как ты оказалась вместе с Федором?

– Случайно столкнулись у двери.

– Ника. – Свекровь тяжело вздохнула. – Если у тебя намечаются... перемены в личной жизни, я пойму. Я даже это приветствую, ты молодая женщина.

– Я меня нет перемен, – быстро ответила Ника.

Перемена у нее произошла три года назад, но тогда свекровь это не трогало.

Ничего больше Елена Сергеевна про Лизу не спросила, и разговор отчего-то оставил неприятный осадок. Впрочем, Нике и без этого приятно не было.

Номер в телефоне высветился незнакомый, и женский голос сразу Данила не узнал, только разозлился, что отвлекают от дел.

– Данила? – робко спросила трубка.

– Да! – рявкнул Данила.

– Это Маша, – тихо сказала женщина. – Маша Безрукова. Ты меня помнишь?

– Помню, – вздохнул он.

– Я не могу дозвониться Лизе, – еще тише прошелестело в трубке.

Он промолчал. Не можешь дозвониться, позвони еще раз.

– У нее не отвечает ни мобильник, ни городской.

– Маш, я чем могу помочь? – хмуро спросил он. – Я за тебя звонить буду? Так мне некогда, я работаю.

– Извини. Лиза говорила, у тебя для меня что-то есть...

– У меня есть комп Кирилла. – Данила кивнул заглянувшему в кабинет прорабу – заходи. – Если хочешь, могу тебе его отдать.

– А... что там?

– Заодно посмотришь, что там, – пробурчал он. – Маша, я занят, мне некогда.

– Извини. Ты не можешь мне его привезти?

– Не могу! – отрезал Данила. Вот стерва! Ей заняться нечем, а он должен компы подвозить, как курьер. – Хочешь получить комп, приезжай сама.

Он продиктовал адрес и предупредил:

– Часа два еще буду здесь, а потом могу уехать.

Он забыл о Безруковой тут же и потом с удивлением смотрел на секретаршу, когда та почему-то шепотом повторяла, что к нему пришла женщина.

– Зови, – буркнул он наконец.

Безрукова остановилась в дверях с видом робкой студентки, боящейся не сдать зачет.

– Привет! – поздоровался Данила. Подумал, не встать ли, но остался сидеть. Перебьется.

Он не видел Машку почти со школы и не мог не признать, что она очень похорошела. Даже не столько похорошела, сколько приобрела уверенный лоск светской дамы. Что-то такое, что отличало ее не только от секретарши, но даже и от Ули. Очень дорогая одежда, что ли...

– Здравствуй! – Она помялась, расстегнула пальто с пушистым ворсом.

Его знакомые женщины в мороз носили шубы, а в оттепель пуховики.

Вообще-то, секретарша наверняка предложила ей раздеться. Перед его кабинетом стоял шкаф, куда вешали одежду. И Данила туда же вешал.

– Подожди, – поднялся Данила. – Посиди минутку.

Он слегка потянул Безрукову к двери – ноутбук лежал в машине, а оставлять эту дуру в своем кабинете он не хотел. Дождался, когда она усядется рядом с секретаршей, и спустился к машине.

Комп он предусмотрительно забрал утром из дома, допускал, что Безрукова за ним явится. А если не явится, собирался вернуть Елене Сергеевне. Даниле он больше не нужен.

На улице чувствовалась приближающаяся весна. На солнце таял снег, оседал грязным пластом. Захотелось тепла, лета. Лечь на травку рядом с

питомником, пока Уля возится со своими собаками, и смотреть на небо, на плывущие облака, на колышущиеся ветви над головой.

Данила достал с заднего сиденья сумку с компьютером, отошел от машины, остановился, но снова залез в салон и быстро удалил все фотографии Ники. Удалить было несложно, Кирилл фото своих баб хранил в отдельных папках. Поднявшись в офис, Данила кивком позвал Безрукову опять в кабинет. Она так и не сняла свое роскошное пальто. То есть это Данила предполагал, что оно роскошное.

– Тебе не жарко? – буркнул он.

Она не ответила, медленно сняла пальто и небрежно бросила на соседний стул. Ну и ладно, пусть делает, что хочет.

Данила сунул ноутбук ей в руки, сел к своему компьютеру, защелкал по клавиатуре.

Безрукова открыла ноутбук.

– Ты... Ты это видел?

Данила посмотрел на нее с тоской. Не даст работать, точно.

– Видел. Иначе я бы тебе не позвонил. Но специально не разглядывал.

Она сильно изменилась. Смотрела на него с печалью и болью. Раньше бы посмотрела со злостью, она это умела.

Безрукова опустила глаза, снова подняла и неожиданно напомнила ему несчастную собачонку, которую он кормил у забора промзоны.

– Я его любила, – медленно сказала она.

Он кивнул – любила так любила.

– Ты ведь женился, Данила?

– Да.

– Лиза говорила. Ты... счастлив?

– Я счастлив, Маш. Ты извини, но я действительно занят.

– Я вышла замуж, потому что Кирилл не собирался тогда на мне жениться. Понимаешь?

Это она о первом замужестве, догадался Данила.

– А что мне оставалось делать? – Она посмотрела мимо него. То ли правда несчастная, то ли хорошо притворяется. – Это трудно объяснить, но мы с Кириллом действительно любили друг друга. Мы были счастливы, когда я развелась.

Ну так и оставались бы вместе, хотелось ему сказать.

– И потом я вышла замуж, потому что Кирилл так и не сделал мне предложения. Наверное, надо было самой проявить инициативу, но я так не могу...

В этом Данила сомневался. Наверняка вцепилась в своего мужа-

политика так, что не отодрать.

– Убийц не нашли? – Она на него не смотрела, но Данила понял, что это самый важный вопрос.

Ей нельзя допускать, чтобы ее имя было связано с трупами. То есть имя ее мужа.

– Насколько я знаю, нет.

– Господи, как это ужасно!

– Маш, ты бери комп. Он мне не нужен.

Она покачала головой – ей ноут тоже был не нужен. Даже вреден. Могут возникнуть вопросы, а мужу незачем знать про ее бывшего любовника.

Данила опять уставился в экран. Безрукова склонилась над ноутбуком, он искоса на нее посмотрел. Волосы почти закрывали лицо. Волосы у нее были роскошные, падали на плечи тяжелыми волнами.

У нее были роскошные волосы, роскошная фигура и лицо китайской куклы. Уля заказывала через интернет куклу для дочки подруги. Кукла была в бальном платье, с немыслимой прической и огромными глазами. У Безруковой глаза были обычные, могли бы быть и побольше, но куклу она напоминала поразительно.

Через пару минут она подняла голову, захлопнула ноутбук, покачалась с ним из стороны в сторону.

– Спасибо, Данила, я пойду. Ты меня не провожай.

Вообще-то, провожать ее он и не собирался.

Безрукова подхватила пальто, тихо закрыла за собой дверь.

Данила поднялся и открыл ноутбук. Компьютерным пользователем она была слабым, удаленные фото лежали в «корзине». Но удивило другое – вместе с фотографиями в «корзине» лежали документы о передвижении денег по банковским счетам.

Дом оказался панельной девятиэтажкой, окруженной густо посаженными высокими деревьями. Сейчас деревья потряхивали голыми ветками, а летом здесь должно быть хорошо.

Места для парковки было предостаточно, платные стоянки в этом плане себя оправдывали. Федор оставил машину прямо у подъезда. Собрался позвонить в домофон, но какая-то женщина, равнодушно его оглядев, открыла дверь прямо перед ним, и он вошел без звонка. Женщина остановилась у лифта, он ждать лифта не стал, пошел на четвертый этаж пешком, позвонил в обитую светлым деревом дверь.

– Проходи, – открыла ему Ника.

В квартире был сделан хороший ремонт, неяркие обои на ровных

стенах казались только что наклеенными. Но в целом квартира почему-то производила впечатление необжитой, как будто Ника переехала сюда только вчера. Впрочем, возможно, так и было.

Он быстро снял куртку, прошел за хозяйкой в единственную комнату.

– Можешь взять, – Ника протянула ему флешку. – Я себе уже все переписала.

Он покрутил флешку в руках, сунул в карман.

Ника села в кресло, покачалась.

Компьютерное кресло у нее было хорошее, высокое, обитое светлой кожей. Ему тоже давно надо было купить такое же, да все руки не доходили.

– Можно было по почте переслать.

Он и сам понимал, что содержимое телефона можно было прислать по электронной почте, но почему-то этого не хотел. Получить из рук в руки казалось надежнее.

А еще Федору почему-то хотелось увидеть Нику. После вчерашнего они как будто связаны общим делом, и рядом с ней он неожиданно почувствовал себя не одиноким. Он и вчера, при ментах, рядом с ней чувствовал себя не одиноким. Вообще-то, одиночество Федор любил и ценил, но сейчас хотелось невидимой поддержки.

Ужасно глупо.

– Сначала ей звонила Людмила, это соседка Вари, Сашиной медсестры. Я тогда была у Лизы, слышала разговор. – Ника закинула руки за голову и уставилась куда-то в угол комнаты. – С Людмилой я сейчас разговаривала.

– Зачем? – быстро спросил Федор. Подумал и тоже уселся в кресло, обычное, мягкое.

– Мне нравилась Лиза. – Ника посмотрела на него и опять отвела глаза. – Мне нравилась Лиза, и все, что я могу сделать, я сделаю!

– Похвально! – хмыкнул Федор. – Но самое большое, что ты можешь сделать, это не мешать следствию.

Он напомнил себе зануду-учителя, поморщился.

– Я никому не мешаю.

Взгляд у Ники был усталый, никакой. Когда-то она смотрела на Кирилла с обожанием, чем очень раздражала Федора. Кирилл ему всегда активно не нравился.

– Послушай. – Он тоже посмотрел в угол, потом в окно. За окном виднелась серая мгла, до смерти надоевшая за эту длинную зиму. – Для тебя поиск убийцы приключение. А на самом деле это просто нудная

работа. И этой работе надо учиться, между прочим.

Ника опять покачалась, видно, у нее привычка такая.

Она красивая девушка, неожиданно заметил Федор. Не яркая, как Настя, но красивая.

– Четыре трупа, – напомнил он. – Кончала бы ты лезть куда не надо!

На самом деле трупов было пять, если считать не родившегося ребенка.

Ника промолчала. Нужно было встать и уйти, но Федор почему-то продолжал сидеть.

– Когда я ушла, Лиза звонила по двум номерам. – Ника потянулась, достала лист бумаги со стола, подала ему. Два телефонных номера были помечены желтым маркером. – По одному дозвонилась, это там, где галочка. Оба номера из базы данных. Это люди, к которым Саша ездил перед тем, как его увидели с бутылкой.

«Она точно играет в следователя», – с тоской подумал Федор. Мало ему хлопот, еще об этой дуре теперь беспокойся! Впрочем, душой Ника не была, это он к ней приехал за информацией, а не она к нему.

– Надеюсь, ты по этим номерам еще не звонила? – вздохнул он.

– Еще нет.

Она покачивалась в кресле, закинув руки за голову. Темные волосы были немного спутаны, падали на лоб. А губы скорбно сжаты, как у старушки.

Настя никогда бы не позволила себе так неказисто выглядеть. Настя даже с постели ухитрялась подниматься с аккуратным макияжем.

– Лиза была мне близким человеком, – неожиданно сказал Федор. – И звонить буду я! Понятно?

Она резко поднялась, подошла к окну, остановилась у подоконника, отвернувшись к окну.

– Звони! Звони, трубка на столе лежит.

– Звонить я буду, когда сам решу! – Чем-то она его злила.

Может быть, своим погасшим взглядом.

Конечно, они связаны общей тайной, но давать ему указания нельзя. Он этого не терпел.

Федор тяжело поднялся, прошел к двери, но потом все-таки обернулся, пожалел дурочку.

– Если что узнаю, сообщу.

Ника кивнула. Теперь она стояла, отвернувшись от окна.

Наверное, обиделась на что-нибудь. Жаль, он не хотел ее обидеть.

Федор тихо закрыл за собой дверь и больше о Нике не думал.

Он вернулся в свое одиночество, и оно показалось ему уютным и правильным.

Телефон Безруковой (или как там теперь ее новая фамилия?) Данила в записную книжку не внес и не сразу ее узнал, когда ответил на незнакомый вызов.

– Это Маша, Данила, – объяснила трубка.

– Да?

День у него выдался напряженный, хлопотный. Меньше всего хотелось сейчас думать о ком-то постороннем.

– Мне нужно с тобой поговорить. Очень нужно.

– Говори!

– Не по телефону, – быстро сказала она.

Бред! Можно подумать, что ее разговоры кто-то прослушивает. Хотя, может быть и так, у нее муж политик.

– Ну приезжай! Я еще на работе.

«Ведь не отстанет», – с тоской подумал Данила.

В офис он вернулся минут пятнадцать назад, до этого вдоволь наболтавшись по объектам. Он даже пообедать не успел, только заварил себе очень крепкого чаю. Уля его за такой чай поругала бы, вредно.

– Тебе сколько ехать? – поинтересовался он. Чай – это хорошо, но кусок мяса не помешал бы. Пожалуй, надо сходить пообедать.

– Нисколько. Я у твоего офиса.

– Сейчас спущусь.

Белый «БМВ» стоял напротив крыльца. Он сбежал по ступенькам, подождал, пока Безрукова выберется из машины. Она придерживала воротник пальто у горла и посмотрела на него виновато и жалобно. Он только сейчас заметил, что рукава ее пальто укорочены, что не слишком комфортно в нашем климате. Впрочем, на руках у нее были перчатки длиной до локтя. И ведь не лень натягивать.

– Что, Маша? – спросил он.

– Понимаешь, – опустив глаза, тихо пролепетала она. – Мне просто не к кому больше обратиться...

– Ну обращайся! Обращайся.

– Данила, помоги мне! – Безрукова подняла глаза, глаза были несчастные.

Как у бездомной собаки.

– Маша, не тяни время, – попросил Данила. Он действительно сильно устал, его даже зазнобило. От голода, наверное.

– У меня проблемы.

Он чуть не ляпнул – а у кого их нет?

– Ты знаешь, что Лиза умерла? – спросил он.

– Что? – Она нахмурилась. – Кошмар какой! Как?

Наверное, у Машки действительно были проблемы, потому что Лизина смерть ее потрясла не сильно. Хорошим психологом Данила не был, но в этом не сомневался. Впрочем, Безрукову и раньше не сильно волновали чужие дела. Удивляться стоило, если бы она разрыдалась при печальном известии.

– Не знаю толком. Мне Сашин родственник только что позвонил.

Безрукова скорбно покивала головой, быстро перекрестилась. Это, наверное, чтобы от себя беду отвести.

– Данила... Я боюсь, что мне начнут... угрожать. Помогите мне. – Она с тоской на него посмотрела. – Мне правда больше некого попросить.

Она переложила в другую руку маленькую сумочку, снова взялась за свой воротник.

– Маша, – опешил он. – Но... Я не могу обеспечить тебе охрану. Иди в полицию. Поговори с мужем, у него больше возможностей. Он в курсе?

– Я не могу ему об этом сказать, – быстро проговорила она.

– Почему? – Безрукова промолчала, и Данила с тоской предложил: – Пойдем пообедаем. Тут хороший ресторан, и недалеко.

Он невежливо повернулся и зашагал к ресторану. Какого черта он ввязывается во все это? Послать бы ее подальше!

Безрукова догнала его, пошла рядом. В дверях Данила ее пропустил.

Его здесь знали, девушка-администратор заулыбалась, официант тоже. В меню Данила не посмотрел, только спросил спутницу:

– Мясо будешь? Мясо здесь хорошее.

Она кивнула – сойдет. Странно, он думал, закажет салатик и станет разглядывать каждый кусочек на тарелке. Чтобы не навредить своему любимому организму.

– Понимаешь... – Безрукова заговорила, когда перед ними поставили тарелку с булочками.

Булочки здесь были отличные, Данила взял одну и с удовольствием начал жевать.

– Когда я вышла замуж, у нас с Кириллом больше ничего не было.

Даты на фотографиях говорили о другом, но Данила невозмутимо слушал.

– Мы были просто друзьями. Я знала, что он меня любит...

– Маш, давай к делу, – перебил он.

Господи, она даст ему сегодня нормально работать?

– У меня небольшой бизнес. Интернет-магазин. Косметика, БАДы.

– Магазин? – удивился Данила. – Я думал, у политиков жены должны руководить благотворительными фондами. С оборотом в миллиарды.

– Данила! – Она укоризненно на него посмотрела. – Мой муж не вор! Такие тоже встречаются, не удивляйся. Он кристально честный человек!

В том, что кристально честный человек мог пробраться почти на самый верх, Данила сомневался, но сейчас ему было не до этого.

Скорее всего, муж просто не глуп и дал жене игрушку в виде мелкого бизнеса. Потому что настоящий бизнес дуре доверить нельзя.

– Кирилл поставлял БАДы для моего магазина. Я в этом ничего не понимаю, он сам все организовывал. Ну... договоры, акты.

Она пыталась жалобно на него посмотреть, Данила старательно отводил глаза.

– Данила, посмотри мою отчетность. Пожалуйста.

– Маша, я не аудитор! – опешил он.

– Ну все равно. Посмотри, Данила. Мне некого больше попросить.

«Не отстанет», – тоскливо констатировал он.

– Данила. – Безрукова перегнулась к нему, как будто хотела поцеловать, и наконец заглянула в глаза. – Кирилла могли убить из-за этого, понимаешь?

– Не понял, – действительно не понял Данила. – Из-за чего этого?

Еще он решительно не понимал, кто и почему мог угрожать Машке.

– Посмотри в интернете, – вздохнула она. – В Кирилловой фирме вскрыты какие-то мошенничества. Про это даже по радио говорили.

Официант поставил мясо, Данила без аппетита принялся жевать.

– Маша, я слабо разбираюсь в бухгалтерии. Если тебя что-то смущает, иди в полицию.

Как ни странно, она тоже принялась за свое мясо.

– Я не могу допустить, чтобы с мужем был связан хоть какой-то скандал. Ты же прекрасно это понимаешь.

– Если в документах все чисто, скандала не будет.

– Ты наивный, Данила. – Она невесело улыбнулась. – Да его за пять минут сожрут! И не докажешь ничего. Посмотри документы, Данила. Просто посмотри.

Еще не поздно было ее послать, но Данила понял, что не может этого сделать. Он как будто снова был рядом с бездомной собакой у высокого забора, обтянутого колючей проволокой. А несчастной собакой была Машка Безрукова в роскошном пальто.

Он ошибся, она не была плохим компьютерным пользователем. Они вернулись к нему в офис, и Безрукова быстро восстановила в компьютере Кирилла документы, перемещенные в «корзину».

– Попробую разобраться, – пообещал Данила. – А ты пришли мне все остальное.

Она кивнула, молча вышла из кабинета.

Данила потянулся включить свой компьютер, но передумал. Снова оделся и поехал домой.

Что произошло в день, когда Лиза умерла, Федор уже представлял. Слышал, когда Ника рассказывала полицейским. Она говорила быстро и торопливо, словно боялась, что ее не захотят слушать. Зря боялась, слушали ее внимательно.

И он слушал внимательно, хотя, казалось, совершенно отупел от Лизиной смерти.

Он так и не успел сказать Лизе, что готов жениться и честно растить Сашкиного сына. Или дочку. Это ужасно, когда ребенок растет в семье без мужчины.

Он даже готов был стать Лизе заботливым и нежным мужем, хотя тут его кое-что смущало. Во-первых, в этом было что-то сродни инцесту. Во-вторых, Лизу он воспринимал, скорее как сестру, а не как желанную женщину. Ну а в-третьих, в этом случае непонятно, что делать с Настей.

Он в последний раз посмотрел на номера телефонов и потянулся к сотовому. Начать решил с того номера, куда Лиза дозвонилась сразу. Сверил номер с Сашиной базой данных и позвонил.

– Здравствуйте, – начал он, когда ему ответил женский голос. – Могу я поговорить с Надеждой Ивановной?

– Она отдыхает, – почему-то неприязненно ответили ему.

– Простите, а когда можно ей позвонить?

Женщина ответила, что не раньше, чем через два часа. Наверное, надо было представиться и все объяснить, но, как и что объяснять, Федор не представлял.

Ждать было тошно. Федор набрал номер, по которому Лиза не смогла дозвониться, номер не ответил. Потом позвонил в Израиль, выслушал, что особых улучшений в состоянии отца нет. Но и ухудшений, слава богу, нет.

Еще надо было каким-то образом раздобыть телефон Лизиных родных, но этот вопрос решился сам. Незнакомый номер высветился на экране минут через десять.

– Федор? – спросил женский голос.

– Да, – ответил он.

– Как вы можете?! – Женщина говорила тихо, а казалось, что кричала. – У нас умерла... У меня умерла сестра, а вы теперь прячетесь! Мне ваш телефон пришлось через полицию узнавать!

Плачет, понял Федор.

– У меня не было вашего номера, – начал он оправдываться. – Извините, я бы вам сегодня же обязательно позвонил.

– Мне нужно взять вещи для похорон, понимаете?

– У меня нет ключей. – Федор с запозданием вспомнил, что замок в двери Сашиной квартиры сломан. – По-моему, полиция дверь опечатала. Нужно с ними поговорить.

Он видел Лизину сестру не только на свадьбе и на Сашиных похоронах, неожиданно вспомнил Федор. Он видел ее еще один раз, где-то за полгода до Сашиной свадьбы. Он тогда зачем-то заехал к брату, они с Сашей сидели на кухне, а Лиза за компом в комнате. Готовилась к сложному экзамену, и они с Сашей старались ей не мешать.

Потом кто-то позвонил в дверь, слышались женские голоса.

– Немедленно домой! – говорил кто-то Лизе.

– Я приду в десять, – упиралась она.

– Дура! Ты понимаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет? Тебе заниматься надо, а не по парням таскаться!

– Я занимаюсь!

Незнакомую девушку Федору было видно в зеркале. Он тогда и отметил, что она совсем не похожа на нежную Лизу. Ниже ростом, коренастая и ужасно злая.

Говорила тихо, а казалось, что кричит.

«И ведь была права, – с тоской подумал теперешний Федор. – Ничего хорошего не вышло, а вышло два трупа. То есть три».

– Извините, – еще раз сказал он. Чуть не принялся объяснять, что от Лизиной смерти совсем перестал соображать, но вовремя остановился. Объяснения были не нужны ни ему, ни Лизиной сестре. – Если нужна какая-то помощь, скажите. Я все сделаю. Да, и расходы на похороны... Я тоже хочу их оплатить. Пожалуйста.

Теперь рыдания слышались отчетливо.

– Ладно, – отмахнулась она. – Потом разберемся.

Почему-то Федору показалось, что Лизина сестра смягчилась. Не потому, что он предложил деньги, а так, непонятно почему.

Два часа тянулись медленно. Наконец он снова набрал номер Сашиной пациентки. Ответил тот же голос.

– Извините, можно Надежду Ивановну? – спросил Федор.

– Сейчас, – женщине почему-то не хотелось звать Надежду Ивановну, она ответила неохотно.

Через минуту в трубке зазвучал другой женский голос. Владелица этого голоса была то ли гораздо старше, то ли совсем больна, говорила, во всяком случае, словно через силу.

– Извините, – быстро сказал Федор. – Меня зовут Федор, я брат Александра Павловича. Доктора. Он приезжал к вам четырнадцатого февраля.

– Да, я знаю, что его больше нет, – перебила женщина. – Ко мне недавно приезжала его жена.

– Двадцать восьмого февраля? – теперь перебил он. – Вечером?

– Да. А что такое?

– Его жена умерла той же ночью.

– Что? – не поняла женщина. Не удивилась, а именно не поняла.

– Елизавета Вербицкая умерла в ночь на первое марта.

– Господи! – довольно равнодушно вздохнула дама. – От чего?

– Я сам хочу это узнать. Пожалуйста, помогите мне. Расскажите, о чем вы разговаривали. Просто расскажите.

Как же он раньше не вспомнил! Лиза рассказывала, что какая-то Надежда собиралась завещать Саше квартиру. Правда, в полном имени Лиза сомневалась.

– Если вам не трудно, давайте встретимся где-нибудь. Где скажете. Можно в ресторане.

– Я не хочу в ресторан, – недовольно отказалась женщина и продиктовала адрес. – Приезжайте!

Федор некоторое время смотрел на трубку, из которой слышались короткие гудки, затем торопливо оделся и побежал по лестнице к машине.

На что-то конкретно он не рассчитывал, но ему захотелось поплевать через плечо.

После ухода Федора утреннее нетерпение немедленно заняться отслеживанием того, что Лиза делала перед смертью, сменилось противной апатией. С Никой такое бывало, голова делалась мутной, тяжелой, хотелось спать, но она знала, что не заснет.

От кофе во рту был уже неприятный привкус, и она сделала себе крепкого чаю.

Странно, но смерть мужа, хоть и бывшего, оставила ее совсем равнодушной, а то, что не стало Лизы, не давало никакой возможности

спокойно жить дальше.

Надо было позвонить на работу, но Ася объявилась сама.

– Тебя почему опять нет? – обиженно спросила секретарша. – Заболела?

– У меня подруга умерла, – поделилась Ника. – А что, наши из командировки приехали уже?

– В субботу приедут. Что с подругой?

– Убили.

– Господи! Как?

– Ася, тут целая история. Непонятная. Сначала убили моего мужа и ее мужа, а теперь вот ее.

– Ника! – ахнула Ася. – А тебе ничего не угрожает?..

– Мне ничего не угрожает! – успокоила Ника. – Я с ними три года не виделась. Я совершенно посторонний человек. Мне просто очень ее жалко. Она хорошая была.

Ника еще поговорила с подругой и снова села к компьютеру.

Зря она позволила Федору взять на себя звонки Сашиним больным. Ника никогда не умела проявлять твердости, и теперь получилось, что делать ей сейчас совершенно нечего. Лучше бы на работу пошла.

На работу она, конечно, не поехала, ближе к вечеру позвонила Люде и напросилась в гости. Требовалось восстановить четкую и подробную картину того, что делала Лиза в последние дни. Убийце нужно было как-то к ней подобраться, и Ника должна понять, как он это сделал.

Она снова посмотрела на список Лизиных звонков и набрала Данилу.

– Привет, Ника, – сразу отозвался он. – Почему сразу не позвонила? Я только сегодня от Федора узнал...

– Извини, Данила, – покаялась Ника. – Мне было как-то не до звонков.

– Менты что предполагают?

– Понятия не имею. Один говорил – возможно и самоубийство.

– Я тоже так думаю, – сказал Данила. – Не могла она без Сашки жить. Может, оно и к лучшему.

– Смерть не бывает к лучшему.

– Все бывает.

Спорить Нике не хотелось, и она спросила:

– Ты разговаривал с Лизой с тот вечер. Не помнишь о чем?

– Помню, – усмехнулся Данила. – До склероза пока не дожил. Она хотела узнать, видел ли я Сашку во вторник четырнадцатого. Вроде бы он тогда тот коньяк домой принес. Я сказал, что не видел. Я Сашке в тот день машину давал. Он утром приехал, взял у секретарши ключи, вечером –

отдал ей же. А я весь день по объектам болтался. Слушай, нужно как-то насчет похорон узнать.

– У тебя телефон Лизиных родителей не сохранился? Вы же учились вместе.

– Попробую найти, – пообещал Данила.

День тянулся медленно, а на встречу с Людмилой Ника едва не опоздала и собиралась впопыхах.

В метро в час пик было противно, в вагон Ника еле втиснулась. А московские власти еще пытаются пересадить в общественный транспорт автомобилистов. Тогда будет как в Японии. В Японии вроде бы есть специальная служба, которая втискивает пассажиров в вагоны.

От метро до Людмилиного дома было совсем близко. Ника даже прошла нужный двор, пришлось возвращаться.

Люда ей сразу понравилась. Женщина распахнула дверь, улыбнулась.

– Вероника?

– Ника.

Из комнаты выглянул мальчуган, оглядел Нику, вежливо поздоровался и скрылся.

– Проходите, проходите, – засуетилась Люда, как будто Ника была долгожданным гостем.

Ника покосилась на открытую дверь в комнату ребенка и тихо попросила:

– Пожалуйста, расскажите, как Лиза к вам приходила. Только все расскажите, даже мелочи.

Хозяйка тоже посмотрела в сторону комнаты мальчика, кивнула, повела Нику на кухню. Не спрашивая, налила чаю, поставила коробку конфет, печенье. Печенье было свое, не магазинное, Ника сто лет такого не пробовала.

– Я Лизу всего два раза видела...

Люда рассказала, как впервые увидела Лизу, провожая «Скорую», увозившую Варину маму. Как потом они с Лизой ходили в лесопарк, на место, где обнаружили тело Вари. Как дозванивались племяннику умершей соседки.

Людмила говорила, но никакой ясности Нике это не прибавляло.

– Как вы думаете, это один человек?.. И Варю убил, и Лизу?

– Думаю, что один, – кивнула Ника. – Вряд ли целая банда работает.

Тут Люда строго посмотрела мимо Ники. Ника обернулась, мальчишка тихо стоял, прислонившись к косяку.

– Вася, у нас взрослые разговоры!

Ника улыбнулась, мальчик был забавный.

– Иди к себе!

– Я Варю видел, когда она уходила, – не слушая мать, строго сказал ребенок и уточнил: – Когда она в последний раз уходила. Я тогда с Сережкой Строгановым во дворе гулял, помнишь, мам? Варя сначала на такси приехала, с чемоданом. А потом вышла уже без чемодана. Я ей даже покричал, но она не слышала. Она по телефону с кем-то говорила. Это ей убийца звонил, да?

– Вася, взрослые беседы тебя не касаются!

Людмила расстроилась. Боялась, наверное, что разговоры об убийствах плохо отразятся на ребенке.

– Его найдут?

– Обязательно найдут, – быстро заверила Ника.

Мальчишка внимательно на нее посмотрел, кивнул и наконец неторопливо вышел из кухни.

– Вы мне скажите, когда Лизу хоронить будут. Я хоть свечку поставлю.

– Обязательно, – пообещала Ника.

Людмила помолчала, подняла на Нику глаза и неожиданно спросила, как ее семилетний сын:

– Как вы думаете, найдут убийцу?

– Найдут, – кивнула Ника.

Она сама его найдет. Во всяком случае, постарается.

Потом они просто так поговорили, ни о чем, и вниз Ника спустилась, когда уже совсем стемнело.

Со слов Людмилы, Лиза предполагала, что Варя где-то недалеко от дома села в машину. Наверное, так и было. Не на метро же Варя поехала к кому-то на встречу. Ее ждала Лиза, и она спешила.

Ника дошла до угла дома, огляделась. Напротив был служебный вход в магазин «Пятерочка». Магазин Ника заметила еще по дороге сюда. На всякий случай она обошла здание. Точно, на Варин дом смотрел служебный вход «Пятерочки».

Жаль, на служебные входы не вешают камер видеонаблюдения. Или вешают? Она обвела глазами двери и стену, но камеры не заметила.

Ника еще потопталась около поворота к Вариному дому и побрела к метро, не имея почти никакой новой информации. По дороге достала телефон, набрала Федора, он не ответил.

Она звонила ему весь вечер, но Федор так и не взял трубку.

Совсем дикие мысли Ника старалась отгонять, но все равно было страшно.

– Ты дома? – обрадовался Данила, отперев дверь.

Вообще-то, Уля почти постоянно была дома во второй половине дня, но он всегда ей радовался.

– Ой, Дан, как я соскучилась! – прижалась к нему жена.

– Я тоже, – прошептал Данила.

Иногда ему до сих пор не верилось, что Уля его жена. И что он один заменяет ей всех других людей на свете.

А ведь чуть не женился, не встретив ее. Тогда у него была постоянная девушка. С девушкой он познакомился случайно, она ударила бампером его машину. Никто не только не пострадал, даже не испугался, и вся история кончилась, едва начавшись. То есть история с машинами закончилась, а Данила потом почти полгода встречался с Алиной и считал их отношения вполне серьезными.

Алина работала в большой аудиторской компании, была ужасно деловая, много говорила по телефону и сразу принялась руководить Данилой. Он к Алиному руководству относился спокойно и с юмором, всегда поступал по-своему и думал, что совершенно счастлив.

Все изменилось, когда девушка с собачкой на руках подняла руку перед его машиной. Вообще-то, Данила никогда не подвозил случайных попутчиков, но девушка была такая несчастная и смотрела на него с такой робкой надеждой, что он опустил стекло – садитесь.

Уля оказалась полной противоположностью деловой и уверенной Алине. Она была наивной, нежной и воздушной, как сказочная фея. Теперь он понимал, конечно, что характер у воздушной Ули тверже, чем у неробкой Алины, но это уже не имело никакого значения.

– Позавчера умерла Лиза. – Отпустив жену, Данила снял куртку, принялся расшнуровывать кроссовки. – Отравилась.

– Сама? – ужаснувшись, отодвинулась от него Уля.

– Неизвестно.

– Царствие небесное! – Уля торопливо перекрестилась и озадаченно покачала головой. – Боже мой, какой грех!

Переодеваясь, Данила рассказал, как ему позвонили Федор, а потом Ника. Уля сочувственно покачивала головой.

– Еще ко мне Безрукова приезжала. – Данила отправился в ванную и, моя руки, поглядывал в зеркало на стоявшую в дверях жену.

– Кто? – не сообразила она.

– Безрукова. Машка. У них с Кириллом когда-то любовь была. Помнишь, я тебе рассказывал? Теперь она не Безрукова. Теперь она Хомякова.

– Ты обещал, что мы будем разговаривать с ней вместе! – насупилась Уля.

– Так вышло, – покаялся Данила. – Не злись.

– Я не злюсь.

– Перестань! – Он вытер руки, снова ее обнял и постоял, покачиваясь. – Она приехала ко мне в офис. Не гнать же ее было!

Уля недовольно отвернулась, отвела его руки.

– Сначала приехала выяснить, что в компе Кирилла. Потом второй раз приехала и очень просила посмотреть финансовую отчетность ее фирмы. У нее какой-то интернет-магазин. Я ее предупредил, что не бухгалтер. Ну ее к черту! – решил Данила. – Я действительно не бухгалтер, еще раз позвонит, pošлю куда подальше.

– А сразу почему не послал? – фыркнула Уля. Она больше не злилась, и Данила повеселел.

– Потому что она намекнула, что Кирилла могли убить из-за каких-то махинаций в фирме. Мне захотелось посмотреть, что там за серые схемы такие.

– А его могли убить из-за этого?

– Убивали Сашу, – твердо сказал Данила. – И убили. Если бы преступление готовилось для Кирилла, не тронули бы медсестру.

– Дан, надо узнать насчет похорон Лизы. – Безрукова перестала интересоваться Улю. Жена хорошо его знала, поняла, что до Безруковой ему дела нет. – И обязательно узнать, нужна ли помощь. Кстати, кто ее будет хоронить?

– Родители, наверное. Или Федор. Я не знаю.

Данила сел за компьютер, посмотрел почту. Электронный адрес он Безруковой дал. От нее пришли три письма с вложениями. Она зря времени не теряла.

Через пару часов общая картина стала ясна. БАДы поступали в магазин Безруковой от некой промежуточной фирмы и отлично продавались. В документах все было чисто. Впрочем, он в этом не сомневался. Кирилл был очень осторожным, никогда не связался бы ни с чем криминальным сам и не подставил бы Машу. Хотя бы просто потому, что она обязательно бы потопила его, если на нее надавили бы соответствующие органы.

В интернете информации о фармацевтической фирме было немного. Продукция фирмы была высококачественной и соответствовала мировому уровню. И только совсем недавно в фирме были выявлены хищения. Данила не сомневался, что Кирилл к этому отношения не имел. Не потому,

что слишком честен, а потому, что слишком осторожен.

– Уля! – крикнул Данила. – Давай ужинать!

– Что ты решил? – заглянула к нему жена.

– Решил послать Машку подальше.

Уля замялась и робко спросила:

– Кто у нее муж?

– Не знаю, – отмахнулся Данила. – Сидит в Московской думе, что ли.

Или в областной.

– Дан! – твердо сказала Уля, глядя ему в глаза. – Ей надо помочь!

Данила очень любил Улю, когда она казалась ему наивной и беспомощной. Сейчас он любил ее не меньше.

Уля была исключительно практичной – Безрукова может пригодиться. То есть могут пригодиться связи ее мужа. Использовать такие схемы Даниле всегда противно, да и в помощи Безрукова не нуждается, но рвать с ней контакты было бы большой ошибкой.

Сашина пациентка явно не бедствовала. Впрочем, бедные едва ли обращались к брату, Саша был дорогим доктором.

Дверь, в которую Федор позвонил, была обита настоящим деревом. Вообще-то, он в обивках не разбирался, просто родители поставили себе похожую дверь незадолго до отцовской болезни.

Он не удивился, когда дорогую дверь открыла женщина лет сорока, худенькая, темненькая, не улыбаясь. Сиделка или домработница, угадал Федор. Что-то в женщине свидетельствовало о том, что хозяйкой квартиры в помпезном сталинском здании она не является.

– Кто там, Ира? – послышался недовольный женский голос.

– К вам, Надежда Ивановна, – негромко крикнула в ответ Ира, даже не поинтересовавшись, какого черта Федору надо.

Он торопливо разделся, прошел вслед за Ирой в заставленную книжными полками комнату. Нечто подобное он и предполагал – хозяйка с кружевной шалью на плечах сидела в кресле, держа на коленях книгу. В другой руке дама держала очки и на Федора посмотрела с большим любопытством. Книга была бумажная, солидный том в красном переплете.

– Здравствуйте. – Федор даже слегка поклонился.

– Брат Александра Павловича? – констатировала Надежда Ивановна.

– Федор.

Хозяйка подняла глаза к потолку, снова их опустила, закусив губу и снова посмотрела на Федора.

– У Александра Павловича не было брата.

– Был, – сказал Федор. – Я. Наши матери сестры.

– Это называется «кузен».

– Буду знать.

– Садитесь! – Она кивнула на стулья, стоявшие около круглого, накрытого кружевной скатертью стола.

Стульев было несколько, Федор подвинул ближайший. Стул с высокой спинкой оказался неожиданно удобным.

– Рассказывайте!

Вообще-то, он надеялся, что это она что-то расскажет.

– Елизавета умерла ночью после вашей встречи. Очень похоже на отравление. О чем вы с ней разговаривали?

Бабке было за семьдесят, но на морщинистых губах лежала светлая помада, а глаза были обведены черным. Как ни странно, нелепым макияж не выглядел.

– Об Александре Павловиче, конечно!

– Лиза спрашивала, не дарили ли вы ему коньяк?

– Я не дарила ему коньяк, – усмехнулась старуха. – Я ему хорошо платила. Этого достаточно.

Федор бился минут двадцать, но ничего стоящего не узнал. Лиза приезжала, посидела с полчаса и уехала. Ничего больше из бабки он вытянуть не смог.

Зато она вытянула из него все. И где он работает, и кто родители, и даже какие отношения связывали его с Лизой.

– Вы должны сообщить мне, когда убийца Александра Павловича будет найден!

– Обязательно, – пообещал Федор и рискнул. – Вы собирались завещать ему квартиру?

Бабка изменилась мгновенно, сразу. Розовые губы и подведенные глаза стали казаться издевательской маской на старушечьем лице.

– Это было не всерьез! – Она осеклась, поняла, что сболтнула лишнее.

Хозяйка владела собой отлично, опять превратилась из карикатурной старухи в солидную пожилую даму.

– Разговор был несерьезным, и Александр Павлович прекрасно это понимал.

Федор покосился на висевшие за старухиной спиной картины. Картин было много, они занимали все свободное от книжных шкафов пространство. Выделялась одна, на которой среди темных пятен проступало изображение то ли черта, то ли марсианина.

– Я устала. До свидания.

Он поднялся, опять поклонился.

Фарс какой-то.

Откуда-то сразу появилась Ира, хмуро смотрела, пока он надевал куртку.

– Ира! – нетерпеливо позвала хозяйка.

Федор кивнул домработнице и захлопнул за собой дверь. С Ирой необходимо было поговорить, но он не знал как.

Он даже немного посидел в машине, в общем-то, не надеясь, что домработница появится на улице. Наконец посмотрел на часы и поехал домой.

Взглянуть на свои окна ему не пришло в голову, и, отперев дверь, Федор успел удивиться, что в прихожей горит свет.

Больше он ни о чем не думал. Он обнимал хрупкие плечи и шептал:

– Настя! Настенька.

3 марта, пятница

Им редко удавалось провести ночь вместе, и это казалось Федору настоящим счастьем. В такие моменты ему было жаль времени на сон, он старался насладиться каждой минутой рядом с Настей.

Но за последнее время Федор слишком устал и измучился, наверное, поэтому и заснул, едва Настя затихла на соседней подушке.

Проснулся он рано, покосился на Настю и улыбнулся – она не спала.

Сквозь плотные занавески свет уличных фонарей проступал слабо, и Настю ему было видно плохо. Федор притянул ее к себе, потерся подбородком о нежную щеку.

– Я скучала по тебе.

– Я тоже.

На самом деле в этот раз он не только по ней не скучал, даже почти не помнил. Слишком много событий произошло за последнее время. Ему было просто не до Насти.

Она уехала за несколько дней до смерти Саши. Как обычно, Настя уехала с мужем отдыхать, а потом муж, как обычно, задержался на пару дней для деловых переговоров. Такие дни были для него и Насти единственной возможностью побыть вместе, не глядя поминутно на часы.

Настин муж был бизнесменом. Не из самых крутых, но такого уровня жизни, как Настя привыкла, Федор ей обеспечить не мог. Когда-то он уговаривал Настю бросить мужа и искренне не понимал, почему она говорит мягкое «нет». Тогда их любовь казалась ему самым главным на свете, он заболел, долго не видя Настю, и был уверен, что она чувствует то же самое.

Наверное, любовь поутихла, потому что больше он не мечтал постоянно быть с Настей. Правда, это не мешало ему радоваться их встречам.

– Жалко Сашу.

Федор промолчал.

Вчера он, конечно, рассказал о том, что случилось с Сашей, а потом с Лизой. Александра Настя знала, она лечилась у него. Федор и познакомился с ней у брата в кабинете. Заехал как-то вечером, потому что случайно оказался поблизости, потом подвез припозднившуюся пациентку. Настю.

Настя потянулась к нему, он почувствовал ее напрягшееся тело и

неожиданно отодвинулся. Заниматься любовью, когда Лиза лежит где-то в морге, показалось настолько аморальным и противным, что переступить через это Федор не смог. Вчерашнее не в счет, вчера тело сработало само. До вчерашнего вечера они слишком долго не виделись.

– Ты что? – не поняла Настя.

– Извини, Котенок. – Он поцеловал ее в уголок губ. – Как-то мне не по себе. Саша... Лиза...

Кажется, она не обиделась. Нахмурилась, внимательно посмотрела на свои ногти. Ногти были в полном порядке, лак лежал аккуратно, Настя осталась довольна. Неожиданно Федора покорило, что ногти у подруги окрашены в разные цвета, как у не слишком умной школьницы. Странно, что раньше он не обращал на это внимания. Впрочем, раньше он ее руки не разглядывал, было некогда. Свидания сводились к вполне определенным действиям и пустым ленивым разговорам между ними.

Настя потянулась, села.

– Я поеду, Федя. Дел много.

Каких дел может быть много у неработающей Насти, Федор не понимал. Впрочем, вечером должен прибыть муж, наверное, дела действительно есть.

– Подожди, – он погладил ее по спине, – давай хоть позавтракаем.

Он тоже поднялся. Пока Настя плескалась в ванной, пожарил яичницу. Ему нравилось, что аппетитом Настя всегда отличалась отменным и никогда с едой не привередничала. Впрочем, ему все в ней нравилось. Кроме ногтей.

– Вкуснота! – Она появилась на кухне в махровом халате, потянула носом.

Халат для нее Федор приобрел перед Новым годом. Выбирал духи ей и матери, наткнулся на прилавок с халатами и купил. Настя долго смеялась, увидев обновку. Халат был весь в крупных розах, и это почему-то ее очень забавляло.

Волосы у Насти лежали на плечах аккуратными локонами, и это почему-то показалось Федору неестественным.

– Как папа? – принимаясь за яичницу, вспомнила о его проблемах Настя.

– Ничего. Держится.

Она наморщила лоб, о чем-то сосредоточенно подумала и спросила:

– У Саши квартира где-то в центре?

– Да, – кивнул Федор. – У Бульварного кольца.

– Тебе нужно срочно сходить к юристу.

– Я не претендую на его квартиру, – опешил Федор. У него внезапно пропал аппетит.

– Ой! – поморщилась Настя. – Перестань! Вот чего я не люблю, так это лицемерия. Квартира в центре стоит бешеных денег, и ты прекрасно это понимаешь. Передо мной-то не надо бессребреника изображать.

– Я ничего не изображаю, – неохотно произнес он.

– Обязательно сходи к юристу. – Она опять задумалась и улыбнулась. – Я Лизу однажды видела. Я была у Саши последняя, выхожу из кабинета, а жена его сидит рядом с Варей. Саша нас тогда познакомил. По-моему, ей не понравилось, что у муженька молодая пациентка.

Настя опять улыбнулась, и Федору неожиданно захотелось, чтобы она побыстрее ушла. А ведь ему всегда хотелось, чтобы Настя побыстрее ушла, неожиданно понял он. Странно, что раньше этого не замечал.

– Ты приехала на такси?

– Конечно, – пожала она плечами. – Не могу же я оставлять машину около чужого дома. Береженого бог бережет.

Ничего особенного не произошло этим утром, но Федору, когда он спустился проводить Настю до такси, показалось, что провожает он совершенно чужую и ненужную женщину.

Спускаться вниз ему не хотелось, но Настя попросила, и он спустился. Зачем-то ей это было нужно.

Машина отъехала, и он с облегчением посмотрел ей вслед.

Утром Ника опять принялась звонить Федору, телефон по-прежнему не отвечал, и она почувствовала себя совершенно одинокой и несчастной. Причин для такого чувства не было, они с Федором едва ли сказали друг другу два десятка слов и едва ли скажут больше двух десятков в будущем, но слышать длинные гудки было тоскливо.

Когда сотовый наконец зазвонил, Ника с облегчением выдохнула, но это оказался не Федор.

– Привет, – сказал Данила. – Ты не помнишь хоть кого-то, с кем Кирилл работал в фирме? Он же устраивался туда при тебе, может, называл какие-то фамилии? Вспомни, Ника.

– Не помню. – Она действительно не помнила ни имен, ни фамилий бывших коллег Кирилла. – Он мне про работу не рассказывал. А зачем тебе?

– Есть кое-какие догадки, – не стал уточнять Данила. – У меня его записная книжка есть, в компе, который я у Елены Сергеевны взял. Но там фамилий много, не могу же я звонить всем подряд и спрашивать – вы,

случайно, не там-то работаете?

– По-моему, он устраивался в фирму через парня, который вместе с ним учился, – неожиданно припомнила Ника. – Какое-то самое обычное имя, Сергей, что ли. Фамилию точно не вспомню.

– Жалко, – посетовал Данила.

– Ты, случайно, не знаешь, где живет Федор?

Данила не знал. Про адрес Федора у нее вырвалось случайно, но, положив трубку, Ника догадалась открыть Сашину базу данных, и, как ни странно, адрес Федора нашла. Наверное, Федор снимал квартиру или не так давно ее купил, потому что адрес собственной тетки Саша едва ли стал бы записывать.

Ника спустилась во двор, подошла к своей «Киа». Машину не мешало бы вымыть, но по мартовской слякоти она опять станет грязной уже к вечеру. Машину Ника купила почти сразу, как разошлась с Кириллом. Никакой радости покупка ей тогда не принесла, да и сейчас она редко садилась за руль. А на работу так почти никогда, хотя место на служебной стоянке для себя оформила. Все оформляли, и она оформила.

Зарабатывал Федор, по всей видимости, неплохо, потому что жил у самого Садового кольца. Ника въехала во двор помпезного дома и втиснулась между подъездами, пропуская такси. Ей повезло, она не успела выйти из машины. Хлопнула дверь подъезда, показался Федор вместе с высокой тоненькой девушкой.

Он обнимал и целовал девушку, а Ника смотрела на это, прижав ладони к щекам. Так стыдно ей было, только когда Кирилл захлопнул за ней дверь, и она осталась на лестничной площадке вместе с большой дорожной сумкой.

Федор скрылся в подъезде, она медленно выехала опять на запруженную машинами улицу и свернула по направлению к работе.

Она очень на себя злилась, обзывала себя дурой и ничего не могла поделать со слезами, которые упрямо подступали к глазам.

Из-за слез ей даже пришлось немного посидеть в машине, когда она остановилась, проехав полосатый шлагбаум на стоянке перед офисом. Ни к черту нервы, надо что-то делать.

– Появилась! – обрадовалась Ася, когда Ника наконец зашла к подруге. – Ну рассказывай!

– Нечего рассказывать. – Ника подвинула стул, села рядом.

– Нашли убийцу?

– Понятия не имею. Нет, наверное.

Ася приставала с вопросами, Ника отбивалась. Ей больше не хотелось

думать про убийства. В конце концов, ее это действительно мало касалось.

И все-таки ближе к вечеру она достала телефон и позвонила Вариней соседке. Просто так позвонила, потому что почему-то чувствовала себя обязанной. Сегодня должны были хоронить Варю и ее маму.

– Народу много было, – начала рассказывать Люда. – Я даже не ожидала. И знаешь, родственники у Натальи Семеновны такие хорошие! И племянник хороший, и жена его. Жена плакала все время. Хорошо, если они в Натальину квартиру въедут.

Ника поддакнула, иметь хороших соседей большая удача.

– Ой, совсем забыла! На похоронах одна девочка была, Варина подруга, так с ней полиция разговаривала. Она, оказывается, последняя Варя звонила. Или Варя ей. В общем, девочки разговаривали, потом Варя сказала, что у нее звонок на второй линии.

Мальчик Вася кричал Варя, но она разговаривала по телефону.

– Видишь, полиция работает. Найдут убийцу, как думаешь?

– Конечно, найдут.

Домой Ника ехала дольше, чем обычно на метро. Терпеливо стояла в почти сплошных пробках и равнодушно смотрела по сторонам.

Ей казалось, что их с Федором связывают общее дело и общие интересы, и еще что-то неуловимое, отчего рядом с ним она не чувствует себя одинокой. На самом деле их ничего не связывает, просто она одинокая дура, вот и выдумывает неизвестно что.

Федор вымыл посуду за собой и Настей, застелил постель и опять поехал к дому Сашиной пациентки Надежды Ивановны. Достал телефон и быстро сказал ответившему женскому голосу:

– Ира, это Федор. Я здесь, внизу, спуститесь, пожалуйста. Мне надо с вами поговорить, перед тем как я пойду в полицию.

Ход оказался верным.

– Да, – после секундной паузы тихо ответила домработница и добавила для хозяйки: – Вы ошиблись номером.

Федор только теперь заметил, что у него куча неотвеченных вызовов, и вспомнил, что забыл вчера перевести тихий звонок на обычный. Выключил звук, направляясь на встречу с Надеждой Ивановной, и забыл об этом. Дважды звонила Настя, еще вчера, остальные вызовы были от Ники. Он поморщился, не ожидал от нее настырного пустого любопытства.

Ира вышла минут через десять, остановилась на крыльце, вертя головой. Он торопливо выбрался из машины, женщина его увидела, пошла навстречу. Вчера Федор плохо ее разглядел. Ира могла бы казаться

интересной, если бы хоть немного к этому стремилась. Ей бы подкрасить губы и ресницы, а она надела старушечий берет, в которых ходит девяносто процентов московских пенсионерок.

Она смотрела на него с тревогой, и Федор быстро сказал:

– Я ничего плохого Надежде Ивановне не хочу. Правда. Мне просто нужно знать, как было на самом деле.

– Пойдемте, – вздохнула Ира и кивнула в сторону соседнего торгового центра. – Мне нужно купить хлеб.

– Вы давно работаете у Надежды? – Он пошел рядом. Проявляй к собеседнику искренний интерес, учил великолепный Глеб Жеглов. Федор детективы не любил и никогда не смотрел, но классику отечественного кинематографа помнил.

– Шесть лет.

– Характер у нее тяжелый, – предположил он.

Ира пожала плечами:

– Она просто очень старая.

Федору приходилось вытягивать из женщины каждое слово, но он справился. Во всяком случае, в целом картина начала вырисовываться.

Надежда Ивановна – вдова какого-то бывшего начальника. Не настолько бывшего, чтобы бабка жила на крошечную пенсию, но и не настолько недавнего, чтобы он успел обеспечить на несколько поколений детей и внуков. Впрочем, детей у стариков не было.

Надежда не бедствовала, но и не роскошествовала. Сиделку могла себе позволить, и Ира за свое место держалась. Сейчас работу найти трудно.

Кроме хлеба она сложила в тележку какие-то банки. Федор услужливо покатыл покупки. Расплачивалась она карточкой, и это почему-то его удивило. Едва ли сиделка покупает продукты на свои кровные, выходило, что хозяйка ей полностью доверяет.

Родственников у старушки было несколько, но из молодого поколения только один племянник с сомнительной степенью родства. «Сеня здесь ни при чем», – несколько раз повторила Ира. Психологом Федор был сомнительным, но что-то ему подсказывало, что Ира к племяннику хозяйки равнодушна. Равнодушна не потому, что влюблена в него без памяти, а просто потому, что парень ей по-человечески нравится.

Претендовать на наследство парень не мог, родство слишком дальнее. Рассчитывать он мог только на завещание. Этого Ира не сказала, Федор сам додумал.

Доктора Вербицкого Ира терпеть не могла. Этого она тоже не сказала, Федор сам понял.

Доктор Вербицкий выписывал Надежде безумно дорогие лекарства и всячески старушку очаровывал. Это Саша умел, многословием брат не отличался, но к себе располагал сразу. В отличие от Федора.

Надежда Ивановна вызывала его каждые две недели, перед приходом доктора расцветала, и Ире казалось, что крыша у старушки заметно съезжает.

Идея оформить завещание на доктора возникла пару месяцев назад. Вообще-то, возникла не на ровном месте, Сеня твердо решил учиться в Америке, а такая перспектива понравиться Надежде Ивановне не могла. Родственник навещал ее нечасто, но все-таки раз в месяц появлялся, и бабуля этих появлений ждала.

Из-за учебы в Америке они разругались капитально, Надежда Ивановна пригрозила племяннику оставить его без грядущего наследства и решила осчастливить Сашу. Доктор, конечно, наорал на благотельницу, от наследства решительно отказался, но Ире не очень верилось, что отказывается доктор искренне. Кто же от лишних денег откажется?

Настя тоже не верила, что можно отказаться от лишних денег.

«Не разыгрывай передо мной бессребреника».

Переписала ли Надежда завещание на Сашу, Ира не знала.

– Поищите завещание, – попросил Федор. – Вам это нетрудно, а это важно.

Она кивнула, понимала, что к завещанию менты могут прицепиться.

Федор довел женщину до подъезда, вручил сумку с продуктами. Записал адрес и телефон племянника Сени и вернулся к торговому центру. Судя по рекламе, на втором этаже был ресторан, а ему хотелось пообедать.

Шел он, наклонив голову. Порывистый ветер дул в лицо, ничто не предвещало скорой весны.

На то, что Ника с ходу назовет ему коллег Кирилла, Данила особо не рассчитывал, но неудача все равно заметно поубавила энтузиазма копаться в проблемах Машки Безруковой, и, когда Безрукова ему позвонила, ответил неохотно.

Кирилл бы точно не стал никому помогать, да и Сашка, скорее всего, тоже. Впрочем, Сашку бы заставила Лиза, она чужие проблемы воспринимала как свои. В их компании таких дураков было двое – она и сам Данила.

– Маш, с твоими счетами все чисто, – отчитался он. – Можно хоть сейчас налоговую вызывать.

Уля этого его ответа не одобрила бы. По-хорошему, надо было

изобразить перед Машей большую деятельность, чтобы чувствовала себя обязанной.

Ну ее к черту, эту Безрукову! Жил он без протекции ее мужа и дальше проживет.

– А «Фармлит»? – Фирма «Фармлит» была непосредственным поставщиком ее магазина.

– Про «Фармлит» я вряд ли тебе что-то расскажу, – удивился Данила. – Откуда я могу про них знать? Я и название-то только вчера услышал. От тебя же.

– Там не отвечают телефоны.

– Попробуй съездить на фактический адрес. Договоры у тебя есть, адрес должен быть указан.

– Данила, давай съездим вместе, – жалобно попросила Безрукова.

– Маша, я не могу, – твердо сказал он. – У меня много работы. Я и так ничего не успеваю. Извини.

Он действительно многого не успевал. Поехал на один объект, потом на второй. Ездить было противно, пробки изводили. Третье кольцо стояло, он сунулся в центр и неожиданно свернул с заданного навигатором маршрута.

– Елена Сергеевна, – позвонил Данила матери Кирилла. – Я сейчас рядом с вашим домом. Можно, загляну на минуточку?

– Конечно, Данила, – равнодушно сказала женщина. – Всегда рада тебя видеть.

В детстве он Елену Сергеевну не любил. Она одергивала мальчишек, когда они шумели во дворе, злилась, когда бегали по лужам, и находила еще что-то, чтобы выразить свое негодование. Собственного сына при этом она почему-то никогда не ругала.

Дверь Даниле открыл мужчина. Равнодушно поздоровался и почти мгновенно исчез, показав рукой в сторону комнаты, где лежала на диване Елена Сергеевна. Неожиданно Даниле стало жалко мужчину, он производил впечатление забитого подкаблучника. Впрочем, впечатления часто обманывают.

Елена Сергеевна лежала без книги, дремала, наверное. Он подвинул стул, сел рядом.

– Как на улице? – спросила хозяйка. – Холодно?

– Противно. – Вопросы про погоду Данила совсем не ожидал. – Ветер сильный.

– Мне стоит погулять, как ты думаешь?

– Не советую, – честно сказал Данила и осторожно поинтересовался: –

Елена Сергеевна, у Кирилла в фирме были какие-то неприятности. Про это даже вроде бы по радио упоминали. Он вам ничего не рассказывал?

– Кирюша рассказывал мне все! – недовольно объявила она. – Ты же знаешь, у нас были очень близкие отношения!

Когда у него будут дети, надо не обольщаться, если покажется, что дети с ним откровенничают.

– Так что случилось в фирме, Елена Сергеевна?

– Если что-то случилось, это не имело к Кириллу отношения. – Чем-то Данила сегодня ее раздражал. Вопросами, наверное. – Кирюша старался меня не расстраивать. Мало ли что может произойти в большой фирме. А что говорили по радио?

В том, что мать Кирилла впервые слышит про проблемы в фирме сына, сомнений уже не осталось.

– Толком не поймешь, – признался Данила. – Похоже, продукция сбывалась налево.

– Ты же понимаешь, что Кирилл не мог иметь к этому отношения! – От возмущения Елена Сергеевна даже резко выпрямилась.

– Конечно, – успокоил он. – Конечно, не мог! Но, может быть, он что-то рассказывал?

– Он старался меня не расстраивать! – Женщина снова легла, прикрыла глаза, открыла.

– Елена Сергеевна, а как он попал в фирму? У него там были знакомые?

– У него было прекрасное резюме! – отрезала мать. – Как еще он мог попасть в хорошую фирму? Кирилл был прекрасным доктором. У него опыт работы на «Скорой», ты же знаешь.

В дверь заглянул подкаблучник, оценил обстановку, снова скрылся.

– Кирюша прекрасный специалист! Сережа Афанасьев до сих пор в рядовых сотрудниках, а Кирилл заместитель генерального директора.

– Кто такой Сережа Афанасьев? – рискнул спросить Данила. – Они учились вместе?

– Ну конечно! Сережа учился вместе с Кирюшей и Сашей. – Она тихо заплакала, Данила почувствовал себя виноватым. – Иди, Данила, я устала.

Из ниоткуда снова возник мужчина, запер за гостем дверь.

Данила садился за руль, когда позвонила Уля. Голос жены успокаивал, затягивал неприятное чувство, оставшееся от разговора с матерью друга.

– Был у Елена Сергеевны, – доложил Данила и соврал. – Она передала тебе привет.

– Спасибо, – удовлетворенно обрадовалась Уля. – Ей надо помочь?

– Нет. Просто проезжал мимо и зашел.
– Умница, – похвалила жена. – Я научила тебя быть отзывчивым, правда?
– Правда, – улыбнулся Данила.
Вопреки нерадостным ожиданиям до офиса он доехал быстро.

Племяннику Сене Федор начал звонить еще от дома Надежды Ивановны, но безуспешно, телефон не отвечал. Пришлось вернуться домой.

Ждать было скучно. Федор попробовал поработать, работать дома он любил больше, чем в офисе. Дома никто не отвлекал, дома был привычный беспорядок, который казался ему уютным, и нормальный чай, а не пакетики, как на работе.

Сейчас работать не получилось, мозг отказывался воспринимать что-то, не относящееся к убитому брату и его жене. Федор выключил компьютер и провалился с планшетом в руках, пока Сеня наконец ему не ответил. Голос казался молодым. Жаль, не спросил у Иры, сколько лет племяннику.

– Я брат доктора Вербицкого, – объяснил Федор. – Вы, наверное, знаете, что он лечил вашу тетю. Моего брата убили. Мне очень нужно с вами поговорить.

– Зачем? – спокойно спросил голос.

– Мне нужно задать вам пару вопросов.

Собеседник подумал и решил:

– Задавайте.

– Послушайте, вы попали в очень неприятную ситуацию, – поморщился Федор. Плохой из него следователь, разговор пошел как-то неправильно. – Я хочу помочь вашей тете и вам заодно.

– В какую ситуацию я попал?

– В плохую! – рявкнул Федор. Обычно его трудно было вывести из себя, но парню это удалось. – Ваша тетка собиралась написать завещание на моего брата! Вы хотите, чтобы полиция занялась этой версией?! Они не только ей нервы потреплют, вам тоже. Это понятно?

Это, кажется, было понятно, потому что собеседник с минуту подумал.

– Вы имеете отношение к полиции? – Особого волнения в голосе Сени Федор не услышал.

– Нет. Но я единственный, кто знает про завещание.

Сеня опять подумал.

– Я встретил Вербицкого, когда он в последний раз приезжал к тете

Наде, – признался племянник.

Странно, Ира утверждала, что Сеня в тот день приехал позже.

– Столкнулся с ним у подъезда. Он выходил, а я подошел. Все, больше я его не видел.

– Послушай, давай поговорим не по телефону, – устало попросил Федор. – Ты где сейчас находишься?

Сеня находился в пятнадцати минутах езды. Если ехать без пробок. Федор чуть не предложил встретиться где-то поблизости от Сени, но вовремя удержался. Парень явно моложе его, пусть сам прокатится.

– Приезжай... – Федор назвал станцию метро. – Выйдешь вперед по ходу поезда, налево пивной ресторан. Я буду тебя там ждать.

– Я не пью пива!

– Не пей. Еду там тоже дают. Неплохую.

В этот ресторан Федор заходил часто. Иногда потому, что было лень себе готовить, а иногда потому, что хотелось поесть вкусно. Готовили в ресторане отлично.

Пустых столиков было много, он выбрал место у стены, с которого хорошо просматривался вход в зал, заказал два мяса и одно пиво, для себя.

Вошла пара лет сорока, потом запорхнули две девушки, с интересом обвели зал глазами. Потом появился молодой человек в круглых очках, и Федор помахал ему рукой.

Молодой человек одет был вроде бы обычно, в свитер и джинсы, а выглядел почему-то сошедшим с рекламы. И не потому, что отличался особой мужской красотой, парень был самый обычный, среднего роста и худощавый, а так, непонятно почему. Ему было лет двадцать пять.

– Здравствуйте. – Сеня оглядел Федора без особого любопытства.

– Привет, – сказал Федор.

Официант принес большие тарелки с мясом, Сеня с недоумением на них посмотрел.

– Я заказал мясо, – объяснил Федор. – Здесь хорошее мясо.

Парень без энтузиазма взял вилку, тронул лежащую на краю тарелки обжаренную картофелину и неожиданно спросил:

– А это не вредно?

– Что? – не понял Федор.

Сеня пояснять не стал, мотнул головой и поморщился.

«Вредна жареная пища», – догадался Федор.

– Могу заказать тебе салат, – усмехнулся он. – Огурцы, помидоры, редиска. Это не вредно?

Дураком Сеня не был, улыбнулся, положил картофелину в рот.

Пожевал и поднял на Федора глаза.

– Послушайте, я вам уже все сказал. Я встретил Вербицкого у подъезда и поздоровался. Больше я его не видел.

– И подарил ему коньяк?

– Зачем? – искренне удивился парень. – Он меня не лечил.

– Ты знал, что тетя собиралась написать завещание на доктора?

– Знал, – кивнул Сеня. – И что?

– Наверное, это тебя не радовало.

– Да какая мне разница, – Сеня пожал плечами.

– Как это – какая? – обомлел Федор. – Тебе не нужна квартира в центре города и деньги?

– Тетя Надя еще жива. – Парень еле заметно улыбнулся. – А потом я постараюсь заработать себе денег на квартиру.

– Это довольно трудно, – усомнился Федор.

– Ничего, я справлюсь. – Парень задумался и неожиданно спросил: – Вы кем работаете?

– Инженером, – не стал вдаваться в подробности Федор.

– В какой области? – Племянник был достоин своей тетушки, та тоже умела добывать информацию.

– Ай-ти.

– А где вы учились?

– В Бауманском. – Допрос Федору надоел. – Расскажи лучше про свои планы. Ты собираешься учиться в Штатах?

– Да, – спокойно кивнул Сеня. – Мне нужно закончить там аспирантуру.

Он согласился на эту встречу, потому что не хочет встречи с полицией, понял Федор. Боится, что визу не дадут или произойдет еще что-нибудь в этом роде.

– Потом я вернусь. Карьеру нужно делать здесь. В Штатах русскому не пробиться.

Похоже, что карьеру парень собирался сделать нехилую.

– А деньги на обучение у тебя есть? – Федор допил пиво, попросил еще.

– Есть, – кивнул Сеня и вздохнул, понимая, что Федор не отстанет. – Родители продали дачу.

Ничего больше Федор из парня не выбил. Сеня доел мясо, не слишком настойчиво попытался расплатиться, но Федор это пресек. Посидел еще несколько минут, допивая пиво, и тоже поднялся. У него осталось впечатление, что его удачно разыграли.

Времени в дневных пробках Данила потерял много, пообедать не успел и, запирая офис, мечтал только об одном – мгновенно перенестись домой. Безрукова стояла, прислонившись к своему «БМВ», он заметил ее, выйдя из здания. Хотел рвануть назад, но выход из здания был только один, и это его не спасло бы.

– Привет, – буркнул Данила, подходя к бывшей школьной подруге, волею судьбы превратившейся в светскую даму.

Век бы ее не видеть!

– Данила, я все понимаю! – Она посмотрела на него устало и жалобно. – Я тебе мешаю, но... Помоги мне!

Он никак не мог привыкнуть к ней новой. Прежняя Безрукова никогда не смотрела жалобно, она смотрела либо с превосходством, либо с ненавистью. Ее ненависть вызывали те, кого привозили к школе на дорогих машинах. Школа у них была хорошая, родители кое-кого из соучеников даже появлялись в телевизоре. Впрочем, не часто и не на первых каналах.

– Маша, я ничем не могу тебе помочь. Правда. Мог бы, все сделал. – От голода неприятно сосало в желудке. Нужно начать нормально питаться, а то доработается до язвы.

– Съезди со мной в «Фармлит», – быстро попросила она. – Съезди. Пожалуйста. И все, я от тебя отстану!

– Сейчас? Поздно уже. – Как же, отстанет она! – Рабочий день кончился.

– Пусть. Мы просто убедимся, что фирма существует. Данила, мне некого больше попросить.

Данила с тоской покосился на свою машину и вздохнул.

– Ладно. Отвезешь потом меня домой.

Открыл дверь «БМВ», плюхнулся на сиденье и сразу отметил, что сиденье удобное. Отличное сиденье. И вообще все внутри неувликимым образом говорило о том, что машина дорогая и комфортная. Он обязательно купит такую же, если не себе, так Уле. Вот только сдаст тот самый решающий объект, тендер на который он выиграл с таким трудом.

Безрукова быстро села рядом. Не глядя на Данилу, уверенно повела машину.

– Маша, тебе нужно заказать экспертизу продукции, – через некоторое время посоветовал он. – Я уверен, что БАДы твои чистые, но экспертиза не помешает.

На самом деле все это не имело никакого значения. Если кому-то захочется свалить ее мужа, свалят независимо от экспертизы. Впрочем, не

совсем так. К отъему земель и предприятий население уже привыкло, а скандал, связанный с лекарствами, сильнее. БАДы не лекарственные препараты, но кто будет в этом разбираться.

– Что? – Безрукова уставилась на него, и он всерьез испугался. Машина шла на приличной скорости.

– Смотри за дорогой, – буркнул Данила. – Нужно провести экспертизу и убедиться, что ты не продавала подделку.

– Господи! Как я это сделаю? – Голос у нее задрожал, но смотрела она вперед.

– Кирилл не упоминал о некоем Афанасьеве? Это его однокурсник. Они вместе работали.

– Нет. – Она задумчиво покачала головой. – Не помню. При чем тут однокурсник?

– Еще не знаю.

Он прикрыл глаза. Ужасно захотелось спать.

– Данила, Кирилл твой друг!

Кажется, он задремал, потому что голос показался неожиданным, резким.

– Что ты хочешь этим сказать? – тяжело усмехнулся Данила.

Безрукова промолчала. Она хотела сказать, что он должен кинуться ей помогать, а также самому расследовать все, что могло быть связано с убийством школьного друга.

Знала бы она, как он ненавидел Кирилла!

У Данилы до сих пор от ненависти сводит челюсти.

Адрес поставщика БАДов Безрукова помнила наизусть, уверенно свернула в проезд между домами, остановилась у невзрачной двери с торца жилого дома. Дом был постройки семидесятых, Данилина фирма сделала в таких домах сотни ремонтов. Жильцы свои жилища ругали, возмущались кривыми стенами, а зря, сейчас строили еще хуже.

Около двери висело несколько табличек, среди них и название общества с ограниченной ответственностью «Фармлит». Данила нажал на кнопку звонка, через полминуты нажал второй раз. Замок не щелкнул, и никто ему не ответил. Безрукова терпеливо стояла рядом.

Говорил же он этой дуре, что ехать надо в рабочее время.

Данила кивнул спутнице – пойдём отсюда, но тут произошло неожиданное. Дверь открылась, и молодой щуплый охранник с любопытством на них посмотрел.

– Нам надо в «Фармлит», – сказал Данила.

– Там нет никого, – весело ответил парень.

– Уже ушли? – Безрукова робко улыбнулась парнишке, получилось это у нее хорошо.

– Они и не приходили.

– Фирма липовая? – вздохнув, предположил Данила.

– Кто же их знает? Месяц назад еще появлялись какие-то мужики. Заходили на пару часов. А теперь вообще никто не приходит.

– Но за аренду-то они платят?

– Наверное. Помещение за ними сохраняется.

– Слушай, у тебя должны быть их телефоны, – догадался спросить Данила. – Ну... пожар какой-нибудь, ограбление...

– Телефончик есть, – весело кивнул парень. – Но дать не могу. Не имею права.

– Позвони сам, – попросил Данила. – Позвони и дай мне трубку.

Этот вариант парня устроил.

– Заходите, – кивнул он.

Дверь вела в подвал. Охранник провел неожиданных гостей по небольшому коридору и уселся за стоявший в углу стол. На столе стоял компьютер с двумя мониторами, на обоих виднелась одна и та же картинка – пространство перед входной дверью.

Охранник поводит мышкой, на одном из мониторов появился список фирм и телефонных номеров. Фирм было всего четыре, ровно столько же, сколько табличек около входной двери.

Телефон «Фармлита» Данила мысленно повторил несколько раз. Кажется, запомнил.

Охранник набрал номер дважды, телефон представителя фирмы не отвечал.

Потраченного впустую времени было жаль.

– Отвези к офису, – передумал Данила, опять садясь в машину рядом с Безруковой.

Она больше к нему не приставала, ехала молча, сосредоточенно глядя на дорогу. Губы у нее были плотно сжаты, и неожиданно Данила ее пожалел.

– Попробую дозвониться Афанасьеву, – пообещал он. – Посоветуюсь насчет экспертизы.

Безрукова посмотрела на него с благодарностью. И опять Даниле показалось, что рядом с ним незнакомая женщина. Не та Безрукова, которую он знал с малолетства.

– Ничего, Маша, – успокоил он. – Прорвемся.

– Ты же видишь, что происходит, – безнадежно сказала она. – Ты

уверен, что Кирилл убили не из-за этого?

В том, что Кирилл погиб не «из-за этого», Данила был уверен.

– Я не знаю, Маш, – ответил он.

Домой Данила попал позднее обычного и, обняв Улю, сразу заснул.

Надо было позвонить Нике, слишком настойчиво она разыскивала его вчера и сегодня утром, но звонить Федору не хотелось. Рассказывать, что он выяснял про завещание, означало превратить все это в какую-то пародию, игру. Надо будет, сама позвонит, решил он.

От ресторана до дома было минут десять небыстрого хода. Месиво из снега и грязи под ногами раздражало настолько, что Федор даже решил подъехать на автобусе, но на остановке толпился народ, а лезть в набитый транспорт было еще противнее.

Телефон во внутреннем кармане куртки затрясся, и Федор достал его прежде, чем аппарат зазвонил. Был уверен, что это опять Ника, но звонила Лизина сестра.

– Да, Таня. – Он неожиданно вспомнил, как зовут Лизину сестру.

– Федор... – Она замялась. – Мне нужно взять Лизины вещи. С полицией я уже договорилась. Ты не можешь сходить со мной?

Ей страшно, понял Федор. Страшно заходить туда, где лежала ее мертвая сестра.

– Конечно, – быстро сказал он и чертыхнулся, вспомнив, что выпил пива и не может сесть за руль. – Сейчас приеду.

Приехать раньше Татьяны он не сумел. Дважды позвонил в дверной звонок, толкнул дверь и сразу ее увидел. Она спешила к двери и на него посмотрела с облегчением.

– Ты одна? – спросил он.

Татьяна кивнула:

– Был парень из полиции, но ушел уже. Сказали, что теперь в квартиру можно заходить.

– Нужно починить дверь.

– Да, – согласилась она.

Она плакала непрерывно. Доставала из кармана брюк упаковку носовых платков, вынимала очередной, сморкалась и зажимала грязный комочек в кулаке.

– Давай, что ли, чайку попьем, – предложил Федор.

Ее куртка была брошена на стул в прихожей. Свою он бросил рядом.

Где у Саши лежит чай, он не знал. Открыл одну кухонную полку, потом другую. Нашел пакет с иероглифами, заглянул внутрь. Чай оказался

черным, зеленого Федор терпеть не мог.

Включил электрический чайник, достал две одинаковые чашки, насыпал прямо в них заварки.

– Вещи я уже собрала. – Татьяна села в уголок. Ей было неловко в чужой квартире. Федору тоже.

Интересно, Настя сразу бы повела разговор о свалившемся наследстве или повременила?

– Я тебя помню, – неожиданно признался Федор. – Ты приходила к Лизе, пыталась ее домой уволочь. А она с тобой не пошла.

– Да, – Татьяна кивнула. – Она никого не слушала. Слушала бы, была бы сейчас живая...

– Таня! Перестань! – опешил он. – Ну при чем тут это?

Она опять заплакала, наклонив голову.

– Замуж надо выходить вовремя! А она... Нам всем это не нравилось, как чувствовали, что добром не кончится!

– Лиза с Сашей были счастливой парой. – Федор поставил перед Татьяной чашку. – Самой счастливой из всех, кого я знаю.

– Отцу «Скорую» вчера вызывали! – Она обняла чашку руками. – На маму смотреть страшно!

Ему хотелось ее обнять, но он не рискнул. Кажется, Лиза говорила, что у ее сестры двое детей. А муж? Почему мужа нет рядом с ней в трудную минуту?

Чашки Федор вымыл сам, Татьяна так и сидела в углу, чувствуя себя чужой в квартире сестры.

– Таня, нужно заменить дверь.

Она послушно покивала.

«Завтра позвоню в фирму, – решил Федор. – Поставлю дверь и отдам ей ключи».

Он довел Татьяну до дома родителей, они жили совсем рядом. Молча постояли у подъезда, потом она кивнула и быстро скрылась за дверью. Он подумал, не вызвать ли такси, но ждать машину не хотелось, и Федор пошел к метро.

Теперь позвонить Нике было необходимо, Татьяна сказала, что похороны в воскресенье. Он уже собрался достать телефон, но тут телефон зазвонил сам, и Надежда Ивановна приказала ему:

– Приезжайте ко мне немедленно!

Федору уже давно никто не смел приказывать, даже начальство.

– Буду через полчаса, – покорно сказал он.

Доехал даже раньше, за двадцать пять минут, позвонил в домофон.

Бабка открыла сама. Стояла у открытой двери, ожидая, когда он поднимется, куталась в шаль на плечах.

Увидев его, молча пошла в комнату, уселась в любимое кресло. Федор торопливо скинул куртку, прошел следом. Подвинул стул, сел.

– Рассказывайте! – разжала губы хозяйка.

– Что рассказывать? – вздохнул Федор.

– Не делайте из меня идиотку, – поморщилась она. – Вы зачем дергаете мою домработницу?

– Видели в окно? – улыбнулся Федор.

– Ну конечно, видела! Я из ума пока не выжила! Кто-то звонит по телефону, и эта дурочка сразу собирается в магазин! Что вам от нее нужно?

– Завещание – серьезный аргумент, – вздохнул Федор. – Менты об этом еще не знают, но это дело времени. Вы написали завещание на Александра?

– Написала. – Она понимала, что отмахиваться от слов Федора нельзя. У родственника Сени могут возникнуть проблемы. – Написала. Показала Сене и через два дня написала другое. На Сеню. Откройте ящик! – Она ткнула рукой в сторону большого книжного шкафа. Нижние полки шкафа выдвигались.

Федор послушно поднялся. Завещание лежало сверху, аккуратно упакованное в файловую папку. Он внимательно его прочитал, положил на место.

– Сеня знал, что вы его просто пугали? – Федор снова сел напротив хозяйки.

– Знал, – быстро сказала она.

– Надежда Ивановна, это очень просто установить, – предостерег Федор. – Я не сумею, а полиция установит сразу. Сеня знал про новое завещание? Про последнее?

– Он знал, что я никогда не оставлю его без денег! Я могу вспылить, наделать глупостей, но все мое имущество останется в нашей семье. И это мой внучатый племянник знал!

– Да не тяните вы время! – С любым другим собеседником он уже начал бы злиться, а упертая старуха почему-то не раздражала. – Сеня видел последнее завещание?

– Видел, – соврала она. Федор знал, что она врет, а она понимала, что не смогла его обмануть.

– Надежда Ивановна!

– Его отец профессор!

– Профессура получает мало.

– Мерзкий тип. – Его слов она словно не заметила. – Я была против, когда моя племянница собралась за него замуж. Но зарплата у него нормальная, семья не бедствует.

– Тем не менее им пришлось продать дачу, чтобы оплатить обучение Сени.

– Перестаньте! – Она махнула рукой. Уточнять, откуда у него такая информация, не стала, значит, с родственничком уже успела побеседовать. – Они продали вторую дачу. На которую уже сто лет не ездили.

Еще пятнадцать минут прошли впустую для обеих сторон. Наконец Федор поднялся, пожалел старуху и пообещал на прощание:

– Я полиции про завещание пока не скажу. Но вы предупредите и Иру, и Сеню, что у меня могут возникнуть вопросы.

Она кивнула. Ему даже показалось, что с благодарностью.

Нике Федор позвонил уже из дома.

Занять вечер было нечем, и Ника села за компьютер просто так, от скуки. Через несколько минут она замерла, пораженная, что раньше не сделала того, что сделать было нужно сразу. Не посмотрела, когда Сашина база данных изменялась в последний раз.

Рядовые компьютерные пользователи на дату изменения обычно не смотрят, они про нее, скорее всего, даже не знают, но она-то не рядовой пользователь!

Последнее изменение Сашиной базы данных было 27 февраля.

В тот день, когда к Лизе в квартиру кто-то проник.

Ника резко поднялась, быстро прошла по комнате. Неизвестный в грязных ботинках, оставивший следы на Лизинем полу, что-то изменил в базе?

Получалось, что так. Лиза едва ли стала бы вносить изменения. Лизе было страшно, когда Ника приехала к ней с браслетом. Ей было не до корректировки базы.

У Федора есть копия базы, вспомнила Ника. Нужно немедленно позвонить, но утром Федор обнимал тонкую красивую девушку, и от этого звонить Нике не хотелось. Ужасно глупо, и девушка, и сам Федор не имели к ней никакого отношения, она не должна об этом думать. Но Ника думала и обижалась непонятно на что.

Она все-таки полезла в сумку за телефоном, но Федор ее опередил, позвонил сам.

– Привет, – хмуро поздоровался он.

– Ты говорил, у тебя есть копия Сашиной базы, – быстро сказала Ника. – У тебя есть копия?

– Есть...

– Пришли мне ее, пожалуйста. Прямо сейчас. – Ника говорила быстро, чтобы он не спросил, какого черта она ему названивала.

– Зачем?

– Пришли, Федор. Я хочу кое-что проверить.

Федору очень хотелось узнать, что она пытается выяснить, но он сдержался, ничего не спросил. Ему не нравился ее интерес к его розыскам, превращающий важное для него дело в примитивную игру, и самому не стоит вести себя так же. Впрочем, сейчас Ника с лишними расспросами к нему не лезла.

Он пообещал прислать базу и сообщил:

– Лизу хоронят в воскресенье.

– Где и во сколько? – деловито осведомилась Ника.

Он объяснил и зачем-то спросил:

– Ты придешь?

– Конечно.

Больше говорить было не о чем, но он почему-то тянул время. Он устал от горя и непрерывных похорон и чувствовал себя совершенно одиноким, а с ее голосом отчего-то противное одиночество пропадало.

– Ну пока, – наконец сказал он.

– Пока, – вежливо повторила Ника.

База пришла через несколько минут.

Ника, стараясь не торопиться, начала поочередно открывать и сравнивать таблицы. База была составлена коряво, бестолково, Саша наверняка составлял ее сам. Таблиц было много, и они дублировали друг друга.

На то, чтобы найти несовпадение, потребовалось минут двадцать.

Ника откинулась в кресле, покачалась. Незнакомый, проникший к Лизе в квартиру, удалил запись о том, что Саша выписывал рецепт на снотворный препарат, тот самый, от передозировки которого Саша и умер.

Рецепт был выписан за три недели до Сашиной смерти и предназначался женщине пятидесяти шести лет.

Любови Никитичне Обориной.

Ника понятия не имела, как звали мать Данилы, но фамилию школьного друга бывшего мужа помнила.

Она снова потянулась к компьютеру и еще почти час сравнивала оставшиеся таблицы. Других несовпадений в базах не оказалось.

Данные о пациентах и данные о выписанных лекарствах хранились в разных таблицах, искать их было неудобно. Ника так никогда бы не сделала.

Оборина Любовь Никитична регулярно у Саши не наблюдалась. Она вообще ни разу не приходила к нему на прием, если верить базе данных. Снотворное же выписывала, примерно раз в полгода. Так многие делают, просят знакомых докторов выписать рецепт. Не для регулярного приема, а для тех случаев, когда изредка мучает бессонница.

Снотворное точно было тем же самым, от передозировки которого погибли Саша и Кирилл, она помнила название. Правда, в их случае действие снотворного было усугублено спиртным.

Если бы Любовь Никитична явилась за рецептом сама, Саша обязательно бы ее осмотрел, и в базе были бы соответствующие записи. Рецепт получал Данила, никаких сомнений.

Если, конечно, они с Любовью Никитичной не однофамильцы.

А ведь Лиза могла стереть запись сама. Это можно сделать просто по ошибке, база не защищена от несанкционированного доступа.

Лизу напугали следы грязных ботинок, она нервничала и, стараясь проверить, цела ли база, вполне могла случайно удалить запись.

Зазвонил городской телефон, Ника сняла трубку.

– Ты что не звонишь? – спросила мама. – Как дела?

– В воскресенье хоронят Лизу.

– Ты пойдешь?

– Обязательно.

– Елене Сергеевне звонила?

– Нет.

– Ника!

– Я звонила ей вчера. Она знает, что Лиза умерла, и на похороны не пойдет.

– Она сказала, что не пойдет?

– Не сказала, но я в этом уверена.

– Все равно ей надо сказать.

– Скажу. Мам, я всегда была для нее чужим человеком, и сейчас я для нее чужой человек. Ты напрасно думаешь, что я могу смягчить ее горе.

Мама хотела что-то ответить, но тут зазвонил Никин мобильный, и она быстро сказала:

– Пока! Мобильник звонит.

Звонил Федор.

– Нашла несовпадения? – сразу спросил он.

Ника не удивилась. Он правильно понимал, что она говорит и что делает, это она заметила еще у мертвого Лизино тела. Федор один сразу все понимал, даже маме это не удавалось. А про Кирилла и говорить нечего, Кирилл ухитрялся исказить каждое ее слово. «Какая отличная погода, – восхищалась Ника, глядя в окно. – Погулять хочется». – «Это ты можешь прогуливать, – начинал злиться Кирилл. – А у меня четкая пятидневная неделя». – «Я сказала просто так», – оправдывалась Ника, и настроение у нее сразу портилось.

– Нет, – спокойно и твердо сказала Ника.

– Ника! – Федор понял, что она врет. Кроме него не понял бы никто. – Ника, что ты нашла?

– Ничего, – вздохнула она. – Никаких несовпадений.

Он помолчал и, хотя Ника ни о чем не спрашивала, рассказал про Надежду Ивановну и ее внучатого племянника Сеню.

Потом опять помолчал, и Ника помолчала. Ей снова стало казаться, что они с Федором связаны чем-то неясным, зыбким, но вполне осязаемым.

Очень глупо. У Федора есть любимая девушка, Ника для него никто.

Да и он для нее тоже.

Звонить свекрови было уже поздно, и она отложила это на завтра.

4 марта, суббота

– Нужно узнать, когда хоронят Лизу, – напомнила Уля за завтраком.

– Федор обещал позвонить, когда выяснит, – объяснил Данила.

Жена о чем-то задумалась, нахмурилась.

– Ты с ее родителями знаком?

– Ну... знал в детстве, конечно. Только сто лет их не видел. В последний раз встречались на Лизиной свадьбе. А что?

– Наверное, им нужна помощь.

– Материальная?

– Дан! – возмутилась Уля. – Ты видишь повод для шуток?

– Я не шучу. – Данила отодвинул пустые тарелки, потянулся к чайнику.

– Кто ее родители? – Жена опять нахмурилась. Ее желание всем помогать было детским и искренним, но сейчас Данилу это отчего-то покорило.

– Понятия не имею. – Он пожал плечами. – Обычные люди, не бомжи, не алкоголики, но и не олигархи. У нее сестра есть, на пару лет нас постарше.

– Ты никогда мне об этом не говорил.

– К слову не приходилось. Лиза иногда племянникам игрушки покупала. – Чай Данила заварил отличный, в меру крепкий, и с удовольствием его отпил.

Однажды Лиза купила дистанционно управляемый танк, Данила с Сашей целый вечер с ним забавлялись, и Лиза боялась, что они сломают подарок для ребенка.

– Нужно позвонить Лизиным родителям и узнать, нужна ли помощь.

Данила промолчал. Он устал от горя, похорон и всего, что с этим связано. А родителям Лизы, скорее всего, сейчас нужно, чтобы их оставили в покое.

Уля доела завтрак, вымыла посуду, направилась в ванную, чмокнув по дороге Данилу в щеку. Зашумела вода, жена наполняла ванну. Звонок своего сотового Данила услышал не сразу, телефон лежал в кармане куртки.

– Ты приходил к Лизе в квартиру и лазил в базу? – сразу спросила Ника.

Даниле показалось, что его мгновенно перенесли из собственной уютной квартиры в потустороннюю реальность, жуткую, страшную. Как в

кошмарном сне.

Надо было спросить, что она имеет в виду своей идиотской фразой, но он не спросил. У него заколотило в висках и пересохло во рту.

– Любовь Никитична Оборина твоя родственница?

– Мама, – выдавил Данила. – Как ты узнала?

– У меня две копии базы. До того, как ты в нее залез, и после. Лиза заметила, что в квартире кто-то был. Ты ее напугал.

– Я, когда узнал, от чего парни умерли, ошалел от страха. Не соображал, что делаю. У меня были ключи от их квартиры. Сашка оставлял, когда они с Лизой уезжали, а я потом забыл отдать. – Вода в ванной продолжала шуметь, но Данила на всякий случай отошел подальше.

– Полиция вряд ли на тебя подумает.

– Как бы не так! Им лишь бы кого-нибудь засадить. Вышло глупо, конечно. Ты ментам сказала?

– Нет. Но у них тоже есть копия базы. Лиза сразу отдала второй Сашин комп.

– Знаю. – Данила знал и другое, в той базе, которая попала в полицию, опасной записи не было. Этого никто не знал, только он. – Я тогда просто свихнулся от страха. Но больше всего боялся, что не менты меня заподозрят, а Лиза. Ужасно глупо, я понимаю.

– Ладно, Данила, это останется между нами.

Ника отключилась, но стук в висках не проходил. Данила вернулся в кухню, достал таблетку аспирина, запил минералкой. Хорошее настроение от предстоящего выходного дня исчезло начисто.

Страх, который мучил его последние две недели, снова навалился тяжелой отупляющей усталостью.

Уля вышла из ванной веселая, ласковая.

– Поедем в питомник? – Она прижалась к Даниле, он обнял ее одной рукой.

Он не успел ответить, телефон зазвонил снова.

– Похороны в воскресенье, – сказал Федор.

Данила опять сунул телефон в карман куртки, передумал, поставил заряжать.

– Поедем в питомник?

– Я обещал Безруковой кое-что узнать. – Ему не хотелось никуда ехать. Ему ничего не хотелось.

– Что узнать? – Глаза жены загорелись таким любопытством, что он улыбнулся. Страх немного отступил.

– Фирма, от которой она получала БАДы, исчезла. Бумаги у Машки в

порядке, но ситуация хреновая. Попробую позвонить кое-кому.

Проблемы Безруковой отвлекали от собственного страха.

Уля задумалась, нахмурилась, потом разгладила лобик и решила.

– Я тоже не поеду.

Это было не самое лучшее для него решение, но выбора не оставалось.

О компьютере медсестры Вари, который Федор так и не отдал Лизе, он совсем забыл. В тот день, когда они с Лизой забирали Сашины вещи из кабинета, он обнаружил забытый ноутбук на заднем сиденье, принес домой и сунул на книжную полку. Потом на компьютер легли бумаги, которые он захватил с работы, потом книжки, которые он листал.

Федор вспомнил про компьютер, едва открыв глаза. Вскочил с постели, подошел к книжному шкафу, осторожно достал ноутбук, так же осторожно подключил к электросети и только потом отправился на кухню. Когда рядом стояла кружка с чаем работалось гораздо лучше. Даже в офисе не отказывался от этой привычки.

Компьютер оказался почти пустым. Саша купил его, чтобы девчонка осознавала собственную значимость, не иначе. Там были какие-то заметки вроде «17-го день рождения М.», немного фотографий и парочка компьютерных игр. Еще был небольшой телефонный справочник, совсем небольшой, номеров на двадцать.

В справочнике фигурировали преимущественно женские имена. Если имена повторялись, около них стояла первая буква фамилии. То есть Федор предположил, что заглавная буква означает фамилию.

Мужских имен было немного. «АП» – наверняка Саша. Еще были просто Саша, Иван, Олег. И Сеня.

Федор медленно поднялся, взял оставленный у постели телефон и посмотрел на номер племянника Надежды Ивановны. Номера совпадали.

Племянник был настолько хорошо знаком с медсестрой Варей, что она занесла его телефон в свою крошечную записную книжку?

Интересно!

Федор покосился на часы. Звонить для выходного дня рановато, только десятый час, но он набрал Нику.

Телефон не отвечал. Он звонил несколько раз, ласковый женский голос предлагал ему оставить сообщение, сообщение Федор не оставлял и только тупо смотрел в стену.

Она вчера что-то обнаружила и не захотела ему сказать.

Телефон затрясся и зазвонил неожиданно, когда он, в который раз послушав автоответчик, опять разглядывал стену.

– Все будет хорошо, – сказала мать. – Только сейчас папу опять смотрел онколог. Он твердо сказал, что все идет отлично.

– Слава богу. Я знал, что папа поправится.

– Я тоже. Как у тебя дела?

– Нормально. То есть ненормально. Завтра похороны Лизы. Мам, ты не можешь здесь быть, и все это понимают, – быстро добавил он.

Вообще-то, кроме него, понимать некому. Родителям Лизы не до его матери. Татьяне тоже.

Он опять позвонил Нике и опять посмотрел в стену. На стене висел календарь с видом Лиссабона, его сразу после Нового года повесила Настя. В прошлом году она отдыхала в Португалии. Она отдыхала и еще где-то, но оттуда календарь не привезла.

Мысль, что с Никой тоже могло что-то случиться, была настолько чудовищной и страшной, что на Федора навалилось тупое оцепенение. Они не сказали друг другу и десятка слов, а сейчас ему казалось, что без этой девушки он останется совсем один на свете.

Федор опять набрал номер и, когда услышал женский голос, так обрадовался, что у него перехватило дыхание.

– Ты почему не отвечаешь? – резко и зло спросил он.

– В ванной была, – растерялась Ника.

– Ты упоминала, что знаешь соседку Вари. Медсестры.

– Да.

– Спроси у нее, был ли у Вари парень. Или, знаешь что, – передумал Федор. – Давай вместе съездим и спросим.

– Зачем?

– Надо. Потом расскажу. Давай встретимся. Хочешь, я к тебе приеду?

– Ну... Приезжай. – Она опять растерялась.

Странно он с ней сегодня разговаривал. И от этого странного разговора Федору неожиданно и не к месту стало весело.

Он даже насвистывал какой-то мотивчик, спускаясь к машине.

Ника открыла ему с горящими от любопытства глазами, и от этого тоже стало весело.

– Племянника Надежды Ивановны зовут Сеня. А в компьютере Вари есть телефон Сени. Надежда Ивановна это...

– Я помню, – перебила Ника. – Ты рассказывал.

Она о чем-то сосредоточенно подумала и неожиданно предложила:

– Завтракать будешь? Правда, у меня ничего нет, кроме яичницы.

– Буду, – кивнул Федор и первым отправился на кухню. У него действительно прорезался аппетит.

Разбивая яйца, она молчала, и он тоже. Ему вдруг стало спокойно на ее маленькой кухне, и появилась твердая уверенность, что он узнает, кто убил брата и его жену. Узнает и сможет жить дальше.

– Какие несовпадения в базах ты нашла? – наконец он все-таки заговорил.

– Никаких, – спокойно ответила Ника.

Волосы падали ей на лицо, и она периодически отводила их тыльной стороной ладони.

Федор не понимал, врет она или нет, но знал, что другого ответа не услышит. Его самого тоже нельзя было заставить делать то, чего он не хотел.

Яичница вышла на славу, с колбасой и зеленью, он такую любил. Правда, ему никто такой не готовил, а самому было лень.

Потом Ника подала ему чай, и чай тоже оказался таким, какой он любил. Крепким и без добавок.

Мыть посуду Ника не стала, просто сложила грязные тарелки в раковину, сходила куда-то за телефоном, покусала губы и посмотрела на Федора. Глаза у нее были необычные, светло-карие, он только сейчас это заметил.

Красивые глаза.

И волосы, которые никак не хотели ложиться в аккуратную прическу, были красивые. Странно, что раньше он и этого не замечал.

И вообще Ника была умной и порядочной и никогда не стала бы изменять с кем-то своему мужу. Почему он сделал такой вывод, Федор не понимал, но в выводе был уверен.

Ему никогда раньше не встречались такие девушки. А скорее всего, он их просто не замечал, девушки ему нравились легкие и веселые, и он не воспринимал их полностью всерьез.

Ника ничего у него не спросила, отвернулась, потыкала в сенсорный экран и через несколько секунд произнесла:

– Люда, здравствуй. Это Ника. Завтра Лизу хоронят, ты просила сказать...

В трубке что-то заговорил женский голос, слов Федор разобрать не смог.

– Ты не возражаешь, если мы подъедем на минутку? Нам нужно у тебя кое-что спросить.

Ника не объяснила, кто такие «мы», а женщина на том конце невидимой связи не спросила.

– Поехали. – Это Ника сказала уже Федору и потеряла телефоном

подбородок. Настя объясняла, что к подбородку люди прикасаются, когда о чем-то размышляют. Настя считала себя специалистом в языке жестов.

В прихожей Федор подал Нике куртку, а она этому почему-то удивилась. Ему даже обидно стало, он привык считать себя вежливым и правильно воспитанным, и думал, что это для всех очевидно.

Ника замялась, потом тонкие руки скользнули в рукава куртки, и Федор толкнул перед ней дверь.

Сергею Афанасьеву, бывшему однокурснику Кирилла, Данила дозвонился сразу, представился, путано объяснил, кто он такой, и попросил:

– Мне очень нужно кое-то выяснить. Давайте встретимся, я отниму минут десять, не больше.

Афанасьев замялся, но неохотно согласился. Данила предложил ресторан в центре, куда они с Улей пару раз заходили, однокурсник Кирилла не возразил.

– Как мы его узнаем? – озадаченно спросила Уля.

Она слушала разговор, забравшись с ногами в кресло. Ей наверняка хотелось, чтобы Данила включил громкую связь, но попросить не рискнула. Умница.

– Узнаем как-нибудь, – отмахнулся он. – Собирайся.

До ресторана добрались быстро и ждали Сергея Афанасьева минут двадцать. Уля переживала зря, высокого тощего парня Данила узнал сразу. Парень был на похоронах Кирилла. И на поминках, кажется, был.

Данила махнул рукой, но Афанасьев сам его узнал и быстро направился к их с Улей столику.

– Привет, – буркнул он, протягивая руку к меню, как будто поесть было его главной целью.

Меню он изучал тщательно, наконец вздохнул, бросил на стол, поискал глазами официанта и сделал заказ – рыбу и овощной салат, как сидящая на диете дамочка.

– Ты Сашкину жену знал? – Наверное, начать надо было с чего-то другого, но Данила спросил это. – Жену Саши Вербицкого?

– Знал, – удивился Афанасьев и зачем-то потер обручальное кольцо на пальце. – И сейчас знаю. А что?

– Ее убили, – вздохнул Данила. – Несколько дней назад.

– О господи! – опешил Афанасьев, подумал и размашисто перекрестился.

– Насчет убили неизвестно, – мягко поправила Уля. – Может быть, она и сама...

– Ч-черт! – Похоже, печальным известием они перебили ему аппетит, Афанасьев отложил только что взятую в руку вилку. – Я Лизу с первого курса знал.

Он налил себе минералки, выпил, подумал и снова взялся за вилку.

– Я слышал, на вашу фирму менты наехали, – перешел Данила к делу.

– На нас всегда кто-нибудь наезжает, – Афанасьев пожал плечами.

– Послушай, Сергей. Я понимаю, к смерти Кирилла это отношения иметь не может, но... Что там у вас в фирме?

– Ничего. – Коллега Кирилла опять пожал плечами. – Я технолог, меня никто не беспокоит, работать не мешает. Я не имею никакого отношения к сбыту продукции.

Вопросы были ему неприятны, он опять отложил вилку.

– Сережа. – Уля легко и быстро дотронулась до его руки. – Помоги нам.

Умница у него жена, в который раз оценил Данила. Она смотрела на Афанасьева грустно и жалобно, как и надо.

– Я действительно ничего не знаю, – смягчился парень. – Я пришел работать технологом и работаю технологом. Работа меня устраивает, зарплата тоже.

– А Кирилла не устраивала? – влез Данила.

– Кирилла не устраивала, – подтвердил Афанасьев. – Ему хотелось в руководство, и он туда прорвался.

Данила готов был дать руку на отсечение, что должность замдиректора Кирилл вырвал у Афанасьева.

– Часть продукции сбывалась налево, – не стал отрицать коллег-однокурсник. – Но я понятия не имею, имел ли к этому отношение Кирилл. Думаю, что не имел. Деньги там не сумасшедшие, и пачкаться бы он не стал.

Кирилл и за сумасшедшие деньги пачкаться бы не стал. Свобода ему, как любому нормальному человеку, дороже.

– Ты про такую фирму, «Фармлит», слышал? – спросил Данила. – Она распространяла вашу продукцию.

– Не помню. Нет вроде. У этих фирм названия как под копирку.

– А узнать сможешь?

– Попробую, – к удивлению Данилы, согласился Афанасьев.

– И еще... – Это было главное. – Сможешь организовать экспертизу вашей продукции?

– Какой?

– Не знаю точно. Какие-то БАДы. Но они у вас выпущены. Во всяком

случае, этикетки ваши.

– Это можно, – кивнул Афанасьев.

– И официальное заключение.

– Само собой.

Они не зря потратили полдня. Заключение технологической экспертизы для Безруковой очень важно. Данила окажет ей неоценимую помощь.

– Данечка, ты чем-то расстроен? – когда Афанасьев ушел, спросила Уля, тревожно на него поглядев.

– Нет, – соврал Данила. – Устал просто. Давай пройдемся немного.

– В такую погоду? – укоризненно поморщилась она. – Потерпи, скоро весна, будем гулять каждый вечер.

Ему срочно нужно было позвонить. Немедленно.

– Елена Сергеевна пойдет хоронить Лизу?

– Не знаю. – Данила расплатился, кивнул Уле – пойдем. – Я у нее не спрашивал.

– Нужно позвонить немедленно! Дан, ее нельзя забывать!

Звонить ему нужно было в другое место, но это удалось сделать только вечером, когда Уля опять отправилась в ванную.

– Мам, – быстро сказал Данила. – Я привозил тебе три недели назад две упаковки снотворного, и ты уже успела их выпить. Запомни!

– Что? – не поняла мать.

– Мама, пожалуйста! – Вода в ванной шумела, но он старался говорить тихо. – Кто бы тебя ни спросил, я привозил тебе снотворное, и ты его выпила. Поняла?

– Нет. В чем дело?

– Я потом тебе все объясню.

– Данила!

– Мам, я не могу сейчас разговаривать. Просто запомни, что я тебе сказал. Это очень важно.

– Тебе уже давно некогда со мной поговорить.

– Мам, не начинай! Я звонил тебе только позавчера. Кстати, Лизу завтра хоронят.

– Боже мой! Я так хорошо помню эту девочку!.. – Мама у него умница, прекратила лезть с ненужными вопросами.

– Извини, мам. Я правда не могу сейчас разговаривать. Целую.

Вода продолжала шуметь. Данила бросил телефон на диван, подумал, переложил на тумбочку, а на диван лег сам.

Мама не подведет, в этом он был уверен. Женившись, он редко виделся

с родителями, но они продолжали оставаться его надежным тылом.

С Улей он такого тыла не чувствовал. Жена была для него ребенком, о котором надо заботиться, и его это вполне устраивало.

Вода перестала шуметь, хлопнула дверь, Уля села рядом с ним, Данила притянул жену к себе. У него трудный период, нужно собраться с силами, перетерпеть. Просто потерпеть, и все образуется.

Погода была плюсовая. Снег на солнце таял, оседал. Тепла хотелось нестерпимо.

– Здесь налево, – подсказала Ника Федору.

Он свернул в проезд между домами, медленно проехал по краю большого двора. Нашел отличное местечко, втиснул машину.

Ладони у него были жесткие, мозолистые, это Ника заметила, когда Федор подавал ей куртку. Как у гребца или лесоруба. Впрочем, лесорубов Ника никогда не встречала, да и гребцов тоже.

Надежные у него были ладони. Девушке, которую он целовал около такси, повезло.

Ника выбралась из машины, потопталась, разминая ноги, оглядела двор и замахала Людмиле.

– Люда!

Людмила стояла около пластмассовой горки, где крутилась кучка детворы, обернулась, увидев Нику, заулыбалась. Пошла навстречу, но Вася ее опередил, подбежал первым.

– Привет! – Мальчишка налетел на Нику, потом быстро оглядел Федора, смутился.

– Здравствуй, Васенька! – улыбнулась Ника и объяснила Людмиле: – Это Федор. Лизин родственник.

Ника покосилась на мальчика и пожалела, что упомянула Лизу. Наверное, для детской психики не здорово напоминать ребенку о смерти.

Похоже, Людмила считала так же, потому что быстро сказала сыну:

– Вася, у нас взрослые разговоры!

Мальчишка неохотно отошел. Людмила подвела гостей к ближайшей лавочке, села. Ника тоже, а Федор остался стоять.

– Людочка, припомни, – попросила Ника. – У Вари был парень? Не обязательно постоянный, может быть, ее кто-то просто провожал иногда?

– Не знаю, – покачала головой Люда. – Она ничего такого не говорила. Да мы и не слишком дружили, все-таки я старше намного.

– А телефонов ее подруг у тебя, случайно, нет? Ты же звонила им насчет похорон...

– Есть два номера.

– Варю подвозил один дядька. – Вася опять каким-то образом оказался рядом. – Два раза.

– Давно? – повернулся к нему Федор.

– Да нет, в феврале уже, – серьезно ответил мальчик.

– А это было не такси? – влезла Ника. – Такси не всегда бывает желтое.

– Нет, – так же серьезно объяснил ребенок и недовольно вздохнул. – Варя с водилой целовалась.

– Ты его узнаешь, если я покажу тебе фотку? – На самом деле ничего путного Федор от этой поездки не ждал и сейчас боялся спугнуть неожиданную удачу.

Не спугнул.

– Узнаю, – кивнул мальчик. – А машина у него «Шевроле Спарк». – Он уверенно назвал номер. – Серебристая.

Сообразительный ребенок собой гордился, понимал, что сведения его могут оказаться полезными.

– Это он Варю убил?

– Нет, – быстро сказал Федор, ему не хотелось лишний раз пугать ребенка. – Не думаю.

Людмила быстро прижала сына к себе, Вася недовольно поерзал, вывернулся.

– Спасибо, Вася. – Федор наклонился и пожал мальчишке руку. – Ты нам очень помог.

Маленькая ручка была в перчатке. На мизинце дырка, из дырки выглядывал тоненький пальчик.

Федор записал телефоны Вариных подруг. Поездка вышла не бесполезной.

– Отвези меня домой, – попросила Ника, снова усевшись в машину. Не на метро же ей возвращаться.

Федор кивнул, задумался, прикинул что-то и решил:

– Только сначала в другое место заедем.

Вообще-то, правильнее было сначала отвезти Нику, а потом заняться своими делами, но ему не терпелось проверить догадку.

До дома Сени он доехал всего за двадцать минут и серебристый «Шевроле» нашел почти сразу. Вернее, нашла Ника, она сразу заметила, что он разглядывает номера припаркованных машин.

– Племянник Сеня, – покивал Федор, посмотрел на панельную девятиэтажку и потянул Нику за руку. – Пойдем.

Нужный подъезд был рядом. Федор звонил в домофон минут десять, но ему так и не ответили. Потом он долго звонил Сене по телефону, но ему тоже не отвечали.

Из подъезда вышла женщина лет сорока с ротвейлером на поводке, и Федор с Никой вошли внутрь. Ротвейлер был старый, толстый, шел, переваливаясь, и Нике стало его жалко.

В квартиру они звонили уже не так долго, понимая, что никто не откроет. Федор даже подергал ручку двери, дверь, как и полагалось, оказалась запертой.

– Пойдем, – позвала Ника. – Отвези меня.

Федор кивнул, вызвал лифт. До ее дома ехали молча, и только у самого подъезда Ника не удержалась, попросила:

– Позвони, если что-нибудь узнаешь.

– Обязательно, – пообещал он и сразу тронул машину.

Ника посмотрела машине вслед и побрела к подъезду. Дома, едва раздевшись, набрала свекровь. Дозвонилась только со второй попытки.

– Я вас не разбудила? – забеспокоилась Ника.

– Я по ночам не сплю, днем тем более, – отрезала свекровь. – Как твои дела, Ника?

– Ничего. Спасибо. Елена Сергеевна, завтра похороны Лизы.

– Я знаю. Мне звонил Данила. Слава богу, он меня не забывает.

Это был мягкий упрек. Получалось, что Ника Елену Сергеевну забывает.

– Вы пойдете?

– Я не настолько близко ее знала. Господи, ты даже не представляешь, в каком я состоянии!..

Ника попрощалась, положила трубку. Она не сомневалась, что именно так и будет, но почему-то стало неприятно, зябко.

Елена Сергеевна знала Лизу с самого детства, и ее не ужаснула Лизина смерть.

Елену надо жалеть, утверждала мама.

Ника жалела, но не понимала.

Оставшуюся часть дня занять было нечем. Ника запустила стиральную машину, включила пылесос, прошла с ним по квартире и сквозь шум еле услышала телефонный звонок. Звонила Ася, позвала в кафе. Ника отказалась, рассказала про завтрашние похороны.

Потом она весь вечер прислушивалась к телефону, но никто больше ей не позвонил.

5 марта, воскресенье

К моргу Федор подошел одним из первых. Рядом стояла только группка женщин, как он понял из разговоров, женщины были с Лизиной работы.

Вчерашняя оттепель сменилась холодным ветром, редкая снежная крупа била в глаза. Женщины ёжились на ветру, Федор тоже.

Подходили еще какие-то люди, примыкали к Лизиным коллегам, становились поодаль в собственные группки.

Ники не было.

Он достал телефон, в который раз позвонил Сене, Сеня не ответил.

Подъехало такси, из машины вышла Татьяна, помогла выбраться женщине с черным шарфом на голове. Следом выбрался пожилой мужчина, обнял женщину.

Родители.

Татьяна чуть отстала от родителей, Федор оказался рядом, тронул за рукав. Это было вместо здравствуйте.

Она посмотрела на него почему-то с благодарностью, и потом Федор от нее почти не отходил. Не специально, просто так получалось.

Ника появилась одной из последних, за пару минут до того, как женщина в черном костюме открыла двери морга. Ника одиноко стояла с букетом темных роз, и Федору вдруг стало спокойно от ее появления. Насколько вообще может быть спокойно у дверей морга.

Наверное, он все-таки втайне допускал, что ее тоже могут найти мертвой.

Он бы подошел к Нике, не потому что ему очень этого хотелось, а просто потому что они единственные были здесь совершенно чужими, но Татьяна все время искала его глазами, и он оставался рядом с ней.

Лизина сестра даже на поминках усадила его рядом. Впрочем, на поминках Ники уже не было.

– Таня, что стоит в заключении о смерти? – выбрав момент, тихо спросил Федор.

Она ответила так же тихо, шепотом. Лиза умерла от того же снотворного, что и Саша. Федор в этом не сомневался.

– Ей сейчас хорошо, как ты думаешь? – прошептала она через несколько минут.

– Да, – кивнул неверующий Федор.

Лизе было плохо без Саши.

– Ей бы еще жить и жить!

– Она прожила счастливую жизнь, – не согласился Федор. – Короткую, но счастливую.

– Да что она видела-то в этой жизни? Только училась да работала.

– Лиза была счастливой, – уперся он.

– В жизни ничего не угадаешь. – Татьяна потянулась к рюмке, выпила без тоста. – Мы были против ее замужества. Я вот замуж вышла, как положено, когда институт окончила. И детей у меня двое, а счастья нет. Я своего бездельника в прошлом году выгнала.

– Таня, давай встретимся на днях. Хочу в похоронах деньгами поучаствовать. Хотя бы тысяч двести тебе передам, – прикинул Федор и пожалел, что не догадался заранее снять наличные.

– Не надо, – отмахнулась она. – Мы обошлись.

– Деньги я тебе передам! – поморщился он, подумал и посоветовал: – Обязательно сходи к нотариусу. Вам нужно оформить квартиру на себя.

– Но это не наша квартира! – удивилась Татьяна. – Это квартира Сашиных родителей.

– Теперь ваша. Наша семья не имеет к ней никакого отношения. Тетя Вера купила ее сама, это не наследство предков. Сходи к нотариусу, не тяни. У тебя двое детей, тебе их поднимать надо.

Слышала бы этот разговор Настя! Решила бы, что они оба притворяются, и Татьяна, и Федор.

Странно, что он так долго казался себе счастливым с Настей. Сейчас, пожалуй, он не смог бы ее даже обнять. Сейчас Настя казалась не только чужой, но и просто неприятной.

Он бы не поверил, что любовь может пройти в одно мгновение.

Домой Федор попал уже вечером. Опять позвонил Сене, послушал гудки и набрал Надежду Ивановну. К телефону подошла домработница, и Федор быстро сказал:

– Ира, позвоните мне, как только сможете! Это очень важно.

Вызывать ее на улицу не рискнул, Ирина хозяйка отличалась большой проницательностью, незачем волновать старушку раньше времени.

Ира перезвонила только часа через полтора, судя по шуму в трубке и ее сбивчивому дыханию, она шла по улице.

– Я второй день звоню Сене и не могу дозвониться. Вы не знаете, где он может быть?

– Ездит иногда к друзьям на дачу, – сразу ответила женщина. – Сеня не любит, когда его дергают в выходные.

– Он предупреждал, что уедет в эти выходные?

– Нет, но это ничего не значит. У нас правило в выходные ему не звонить.

– Ира, а теперь подумайте и скажите мне, у него с Варей было... Он дружил с Варей?

Она не спросила, кто такая Варя. Она знала.

– Сеня о сердечных делах никому не докладывал, – осторожно сказала Ира. Чувствовалось, что Сеня ей дорог, она была к нему привязана. У Федора парень особой симпатии не вызывал.

– Ира!

– Я видела их однажды, – неохотно призналась она. Понимала, что лучше говорить правду, неприятности у парня могли появиться огромные. – Я приехала к Александру Павловичу за рецептом для Надежды Ивановны, подходила к кабинету и видела, что Варя садилась к Сене в машину. Они меня не заметили, машина поехала в другую сторону. Я ему даже хотела сказать, чтобы не приставал к девочке.

– Почему? – не понял Федор. – Варя молодая, незамужняя.

– Ему нужна девушка его круга!

Федор не стал спорить. Вообще-то, Варя ничто не мешало окончить институт и стать преуспевающим врачом. Интересно, тогда бы она оказалась достойной Сени?

Едва ли, врачи у нас относятся к беднейшим слоям населения и за редким исключением уважения не вызывают.

Исключением был Саша.

– У меня еще одна просьба. Пришлите мне, пожалуйста, фотографию Сени. Любую. У вас есть? – Она давно работает в этой семье, фотки должны быть.

– Зачем? – напряглась Ира.

Вообще-то, обойтись можно было и без фотографии, и так ясно, что маленький Вася видел, как Варю провожал родственник Надежды Ивановны. Едва ли кто-то другой брал его машину.

– Нужно! Да, и еще. У него серебристый «Шевроле»? – Федор назвал номер.

– Да, – неохотно подтвердила домработница. – Послушайте...

– Ира, я не сделаю ему ничего плохого. Мне просто нужно разобраться. Я потом все вам расскажу.

– Сеня не имеет отношения к убийствам!

– Я тоже в этом уверен, – успокоил Федор. – Кстати, за каким рецептом вы приходили?

Она ответила, Федор попрощался.

Доступ к медицинскому препарату, который отпускается строго по рецептам, у юного честолобивого Сени был. Это снотворное выписывали его тетке. А если называть родство правильно, двоюродной бабушке.

Неожиданно Федор поймал себя на мысли, что ему хочется позвонить Нике. Просто так позвонить и услышать ее голос. Ему стало пусто, когда на поминках он ее не увидел. Впрочем, это можно объяснить выпитым.

Повод для звонка был, рассказать про племянника Сенью, но поводом Федор не воспользовался, посмотрел электронную почту и потушил свет.

На этих похоронах знакомых не было совсем, не считая Федора, но Федор Нику едва заметил. Ника стояла между двумя группками, прижимала к себе колючие розы и незаметно оказалась рядом с такой же одинокой женщиной. Женщине было лет пятьдесят, а может, больше, она держала в руках похожие розы и изредка вытирала слезы.

А Ника заплакать не смогла, и никто не знал, что сейчас хоронят ее очень близкого человека. Вернее, человека, который мог стать очень близким, но не успел.

– Вы учились с Лизой? – тихо спросила у Ники женщина.

– Нет, – покачала головой Ника. – Мой муж дружил с Сашей.

– А я Сашеньку всю жизнь знала, – женщина опять вытерла слезы. – Я соседка. Он на моих глазах рос. Такой хороший мальчик был.

– Хороший, – согласилась Ника. – И Лиза очень хорошая. Была.

– Какая несчастная семья! Верочка, Сашина мама, чудесная была женщина, а угасла, сына не вырастила.

– У Саши все хорошо сложилось.

– Хорошо. – Женщина постаралась отвернуться от ветра, Ника тоже. – Только умирать в тридцать лет плохо.

Потом они так и держались вместе, Ника и женщина-соседка. Положили на мертвую Лизу розы, тронули рукой гроб и после окончания траурной процедуры медленно пошли к метро.

– Я ведь Лизочку видела, наверное, одной из последних, – рассказывала соседка. – Выходила вечером из подъезда, а она на такси подъехала. Бледная. За перила рукой держалась. Нужно было ей «Скорую» вызвать, а я не сообразила.

– Вы же не могли знать...

– Надо было вызвать «Скорую», я видела, что ей плохо, – сокрушалась женщина. – Я еще у нее спросила: «Лиза, тебе нехорошо?» А она только головой покачала. Ничего, говорит, устала просто.

Колючий снег перестал бить в лицо, выглянуло солнце, через несколько секунд опять скрылось.

– А еще я, как дура, стала ей говорить, что питаться надо нормально, даже через силу. Она еле живая стояла, а я ее жизни учила...

– Вы не заметили, она одна на такси приехала? – Ника придержала тяжелую дверь метро, пропустила женщину.

– Не заметила. – Соседка помолчала, спускаясь по ступеням, прошла через рамку металлоискателя, подождала Нику. – Одна, наверное, никто ее не провожал. Я ей говорила, что надо кушать через силу, а она мне ответила, что только что из кафе. Из «Сиреновой груши» какой-то. Улыбнулась даже. Господи! А через сутки меня понятой позвали...

– Из какой «Сиреновой груши»? – остановилась Ника.

– Не знаю. Я в кафе последний раз была даже не помню когда.

– А полиции вы это рассказали?

– Конечно.

Они спустились на платформу, Ника подождала, когда приедет поезд соседки, помахала женщине рукой. А спросить, как ее зовут, не догадалась. Не умеет она правильно вести себя с людьми, не зря мама всегда ей за это выговаривает.

Какие-то ассоциации название «Сиреневая груша» вызывало. Ника хмурилась, но поймать воспоминание не удавалось. Она, как и Лизина соседка, в кафе и рестораны заходила редко, разве что встречаясь с подружками, и, как правило, в «Шоколадницу». Еще, конечно, знала парочку известных сетевых заведений общепита, но все они с грушами не имели ничего общего.

Она почти дошла до дома, но решительно развернулась, направилась в ближайший супермаркет и купила бутылку водки. Крепких напитков Ника терпеть не могла, но дома достала из коробки рюмку и налила себе исконного русского напитка.

Рюмки подарила подружка Люба, когда Ника переехала в эту квартиру. Ника подружке завидовала. Люба была не счастливее Ники, замуж до сих пор не вышла, и ничего похожего даже не предвиделось, к тому же трудилась подружка в какой-то полугосударственной конторе и получала копейки даже по сравнению с Никой. Только почему-то всегда лучилась радостью, никогда не унывала и в будущее смотрела с большой надеждой.

Нике бы так.

Когда подружка приехала посмотреть на новое Никино жилье, они пили из этих рюмок красное французское вино. Вино тоже привезла Люба.

На следующий день Ника сложила рюмки опять в коробку и больше до

сегодняшнего дня не доставала.

Ника подошла с рюмкой к окну, отпила водку, не поморщившись, и тихо сказала:

– Ты меня прости, Лиза.

За что Лиза должна ее прощать, она сформулировать не смогла бы. Ничего плохого она Лизе не сделала. Правда, и хорошего ничего не сделала.

Ника оттолкнула Лизу, когда та пыталась быть с ней рядом, и от этого упустила что-то очень важное.

Ника открыла ноутбук, поставила рядом почти полную рюмку и долго искала кафе под названием «Сиреневая груша». Не нашла.

Позвонила мама, Ника рассказала про похороны, спросила у мамы про злополучное кафе. Мама тоже о таком не слышала.

Ника положила трубку и поймала себя на мысли, что ко всему прочему мучает ее нечто совершенно недостойное. Ей было неприятно видеть, как Федор не отходил от Лизиной сестры. О том, что женщина рядом с ним Лизина сестра, она узнала из разговоров вокруг.

Ей хотелось, чтобы Федор не отходил от нее, и она ничего не могла поделать с этим неуместным желанием. Еще вспоминались его ладони с жесткими мозолями и то, как он обнимал незнакомую девушку, и становилось совсем тоскливо.

Ника захлопнула ноутбук, но тут вспомнила о флешке Кирилла, которую сунула в карман, когда увозила со съемной квартиры вещи бывшего мужа. Флешка продолжала лежать в кармане куртки. Ника вспоминала о флешке, только когда совала в карман руку, и тут же забывала, снимая дома куртку.

Она немного колебалась, решая, не выбросить ли флешку сразу, но все-таки сунула в разъем ноутбука. Если на флешке фотографии Кирилла, нужно отвезти ее Елене Сергеевне.

На флешке оказались четыре видеофайла. Ника просмотрела их несколько раз.

Данила в каком-то ресторане передает дядьке в темно-сером костюме сверток, очень напоминающий завернутые в бумагу деньги. Момент передачи Кирилл, или кто-то другой, кто фиксировал явно коррупционное деяние, снимал, приблизившись к растениям, отделявшим столики друг от друга. В кадре мелькали крупные листья.

Ника в который раз просмотрела видео. Данила с мужчиной за столом. Передача денег. Мужчина уходит из ресторана. Потом уходит Данила.

Теперь понятно, почему школьный приятель Кирилла интересовался

компом убитого друга. Не зря она заметила это, когда они с Данилой забирали вещи Кирилла из съемной квартиры. Выходит, она отличный психолог.

Шантажировать Данилу Кирилл, скорее всего, не стал бы. Шантаж – дело опасное для обеих сторон, а отказать себе в удовольствии подразнить приятеля просто не мог. Ника не слишком хорошо знала бывшего мужа, но в том, что с Данилой все могло быть именно так, не сомневалась.

Неожиданно Нике стало страшно, она даже схватилась руками за щеки. Она могла до сих пор жить с Кириллом и считать себя счастливой. И это было бы гораздо страшнее того страдания, которое она пережила после их разрыва.

Правильно говорят – что бог ни делает, все к лучшему.

Флешку смело можно было выбросить, но Ника по профессиональной привычке сунула ее в ящик стола.

6 марта, понедельник

Мать позвонила в половине десятого, Данила едва успел отпереть кабинет. Опоздал он потому, что ехать по городу было совершенно невозможно. Ночью прошел ледяной дождь, дороги превратились в каток, и такого количества мелких аварий, как этим утром, Данила никогда не видел.

Пешеходам было не легче, сегодня хирурги-травматологи не заскучают.

– Я тебе перезвоню через минуту, – сказал Данила, снимая куртку.

Разговаривать с матерью не хотелось до смерти, но уйти от разговора он не мог.

Секретарша положила на стол пачку бумаг, Данила взглянул на верхнюю, отвернулся и набрал Улю.

– Сегодня никакого питомника! – твердо объявил он жене. – Не дорога, а ад.

– Но...

– Никаких но! – рявкнул Данила. У него было так много своих почти непереносимых неприятностей, не хватало беспокоиться еще и об Уле.

Впрочем, он не хотел бояться за нее и без собственных проблем.

– Ладно, Данечка, – покорно согласилась Уля. Ей нравилось, что он о ней заботится. Данила почти услышал в голосе жены мурлыканье.

Ей нравилось, когда он о ней заботился, и не нравилось, когда он заботился о других. О родителях, например. Данила давно это понял, навещать родителей начал как можно реже, а звонить предпочитал, когда Уля не слышит.

Родители его понимали, и ненужных обид не возникало. Еще он догадывался, что они его не только понимают, но и жалеют, а вот это здорово раздражало. Ему было хорошо с Улей, и хотелось, чтобы все об этом знали.

– Я тебя очень люблю, – сказал Данила. Сказал и потому, что действительно очень ее любил, и потому что знал, это ей тоже понравится.

– Я тебя тоже, Данечка.

Уехать бы с Улей куда-нибудь на море. Где ни ледяных дождей, ни ледяного ветра, ни страшной опасности, которая никак не хотела отступить. Ходить вдоль берега под утренним нежарким солнцем, а потом, в самую жару, валяться в гостиничном номере. А вечером есть в ресторане что-

нибудь экзотическое, пить вино и мечтать о простом черном московском хлебе.

Данила покрутил телефон и обреченно выбрал из электронного телефонного списка контакт «мама».

– Мам, я взял у Сашки рецепт и купил тебе снотворное. Это было в начале февраля.

Ей было страшно слышать, что он сейчас говорил, но Данила ничем помочь ей не мог.

Мать молчала, ждала. Данила вздохнул и продолжил.

– Я его потерял. Правда, мам. В это трудно поверить, но это правда. Купил в аптеке вместе с другими лекарствами и забыл пакет в такси.

Ему было бы легче, если бы она заговорила.

– Пожалуйста, скажи полиции, что ты снотворное выпила.

– Ты думаешь, до этого дойдет? – Она говорила совершенно спокойно. Ему повезло с матерью. Очень повезло.

– Надеюсь, что нет.

– Когда ты к нам приедешь?

– Как только смогу вырваться. Очень много работы.

Он обязательно приедет и скажет ей, что она лучшая мать на свете. Потом. Когда все закончится.

Данила потянулся к бумагам и заставил себя отключиться от всего лишнего. Безруковой он решил позвонить вечером, чтобы она опять не испортила ему рабочий день, но бывшая подруга опередила, позвонила сразу после обеда.

– Ты нашла образцы продукции? – спросил Данила.

– Да. – Она нервничала, Данила ей посочувствовал.

– Сейчас продиктую тебе телефон, скажешь, что от меня. Сергей Афанасьев. Он обещал провести экспертизу. Да, за экспертизу придется заплатить.

– Конечно. Данила, давай съездим вместе, – взмолилась Безрукова. – Очень тебя прошу!

– Маша, мне правда некогда, – с тоской сказал он. Дурацкий у него характер, не мог оборвать жалобный голос.

– Данила! Пожалуйста. Помоги мне!

– Ладно, – сдался Данила. Ее муж может очень ему пригодиться, об этом тоже не стоило забывать.

Он позвонил Афанасьеву сам, договорился о встрече вечером в том же самом ресторане, перезвонил Безруковой и наконец смог опять заняться своими бумагами.

На встречу он опоздал. Как Машка смогла узнать Афанасьева, Данила не представлял, но когда он подошел, оба они сидели за столом и тихо переговаривались, как будто сами назначили себе здесь свидание. Забавно, но столик был тот же самый, где в субботу они с Улей ждали Афанасьева.

– Привет! – сказал Данила, подвигая себе стул. – Извините, опоздал. Пробки.

– Ничего страшного, – грустно улыбнулась Безрукова.

– Ничего, – кивнул Афанасьев.

Оказывается, заказ они уже сделали. Данила заказал мясо и взял принесенную официантом булочку. Есть хотелось сильно.

– Образцы я у Маши взял, – доложил Афанасьев. – Будет готово, позвоню. Это займет дня три-четыре.

– Про «Фармлит» ничего не узнал? – поинтересовался Данила.

– Пока нет.

– Сережа, – Безрукова тронула Афанасьева за руку. – Я в очень трудном положении. Помогите нам.

Афанасьев обеими руками взял тонкие пальцы, поцеловал. Наверное, это означало, что он сделает все, что в его силах. Смотрел он при этом на Безрукову с веселым недоумением, ситуация его забавляла. Он не дурак, Сергей Афанасьев, которого Кирилл обошел на карьерной лестнице.

Кирилл едва ли был умнее. Впрочем, Данила давно уже знал, что вверх поднимаются не самые умные, а самые пронырливые.

Афанасьев расплатился, поднялся первым.

– Я его вспомнила, – сказала Безрукова, глядя Афанасьеву вслед. – Видела когда-то у Кирилла.

Данила молча дожевал мясо.

– Счастливое было время.

– А сейчас ты несчастна? – Зря он к ней цепляется. Просто когда-то Безрукова ему очень не нравилась.

– Не знаю, – серьезно ответила она. – Тогда жизнь была впереди.

– Сейчас она тоже впереди.

– Это для тебя, – мягко улыбнулась Безрукова. – А бабий век короток.

– Ну не до такой же степени! Родити детишек, не останется времени тосковать.

– Муж не хочет детей, – серьезно сказала она. – У него уже есть дети.

Странно, но играть несчастненькую у Машки получалось хорошо. Данила бы ей посочувствовал, если бы не помнил, как она издевалась над ним, когда он кормил бездомную собаку.

Безрукова сильно изменилась. Сейчас он бы поверил, что сидевшая

напротив женщина родилась с золотой ложкой во рту и самой большой неприятностью в жизни для нее было застрять где-нибудь в пробке. Только она отлично умеет за себя постоять. Какого черта он ей помогает?

Люди меняются со временем, иногда становятся добрее, иногда злее, но никогда не превращаются в свою противоположность. Сейчас они с Безруковой компаньоны, но поворачиваться спиной лишний раз к ней не стоит. Можно получить сильный удар.

К вечеру потеплело. Вместо жуткой гололедицы под ногами хлюпала вода, и наконец-то появилось предчувствие скорой весны. Домой Данила опять приехал поздно и, обнимая Улю, пожалел, что день провел не с ней, а в надоевшей и ненужной суете.

Мысль, что опасность не отступила, он постарался отогнать.

Утром телефон Сени оказался вне зоны доступа.

Парень куда-то уехал и забыл взять зарядку? Вообще-то, такое маловероятно, зарядку можно одолжить у любого знакомого, слава богу, электрические разъемы давно унифицированы.

О другом варианте думать не хотелось. Другой вариант был очень неприятный.

Звонить Надежде Ивановне раньше десяти Федор не решился. Черт ее знает, какой образ жизни старушка ведет, может просыпаться и к середине дня.

Федор включил радио, послушал про мироточение бюста несчастного последнего императора и радио выключил. От мироточения становилось совсем тоскливо, от этого веяло средневековьем, а в средневековье он не хотел.

В Израиль звонить было тем более рано, разница во времени не то час, не то два, но Федор позвонил. И правильно сделал, теперь он был уверен, что с папой будет все хорошо, потому что мама сразу спросила:

– Ты видел новый фильм о коррупции?

– Нет, – покался Федор.

– Федя! – Голос у мамы зазвенел. – Ну нельзя же вообще ничем не интересоваться!

Он действительно мало чем интересовался. В основном работой. А еще любил фантастику.

– Тебе все равно, чем живет твоя страна?

– Все равно, – не стал отрицать он.

Родители политикой интересовались, слушали какие-то оппозиционные радиостанции и с надеждой ждали политических перемен.

Насколько Федор представлял, такая же обстановка в стране была и сто лет назад, и кончилось это, по мнению одних, трагически, а по мнению других, очень славно, построением самого справедливого на планете общества.

Вообще-то, политической активностью отличалась мама, папа только посмеивался, слушая ее возмущение существующим режимом.

Самым же забавным было то, что голосовать родители не ходили. Каждый раз собирались, а потом что-то мешало, находились дела поважнее.

– Мам, я тебя люблю, – сказал Федор. Он редко такое говорил. Даже, кажется, никогда.

До десяти стрелка не доехала, но он не выдержал и снова потянулся к телефону.

Ответила Ира.

– Сеня не объявился? – с ходу спросил он.

– Нет, – неохотно ответила сиделка. – Но...

– Позови Надежду, – попросил Федор и запоздало вспомнил о вежливости. – Пожалуйста.

Хозяйка ответила через минуту.

– Это Федор, – представился он.

– Знаю уже, – ехидно хмыкнула старушка.

– Мне нужно срочно связаться с Сеней. А у него вторые сутки не отвечает телефон.

– Приезжай! – подумав с полминуты, заявила дама.

Федор зачем-то посмотрел на трубку, из которой слышались короткие гудки, вздохнул и послушно начал одеваться.

Добирался он долго, город стоял в немыслимой пробке. Думал, что старуха станет ему выговаривать, но разговор начался мирно. Надежда Ивановна сидела в любимом кресле, дождалась, когда он усядется напротив, и потребовала:

– Рассказывай!

– Сеня ухаживал за Варей, – вздохнул Федор. – За медсестрой Александра Павловича.

– Ошибаешься! – отрезала хозяйка и твердо сжала губы. – Это она за ним... ухаживала!

– Ну... вам виднее, – растерялся он.

– Конечно, мне виднее! Дальше!

– Да, пожалуй, это главное, – признался Федор. – Сеня ухаживал за Варей, и странно, что полиция до сих пор им не заинтересовалась.

На этот раз она его поправлять не стала, смирилась с тем, что ее

внучатый племянник ухаживал за медсестрой, которая никак не подходила ему по статусу.

– Его несколько раз видели у Вариного дома. Полиция обязательно на него выйдет, вы это понимаете?

Она понимала, потому что сосредоточенно думала.

– Кстати, откуда вы знаете, что ваш племянник и Варя... дружили? – удачно подобрал он подходящее слово.

– Это было нетрудно, – хмыкнула Надежда Ивановна. – Сенечка разговаривал с какой-то девушкой. Ну... по-особенному разговаривал. Конечно, я заглянула в его телефон! А номер медсестры у меня был, я же много раз записывалась к Александру Павловичу на прием.

– Мне нужна фотография Сени. – Ира фотографию так и не прислала.

– Зачем?

– Еще не знаю, – честно ответил Федор. – Может пригодиться. И постарайтесь связать меня с ним как можно скорее.

– Я чувствовала, что эта дружба до добра не доведет! – в сердцах бросила Надежда Ивановна.

До добра дружба пока не довела Варю, но возражать Федор поостерегся.

– Варя была хорошая девочка! – Он не сразу заметил, что Ира стоит в дверях. И не думал, что сиделка посмеет спорить с хозяйкой.

– Ну и что? – повернулась к ней хозяйка. – Хороших девочек много, а мой внучатый племянник один!

– Вы хотите, чтобы он женился на какой-нибудь... которая ему изменять будет?

– Ему еще рано жениться!

Обе переживали за парня всерьез, и Федору стало их жаль.

– Дайте мне, пожалуйста, фотографию, – пресек он спор. – И второй номер Сени. У него ведь есть вторая симка, правда?

Как оказалось, у Сени была не только вторая симка, но и второй телефон. Второй номер отключен пока не был, но тоже не отвечал. Ничем больше Надежда Ивановна помочь Федору не могла.

Ему было совестно, что он расстроил старуху и заставил нервничать. Федор постарался себя успокоить, напомнив, что характер у бабки стойкий, покрепче, чем у многих молодых.

До вечера было еще далеко, маленький Вася сейчас наверняка в школе. Федор спустился к машине, положил руки на руль, но трогаться с места передумал и достал телефон. Вчерашнего бессмысленного желания просто так услышать Нику больше не было, но ехать к Людмиле лучше с Никой.

Проснулась Ника рано и на работу пришла рано, но начальник Вадим был уже на месте. С Вадимом ей очень повезло, парень он был спокойный и честный, от дураков и бездельников сразу избавлялся, и их небольшой трудовой коллектив Нику вполне устраивал.

– Как дела? – мимоходом спросил Вадим, проходя мимо Ники.

– Нормально, – отчиталась Ника. – А у вас? Все прошло хорошо?

– Отлично. Бумаги подписали. – Вадим притормозил около ее стола, подумал. – Я тебе пару задачек сброшу, ты над ними помозгуй.

– Сбрасывай, – кивнула Ника.

С работой ей повезло не меньше, чем с начальником. Писать программы Ника любила, это было похоже на решение головоломок, которые она обожала в детстве. Иногда ее даже удивляло, что она получает деньги за удовольствие.

Работа отвлекла, Ника перестала мучиться и вспоминать, где она видела что-то очень напоминающее «Сиреневую грушу». Потом позвонила Ася, Ника отправилась поболтать с подружкой.

Рассказала про похороны, похвалила новое Асино платье. Подружка, в отличие от всех остальных Никиных знакомых, брюки носила редко, платье предпочитала длины миди, и, как это ни странно, выглядела в них очень современно. Ника тоже однажды купила похожее платье, покрутилась перед зеркалом и повесила навеки в шкаф. В такой одежде можно только в театр ходить, а в театр Нику никто не приглашал.

– Ты не знаешь кафе или ресторан «Сиреневая груша»? – спросила Ника, скосив глаза на окно. Сквозь серую мглу неожиданно проглянуло солнце, засветило прямо в глаза. Ника зажмурилась от удовольствия, но солнце тут же скрылось.

– Нет, – покачала головой Ася. – А где это?

– Сама хотела бы знать. – Солнце опять выглянуло, и Ника опять зажмурилась.

– Скорее бы уж весна. – Ася тоже покосилась на окно. – Сил никаких нет. Я до работы еле дошла, три раза упала.

– Жуть, – согласилась Ника. – Ночью вроде бы ледяной дождь был. Ты бы, когда так скользко, сапоги на каблучках не носила.

– А в чем же мне ходить? – обомлела Ася. – В платье и в ботинках со шнурками?

– В ботинках со шнурками и в брюках.

– Сама так ходи!

Ника хотела сказать, что именно так и делает, но говорить было лень.

Зазвонил внутренний телефон на Асином столе, Ника приоткрыла один глаз.

Подруга ответила в трубку:

– Да. Ладно. – И, вздохнув, посмотрела на Нику. – Вадим твой звонил. У тебя на столе мобильный надрывается.

Ника с сожалением поднялась, вернулась к своим компьютерам. Телефон, лежавший рядом с клавиатурой, больше не надрывался. Ника посмотрела на экран – четыре раза с ней пытался связаться Федор.

Видеть его не хотелось, слышать тоже. Неадекватно она на него реагирует, лучше совсем о нем забыть. Так будет гораздо спокойнее.

Ника в раздумье покрутила телефон, но тут он зазвонил снова, пришлось ответить.

– Привет, – сказал Федор. – Я добыл фотку Сени, хочу показать Васе. Знаешь, я подумал, при тебе Вася лучше разговорится. Вы с Людмилой уже вроде как подружки. Съездишь со мной?

– Съезжу, – ответила Ника. Едва ли от нее в предстоящем разговоре будет много толку, но поиск убийцы она считала и своим делом тоже.

Федор пообещал перезвонить, когда договорится с Людмилой, перезвонил через полчаса, а еще через два часа ждал ее около офисного шлагбаума.

– Пробки, – посетовал он, когда Ника уселась с ним рядом.

Он обрадовался неизвестно чему, увидев ее, а она даже не улыбнулась. Она откинула отороченный мехом капюшон, непокорные волосы упали на лицо, Ника отвела их пальцами.

– Ты знаешь кафе «Сиреневая груша»?

– Нет, – удивился он. Покрутил головой и осторожно тронул машину.

– Я вчера разговорила с одной женщиной, с Лизиной соседкой. Она видела Лизу в последний вечер. Наверное, она вообще видела Лизу последней. Лиза приехала на такси и сказала, что только что была в «Сиреневой груше». Очень плохо выглядела.

Федор промолчал, крепко сжав губы. На Нику при этом не посмотрел.

– Если приехала на такси, кафе не рядом с домом. – Это он произнес минут через пять, когда они остановились на светофоре.

– Я порылась в интернете, но такого кафе не нашла. И ресторана не нашла.

Он опять ничего не ответил, но Ника не обиделась, слушал он ее внимательно. То есть это ей показалось, что слушает Федор внимательно, потому что смотрел он не на нее, а на дорогу.

Навигатором он не пользовался и ехал как-то странно, сворачивал,

казалось, где не нужно, протискивался между домами, а к дому Людмилы вообще подъехал с другой стороны. Ника даже не сразу поняла, что они уже на месте.

– Федор, – задержала она его, когда он потянулся отстегнуть ремень. – Лиза мне рассказывала, что они с Людой нашли место, где обнаружили Варю. Это где-то недалеко отсюда в лесопарке. Варя договорилась с Лизой, что к ней приедет, но не приехала...

На этот раз Федор на нее посмотрел и кивнул.

Разговорчивым его назвать трудно. Впрочем, возможно, это только с ней его не тянет разговаривать. Девушка, которую он обнимал около такси, скорее всего, слова из него не вытаскивает.

На улице заметно потеплело. Редкий пушистый снег медленно ложился на асфальт, как перед Новым годом.

Федор набрал на домофоне номер Людиной квартиры, посторонился, пропуская Нику. Ника, не оглядываясь, начала подниматься по лестнице.

Люда обрадовалась им, как старым знакомым, а с Никой даже поцеловалась, чем очень Федора удивила. Он не целовался ни с кем, кроме своих немногих девушек.

Вася крутился рядом и тоже им улыбался, и Сеню опознал сразу.

– Ты уверен? – на всякий случай уточнил Федор, наклоняясь к мальчику.

– Уверен, – кивнул ребенок. Подумал и добавил: – У него куртка такая... синяя с красными полосочками.

Для наглядности Вася провел по плечу пальцем, чтобы показать, где проходит на синем фоне красная полоса.

Федор не помнил, какая у Сени куртка. Впрочем, он, кажется, не видел его в верхней одежде. В зал ресторана парень вошел без куртки и ушел первым.

Люда предложила ужин, Федор и Ника дружно отказались. Они так и продолжали стоять в тесной прихожей.

– Люда... – наконец осторожно начала Ника, косясь на мальчишку.

– Вася, иди к себе! – строго приказала мать, догадавшись, что ребенка лучше удалить.

– Лиза мне рассказывала, что вы нашли место, где обнаружили Варю, – очень тихо сказала Ника, когда Вася закрыл за собой дверь в комнату.

– Да. Мы с таджиками поговорили. С дворниками... – Люда тоже заговорила очень тихо. Рассказала, как шли с Лизой вдоль лесопарка. Как

наткнулись на мужчин в оранжевых куртках.

– Сможешь на карте место показать? – спросил Федор.

– Смогу, – уверенно кивнула Людмила, покрутила в руках его телефон с картой Гугл на экране и уверенно ткнула ногтем в стороне от желтой полосы. Полоса изображала дорогу. – А дворники были здесь. – Она чуть-чуть подвинула ноготь.

Федор когда-то читал, что женщины плохо ориентируются в пространстве. Не всегда нужно верить прочитанному.

– Позвоните, если что-то выяснится, – попросила Людмила на прощание, и Федор, и Ника дружно заверили, что непременно позвонят.

С Людмилой Ника улыбалась, а с ним опять сделалась строгой и неприступной, как будто находиться с ним рядом было для нее скучнейшим занятием. Глупо, но от этого заметно портилось настроение. Впрочем, оно и без того не было радужным.

У него убили брата. И Лизу, на которой он готов был жениться.

Федор медленно проехал вдоль Людмилиного дома, свернул за угол, остановил машину, достал телефон и поводил пальцем, перемещая карту.

– Если он ехал из центра, скорее всего, стоял здесь, – наконец решил Федор.

– Да, – кивнула Ника. – Во двор он не въезжал. Во дворе его Вася увидел бы.

Федор положил руки на руль, подержал и снова снял с руля.

– Убил он ее в машине.

– Да, – опять согласилась Ника. – Зимой в парке людей немного, но они есть. С собаками гуляют. С детьми.

– Еще пришлось бы объяснять, зачем они направляются к лесу. Тем более если Варя спешила к Лизе. Он не мог допустить, чтобы она убежала или закричала. – Федор опять поводил пальцем по экрану телефона, перемещая карту. – Убить в машине тоже проблема. Мимо все время кто-то ходит или едет.

– Он ее задушил.

– Знаю. Лиза говорила. Если в машине задние стекла затенены, убить проще. Посадил на заднее сиденье под каким-нибудь предлогом, и все.

Федору хотелось наклониться к Нике и потрясти ее за плечо, чтобы она улыбнулась ему, как недавно улыбалась Людмиле и Васе.

Он этого не сделал, конечно. Положил руки на руль и наконец тронул машину, осторожно забирая влево, развернулся, потом повернул налево, потом еще раз налево и остановился около тротуара, отделяющего от дороги стену деревьев.

Дорога заняла двенадцать минут.

Двенадцать минут страха, и дальше убийца мог жить спокойно.

Федор вылез из машины, огляделся. Весело смеясь, мимо прошли две молодые мамочки с колясками, на Федора даже не взглянули. Толкаясь, пробежали подростки.

Вдалеке виднелась гуляющая пара, но времени вытащить из машины труп Федору хватило бы.

Он снова сел за руль, объехал квартал, развернулся и направился в сторону центра.

– Давай поужинаем, – предложил он, не глядя на Нику.

Вывески ресторанов справа шли одна за другой.

– Нет, – отказалась Ника. – Спасибо. Высади меня где-нибудь у метро.

Отказалась решительно, снова предлагать он не стал.

Федор совсем этого не ожидал. Ему казалось, что Ника понимает каждое слово, которое он говорит. Что она понимает даже те слова, которых он не произносит.

Так и было, когда они обсуждали действия убийцы.

Ему казалось, что это их сблизило, как редко кого сближает, но для нее эта близость ничего не значила.

Она умная женщина, она, наверное, многих понимает.

Метро было рядом, но он не остановился.

– Я довезу тебя до дома.

Она промолчала. Он не знал, что еще сказать.

– Пока, – когда машина остановилась, Ника кивнула на прощание, выбралась из машины, не оглядываясь, пошла к подъезду.

Федор посмотрел, как за ней закрылась дверь с облупившейся за зиму краской.

И опять без нее ему стало пусто, как на Лизиных похоронах. Ему хотелось посидеть где-нибудь, глядя на ее непослушные волосы, и знать, что она правильно поймет каждое его слово.

Жаль, что ей этого не хочется.

Ну и ладно. Переживем.

Дверь снова открылась, из нее показалась бульдожья морда, за бульдогом появилась хозяйка. Хозяйка была пожилая и очень полная. Собака тоже.

Федор выехал со двора, развернулся, попытался вспомнить, какие продукты есть дома, и решил, что в магазин заходить не нужно. В морозилке точно лежала непочатая пачка пельменей. О том, чтобы одному зайти в ресторан, он даже не подумал.

На собственные окна он посмотреть не догадался и, отперев дверь, устало привалился к стене в залитой светом прихожей.

– Соскучился? – улыбаясь, прильнула к нему Настя.

– Устал. – Он погладил ее по волосам, поцеловал в лоб. Совсем недавно он страдал, когда она уходила к мужу, а сейчас Настя вновь показалась ему совершенно чужой. – Муж в командировке?

– Приедет завтра вечером, – засмеялась она. – Здорово, правда?

– Здорово, – подтвердил Федор.

На него действительно навалилась тяжелая мутная усталость.

– Я тебя жду уже полчаса. Давай сходим куда-нибудь.

Она отстранилась, давая ему раздеться, он старался на нее не смотреть. Что-то отвратительное было в том, что у чужой женщины были ключи от его квартиры, а приходила она сюда только для того, чтобы с удовольствием провести время.

Что-то сильно в нем изменилось, если и Настю, и их отношения он воспринимает совершенно по-другому.

– Ты же этого боишься. – Федор повесил куртку, переобулся.

Он несколько раз звал ее в рестораны, но Настя всегда решительно отказывалась. «Ты обо мне совсем не думаешь, – обижалась она. – Это опасно. Я могу встретить знакомых».

– Нельзя бояться всю жизнь, – сегодня отчего-то ей было очень весело.

Настя посмотрела на себя в висевшее рядом зеркало, поправила безупречную прядь, провела пальцем по губам.

У нее было лицо фотомодели. Очень красивое и никакое.

Как у куклы.

– Настя, ты меня прости, – неожиданно сказал Федор. – Я... Мы не будем больше встречаться.

– Что? – удивилась она.

Сначала посмотрела на него в зеркало, потом повернулась и посмотрела в упор.

– Что?

– Мы не будем больше встречаться.

– Почему? – Она еще не верила в то, что слышит.

Им было очень хорошо в постели, и она это знала.

Федор вздохнул и промолчал.

Он не мог объяснить почему. Наверное, потому, что кроме постели их ничто не связывало. Потому что ему было тяжело и неприятно с ней разговаривать.

– У тебя другая баба? – Глаза у нее сузились, губы тоже.

Такой Федор ее видел только два раза. Однажды, когда какой-то кретин поцарапал ей машину, а во второй раз Федор уже не помнил почему. Он тогда долго ее успокаивал, уговаривал и очень радовался, когда она наконец превращалась в его Настю.

Сейчас она не была красивой, и от этого Федор ее пожалел.

– У меня нет другой бабы.

Она была сильной женщиной, он не смог этого не оценить. Настя провела ладонями по лицу, снова стала красивой, спокойно накинута на плечи шубку, тронула пальцем ключи от квартиры, которые бросила на тумбочку, отперев дверь, и подвинула их поближе к Федору.

– Ты об этом пожалеешь, – улыбнулась она.

Угрозы в ее голосе не было, просто констатация факта.

Федор запер за ней дверь, подошел к окну, с тоской понаблюдал, как Настя садится в свою машину. Сегодня она не побоялась оставить машину у его подъезда.

Ему было жаль Настю, жаль себя и почему-то очень жаль Настиного мужа, которого он ни разу не видел.

Всех троих было бы жаль еще больше, если бы она сейчас у него осталась.

Есть расхотелось. Федор заварил крепкого чаю, выпил его и лег спать.

7 марта, вторник

От вчерашней мглы не осталось никакого следа. В окно било солнце, Данила даже задернул занавеску.

– Как хорошо, что завтра выходной! – обняла его сзади Уля. – Мы почти не видимся. Я скучаю.

– Я тоже. – Он повернулся и крепко прижал ее к себе.

– У тебя неприятности? – Зря он считает жену глупенькой, она очень наблюдательна.

– Да, – не стал отрицать Данила.

– Я чувствовала, что ты какой-то... напряженный в последние дни. Дан!

– Все будет хорошо, – оборвал ее Данила. – Ни о чем не спрашивай! Просто верь, что все будет хорошо.

– Это связано с убийством Кирилла? – Она отодвинулась от него, заглянула в глаза.

– Уля, я прошу тебя об этом не говорить. Потерпи! Потом я все тебе расскажу.

– Дан, тебе угрожает опасность? – Она спросила это совершенно серьезно.

– Нет, – соврал он.

– Я, как представляю, что ты мог умереть вместе с Кириллом и Сашей, мне плохо делается. – Уля чмокнула его в щеку, занялась завтраком. – У меня сердце начинает болеть.

Она поставила перед ним тарелку с яичницей, напомнила:

– Завтра нужно обязательно поздравить Елену Сергеевну.

– Поздравлю, – пообещал Данила.

Умница у него жена, больше она к опасным темам не приближалась.

На улице была настоящая весна. От сваленных на газоны сугробов по тротуару тянулись влажные полосы, в которых отражались солнечные блики. Где-то расчирились воробьи, Данила оглядел двор, но воробьев не увидел.

Жаль, если снова вернутся холода.

До работы он доехал быстро и многое успел за полдня, заставив себя выбросить из головы все лишнее.

Звонили ему непрерывно, и, когда раздался звонок от Афанасьева, Данила не сразу вспомнил, кто это такой.

– Продукция наша, сертифицированная, – доложил Афанасьев. – Успокой Машу, все в порядке.

– А насчет фирмы узнал что-нибудь? – просил Данила.

– Узнал. С фирмой тоже все в порядке. Могу дать телефон директора. В смысле, бывшего директора. Он у нас работает. Ему предложили побыть директором, он и согласился. Сам знаешь, как это бывает. Фирму ликвидировали еще до того, как менты начали у нас копать. И знаешь, кто директора предупредил, что фабрику скоро начнут трясти?

– Кирилл? – предположил Данила.

– Точно! – Афанасьеву отчего-то было очень весело.

Данила ему позавидовал. Ему давно уже не было весело.

Безруковой он позвонил сразу, чтобы поскорее со всем этим покончить.

– Все в порядке, Маша, – успокоил он. – Продукция чистая, и фирма «Фармлит» чистая. Фирму ликвидировали еще до того, как в фирме Кирилла были вскрыты хищения. Кстати, директора «Фармлита» о том, что на фабрике будут проверки, предупредил Кирилл.

– Зачем? – спросила Безрукова.

– Что – зачем? – не понял Данила.

– Зачем Кирилл предупредил директора?

– Ну... – растерялся он. – Наверное, у них были хорошие отношения. Понимаешь, когда менты кого-то трясут, попасть под раздачу проще простого. Даже когда все бумаги в порядке. Отмыться потом тяжело бывает.

Кирилл директору информацию продал, Данила не сомневался. Он хорошо знал покойного друга.

Впрочем, его это не касалось.

– Он это сделал, чтобы не подвести меня!

Это тоже возможно, возражать Данила не стал.

– Откуда Кирилл знал, что фабрику начнут трясти? – помолчав, спросила Безрукова.

– Трудно сказать. Наверное, менты не сразу нагрянули. Может, какие-то предварительные разговоры были, – предположил Данила.

Машка снова помолчала, что-то обдумывая, и наконец сказала:

– Я тебе очень благодарна, Данила. У тебя ведь строительная фирма, да?

– Да, – подтвердил он.

– Если тебе нужна будет помощь моего мужа, ты ее получишь.

– Спасибо, Маша.

Он не зря тратил на нее время.

Данила подошел к окну кабинета, оглядел залитую солнцем улицу. Он должен был радоваться, а чувствовал непомерную усталость.

«Все обойдется, – успокоил себя Данила. – Нужно только еще немного потерпеть».

Нике показалось, что она проснулась среди ночи. Она лежала, боясь спугнуть неясное воспоминание, протянула руку к будильнику и увидела, что уже утро. Половина седьмого.

Воспоминание не пропадало, переходило в уверенность. Она видела сиреневую грушу на какой-то вывеске, когда шла от метро к Лизиному дому.

Или просто она так напряженно думает об этой самой груше, что уже мерещится то, чего и в помине нет?

Ника вылезла из-под одеяла, сварила кофе, выпила и, вернувшись в комнату, медленно и спокойно выполнила любимый комплекс гимнастики цигун. То есть комплекс был любимым раньше, когда она любила Кирилла и думала, что он любит ее.

Ника тогда чего только не перепробовала. Сначала ходила в качалку, потом на йогу. А потом подруга подарила ей диск с упражнениями цигун, и Ника поняла, что ничего другого ей не нужно. Удовольствие от медленных движений было непередаваемым. Ника пыталась научить этому Кирилла, но муж решительно отмахивался.

Ехать надо часам к десяти, не раньше, решила Ника, медленно разводя и сводя руки. Если это действительно кафе, раньше они не откроются.

Ждать было тяжело, но она терпеливо дотянула до половины десятого, вместе с толпой проехала в метро и, замирая, пошла к Лизиному дому. Вывеску она нашла не сразу. Вывеска терялась среди множества других, к тому же не смотрела прямо на переулок, а выглядывала из подворотни.

Кафе так и называлось – «Кафе», а украшено было почему-то ярко-сиреневыми грушами. Ника зашла внутрь, посетителей еще не было, девушка за стойкой широко ей улыбнулась. Ника тоже улыбнулась и быстро вышла.

Федора она набирала, замирая от нетерпения и боясь, что он не ответит, но он ответил сразу.

– Как хорошо, что ты позвонила! – не здороваясь, сказал он.

– Почему хорошо? – не поняла Ника.

– Так, – не стал он объяснять. – Просто хорошо.

Ничего особенного Федор не сказал, но Нике сделалось весело.

– Я хотел тебя услышать.

У нее отчего-то запылали щеки, и Ника провела по ним свободной от телефона рукой.

– Сбрось мне фотографию Лизы, – попросила Ника. – Любую. У тебя же наверняка есть.

– Зачем?

В кафе зашел мужчина лет пятидесяти, Ника проводила его взглядом.

– Потом расскажу. Пришли фотку, мне очень нужно.

– Поисками убийцы мы будем заниматься вместе! – отрезал он.

Ника знала, что он именно так и скажет, но упрямо повторила:

– Пришли фотографию.

Она старалась не улыбаться, но все равно улыбалась.

– Ты точно ничего не затеяла?

– Точно, – заверила она.

Щеки продолжали гореть, Ника прижала холодный телефон сначала к одной, потом к другой.

Фотография пришла через минуту, на ней Лиза и Саша сидели рядом за столом. Ника увеличила Лизино лицо на экране и снова открыла дверь кафе. Мужчина-посетитель за дальним столиком пил кофе, уставившись в экран ноутбука.

– Кофе? – предложила девушка за стойкой.

– Чай, – попросила Ника. – Простой, черный. Без добавок.

Мужчина захлопнул ноутбук, вышел.

– Извините, вы работали двадцать восьмого февраля? – решила Ника, обернувшись на закрывшуюся дверь.

– Не помню, – повернулась к ней девушка. Она сразу перестала улыбаться. На груди у нее был приколот бейджик с надписью «Юлия». – А что?

– Вспомните, пожалуйста, – заискивающе попросила Ника и повернула к Юлии фото Лизы. – Вы видели эту девушку?

– Лизу?

– Вы ее знаете? Я ее подруга, – торопливо объяснила Ника. – Она была у вас вечером двадцать восьмого?

– Не помню, – нахмурилась девушка и, не глядя на Нику, поставила перед ней чашку с дымящимся чаем.

– Лиза умерла, – сказала Ника.

– Что?! – повернулась к ней Юлия. Девушка была потрясена, никаких сомнений.

– Она умерла в ночь на первое марта. Ее отравили.

Юлия отвернулась, принялась что-то переставлять на прилавке.

Ничего не вышло из ее расследования. Надо было все рассказать Федору, он бы смог разговорить Юлю.

Ника взяла чашку, села с ней в угол, где недавно пил кофе мужчина с ноутбуком.

Юля подошла минуты через две, подвинула стул, села рядом.

– Лизу отравили снотворным, – вздохнула Ника. Про снотворное сказала специально, чтобы девушка не волновалась, что кто-то решил, будто у них в кафе можно отравиться.

– Она заходила двадцать восьмого, – кивнула Юля. – Я помню, потому что в тот день мой парень из командировки приехал. Я все время на часы смотрела, не могла дожидаться, когда смена закончится.

– Она была одна?

– С мужчиной. С незнакомым. Лиза с Сашей раньше часто к нам заходили, а в последнее время не появлялись.

– А откуда ты их знаешь? – поинтересовалась Ника.

– Так они постоянные клиенты, – удивилась Юля. – Отсюда и знаю. Я сначала решила, что Лиза с этим... незнакомым Сашу ждут, но они кофе выпили и ушли. Еще, кажется, они салаты брали... Не помню точно.

– Они не могли ждать Сашу, – вздохнула Ника. – Потому что Саши уже не было в живых.

– Да ты что?! – ахнула Юля.

– Да, – кивнула Ника. – Сначала убили его, потом Лизу.

– А... кто?

– Знать бы... Опиши мужчину, – попросила Ника.

– Ну... Молодой. Лет тридцати, не больше. Обычный парень. И ведь, как назло, у нас в тот день камера не работала. Она две недели не работала, вчера только починили.

– Ушли они вместе?

– Вместе, кажется. Да, – вспомнила Юля, – ушли вместе и сели в такси. Точно. Я покурить выходила, видела.

Больше ничего полезного Ника вытянуть из девушки не смогла. Правда, догадалась оставить Юле свой телефон и попросила, чтобы девушка позвонила ей, если что-нибудь еще вспомнит.

В кафе зашла молодая пара с ребенком, Юля метнулась за стойку. Ника допила чай, вышла, опять набрала Федора. Теперь ей была необходима фотография Сени.

– Я перезвоню, – недовольно ответил он еще до того, как она заговорила.

Ответил и отключился.

Ей нужна была не только фотография. Ей очень хотелось, чтобы Федор опять обрадовался ее звонку.

Он не обрадовался, и настроение испортилось. Впрочем, плохое настроение для нее давно уже дело обычное. Ей не привыкать.

Ника зашла в метро и поехала на работу.

Сене Федор начал звонить сразу, как проснулся. Теперь вне зоны доступа были оба телефона. Он пытался чем-то себя занять, включил компьютер, хотел поработать, но ничего из этого не вышло, сосредоточиться на работе не получилось, и компьютер он выключил.

Когда мобильник зазвонил, Федору отчего-то сделалось совсем тревожно, а когда он увидел, что звонит Ника, наоборот, легко и спокойно. Чертовщина какая-то. Раньше он не ловил себя на резкой смене настроения.

«А ведь она могла не позвонить», – с тоской подумал он, посылая фото Лизы. Фотографии в телефонной памяти были, он быстро выбрал подходящую.

Ника могла ему не позвонить, через некоторое время он совсем о ней забыл бы, так и не узнав, что от ее голоса становится легко и спокойно.

Ника стала ему необходима, а он даже не понял, когда и как это произошло.

Это было совсем не то, что он испытывал к Насте. С Настей ему сразу же захотелось лечь в постель, и он делал все, чтобы это желание поскорее осуществилось.

Ника казалась окруженной глыбой льда, и ему почему-то стало очень нужно этот лед растопить.

Перед тем как к кому-то являться, следует звонить, но звонить Федор не стал, оделся и поехал к Надежде Ивановне.

– Надежда Ивановна встала? – спросил он Иру, когда та открыла дверь.

Домработница кивнула, посторонилась. Федор быстро разделся, повесил куртку и по-хозяйски направился в комнату.

– Не дозвонился? – спокойно спросила Надежда Ивановна. – Садись.

Федор боялся, что она разволнуется сверх меры, но ничего подобного не наблюдалось.

– Такое бывало, чтобы Сеня исчезал на несколько дней? – Он подвинул стул поближе к даме.

– Ну конечно, бывало, – поморщилась она.

Нет, он не прав. Женщина беспокоилась, просто держалась великолепно.

Надежда Ивановна вздохнула, протянула руку к переносной телефонной трубке, набрала номер. Ира появилась в дверях, прислонилась боком к косяку.

Тут не вовремя зазвонил его сотовый, Федор тихо сказал Нике, что перезвонит, и снова устался на Надежду Ивановну.

– Здравствуй, Аркадий, – недовольно проговорила дама в трубку. – Ты знаешь, где Сенечка?

Мужской голос что-то ответил, слов Федор не разобрал.

– Позвони мне сразу, как только он появится! – Старуха ткнула пальцем в трубку, повертела ее и опять положила на стол.

Федор терпеливо молчал, Ира тоже.

– Сенечка поехал на дачу к каким-то друзьям, – наконец объявила Надежда Ивановна. – Завтра к четырем обещал приехать и поздравить мать. Мою племянницу.

Черт возьми, где парень пропадает? Прячется от полиции?

Или от настоящего убийцы?

– Почему вы все время к нему цепляетесь? – неожиданно подала голос Ира.

– Я не все время цепляюсь, – повернулся к ней Федор. – Я просто хочу с ним поговорить.

Ему необходимо поговорить с Сенечкой. Во-первых, Варя была его девушкой, а парень не слишком-то горевал после ее смерти. То есть совсем не горевал. Во-вторых, у него был мощный мотив в виде теткингого завещания. А в-третьих, был доступ к снотворному.

Про снотворное следовало старушку спросить, но Федор не рискнул. Ей и так сейчас не сладко.

Было еще четвертое. Федор за парня действительно волновался. Слишком много трупов появилось за последнее время.

– Ясно же, что мальчик не имеет отношения к убийствам!

– Перестань, Ира! – одернула сиделку хозяйка.

– Он может что-то знать, – объяснил Федор. – Он может что-то знать и не отдавать себе в этом отчета. Мне действительно нужно с ним поговорить.

– Федор! – Надежда Ивановна внимательно на него посмотрела и требовательно спросила: – Что с вами произошло?

– У меня убили брата, – опешил Федор и разозлился. – А потом убили его жену.

– Я не про это, – поморщилась старушка. – Что с вами случилось со вчерашнего дня?

– Ничего, – ответил Федор.

– Врете, – с удовольствием констатировала Надежда Ивановна. – У вас очень довольный вид. Затащили в постель какую-нибудь фифочку?

Федор засмеялся:

– Не затащил. Но я об этом думаю.

Хозяйка ему нравилась. Скорее бы нашелся ее любимый Сенечка, и выяснилось, что он действительно не имеет никакого отношения к убийствам.

Правда, Федор не представлял, что делать после этого.

Нике он позвонил, спускаясь по лестнице.

– Пригодилась фотография?

В какой-то квартире истошно залаяла собака. Наверное, почувствовала чужого.

– Пригодилась. Я нашла кафе, где Лиза и незнакомый мужчина пили кофе и ели салаты, а потом сели в такси.

– Ч-черт, – остановился он. Ему очень не понравилось, что она лезет куда-то без него.

Собака где-то поблизости надрывалась, и он пошел дальше.

– Ее не обязательно отравил он. Кто-то еще мог прийти к ней вечером.

– Знаю, – буркнул Федор.

– Я хотела показать фотку Сени.

– Вместе покажем. Ты где сейчас?

– На работе. Смогу уйти часа через два.

Он и подъехал через два часа. Ника спустилась с большим букетом мелких роз – подарком коллег, положила розы на заднее сиденье, а сама села рядом. И тогда Федор сказал:

– Если бы ты не позвонила утром, я бы сам тебе позвонил.

– Зачем? – не поняла она.

– Не знаю, – пожал плечами Федор. – Просто позвонил бы, и все.

– Кафе недалеко от Лизиного дома.

– Сначала мы пойдем в ресторан. Я приглашаю тебя на ужин.

Она отвернулась, вздохнула и твердо сказала:

– Спасибо, но нет!

– Почему? – не понял он. Взял ее за плечи и развернул к себе. От удивления, наверное.

Она повела плечами, освобождаясь, и опять отвернулась.

Не могла же она сказать ему, что пряталась в машине, наблюдая, как он целуется с девушкой у такси.

Для него такой ужин ничего не значит, а она потом начнет все время

ждать его звонков. Ей этого совершенно не нужно.

– Почему? – повторил Федор.

Она ему необходима, а он не мог этого объяснить.

Он опять развернул ее к себе и даже немного потряс. Ее глаза казались совсем темными и смотрели в сторону. А непокорные кудри падали неровными кольцами. Ему очень хотелось их потрогать.

Федор отпустил Нику и сказал, глядя в переднее стекло:

– Знаешь... Я неожиданно понял, что ты мне нужна. Очень.

Она промолчала. Федор вздохнул и положил руки на руль.

Ему хотелось положить их на темные кудри.

– Сначала мы поедem в ресторан, а потом пойдem в твое кафе.

В кафе они опоздали. Федор на такси довез ее до дома – машину пришлось бросить, потому что ужинали они с вином. Дождлся, когда Ника позвонит ему из квартиры, и поехал домой.

Он думал о Нике и улыбался, сидя рядом с равнодушным таксистом, и точно знал, что в его жизни отныне все будет отлично.

Он перестал бы улыбаться, если бы помнил, что опасность никуда не исчезла. Опасность пряталась совсем близко и терпеливо ждала своего часа.

8 марта, среда

Разбудила Нику Ася.

– К кому это ты вчера в машину села? – потребовала объяснений подруга.

Сквозь занавеску пробивалось солнце. Вот будет жалко, если опять вернется зима.

– Это брат парня, которого отравили вместе с моим... бывшим, – Ника положила подушку поудобнее. – Я тебе рассказывала.

– Он за тобой ухаживает?

– Нет, – твердо сказала Ника.

Конечно, нет. Федор совсем недавно целовал девушку у такси. Ника для него просто товарищ по совместному расследованию.

Нике вчера хотелось, чтобы Федор поцеловал ее у подъезда, но он этого не сделал.

Ну и правильно, она ему нужна как друг. То есть подруга.

– Я узнала, где Лиза была накануне смерти. Лиза это...

– Да помню я!

– Ну вот. – Ника рассказала, как нашла кафе.

– Ментам нужно позвонить.

– Позвоню. Только сначала попробую узнать, кто был с Лизой в кафе.

Есть одна зацепка...

– Слушай, а почему ты мне никогда не говорила, что была замужем?

– Мне тяжело об этом говорить, – призналась Ника. – Мы очень плохо разошлись. Не обижайся.

Потом позвонил папа, поздравил, посетовал, что она редко приезжает. Ника обещала заглянуть в выходные.

Потом Ника позвонила свекрови, поздравила с праздником. Звонить не хотелось, она сделала это, просто чтобы поскорее отделаться.

– Я думала, ты зайдешь, – недовольно сказала Елена Сергеевна.

– Я могу зайти, – спохватилась Ника.

– Не надо! У тебя, наверное, свои дела.

Свекровь положила трубку, Ника тоже. После разговора стало себя жалко, но свекровь Ника жалела больше.

Федор позвонил, когда она варила кофе.

– Пойдем в кафе? – спросил он.

– Конечно, – ответила Ника.

– Я за тобой заеду.

Он появился минут через двадцать. Стоял в дверях с огромным букетом крупных бежевых роз.

Розы были хороши. Ника поставила их в вазу, полюбовалась.

– Собирайся! – велел Федор. Он так и стоял в прихожей, не делая попытки пройти в квартиру.

Поцеловать ее тоже попытки не сделал. А мог бы и чмокнуть в щечку. По-дружески.

– Сенечка сегодня должен объявиться, – сообщил он в машине. – Надежда Ивановна обещала позвонить, когда сокровище найдется. Стервозная бабка. – Он подождал, когда проедет чей-то темный джип и тронул машину. – Прелесть просто.

– Так прелесть или стервозная? – не поняла Ника.

– И то и другое, – засмеялся Федор. – Замечательная бабка.

Ему со вчерашнего дня было весело. С тех пор как он сказал Нике, что она ему нужна.

Посетителей в кафе еще не было, и Юли за стойкой не было. На ее месте стоял молодой парнишка, по виду студент. Алиас, если верить надписи на груди.

– Здравствуйте, – поздоровался Федор. – Юля будет сегодня?

– Нет. – Алиас наклонился, поправил стоявшие на подносе чашки.

– Вы не могли бы ей позвонить? – влезла Ника. – Нам очень нужно ее увидеть.

– Нет. – Парень скрылся в соседнем помещении, через пару секунд появился снова.

– Почему? – не понял Федор.

– У нее сегодня выходной.

– Пожалуйста, позвоните, – попросила Ника. – Скажите, что ее Ника спрашивает.

– Нет.

– Послушайте, нам очень нужно с ней поговорить...

– Сами позвоните!

– У нас нет ее телефона.

– Тогда приходите завтра.

Они бились с парнем еще минут десять, Федор даже попытался сунуть ему тысячу, но Алиас решительно отодвинул купюру.

– Мы же не просим у вас ее номера, – объясняла Ника. – Позвоните Юле сами, пожалуйста.

– У нее сегодня выходной.

– Ладно, пойдем, – наконец потянул Нику за рукав Федор.

В кафе зашли две пожилые дамы, Алиас занялся ими.

– Вот мерзавец! – прошипела Ника уже на улице.

– Черт с ним, – примирительно сказал Федор. – Завтра зайдем.

Едва ли Лиза была здесь с Сенечкой. Проверить необходимо, но Федор в этом здорово сомневался.

Погода на праздник не подвела. Солнце по-настоящему грело. Ника откинула капюшон, теплый ветер распушил волосы.

– Давай пообедаем, – предложил Федор.

Ника кивнула. Ей будет грустно, когда он уйдет от нее в свою жизнь и опять начнет вызывать такси своей девушке, но зато сейчас Нике с ним хорошо и спокойно, и она будет это ценить.

Замечательная бабка позвонила Федору, когда они почти закончили обедать.

– Сеня приехал, – доложила бывшая Сашина пациентка. – Он сейчас тебе позвонит.

Племянник тетушку слушался, звонок раздался меньше чем через минуту. Сенечке хотелось поскорее отделаться от Федора.

– Ты где находишься? – спросил Федор. – Где территориально?

Находился парень у себя дома и ждал Федора и Нику, прогуливаясь у подъезда. Разговаривать на улице Федору не нравилось, но напрашиваться в гости он не стал.

– От полиции прятался? – серьезно спросил Федор, подходя к парню.

– Почему? – отступил Сенечка, как будто хотел убежать. – Мы в карты играли. И вообще...

– Во что? – удивился Федор. Ему казалось, что все не виртуальные игры для взрослых давно ушли в прошлое.

– В карты! – огрызнулся Сеня. На Федора он не смотрел, он почему-то все время косился на Нику. – В преф! В преферанс.

– Почему ты не сказал, что дружил с Варей?

– Вы не спрашивали.

– Послушай, – неожиданно Федору стало жаль парня. Он ершится, но перепуган был до смерти. – Убили твою девушку, а ты никак на это не отреагировал. Как будто Варя не твоя девушка, а тетка незнакомая. Ты понимаешь, что это... странно?

Сеня молчал. Смотрел в сторону и молчал.

– Откуда ты узнал, что Вари больше нет? И когда?

– От ментов, – неохотно разжал губы Сеня. – Они меня сразу нашли. На следующий день, как...

Неожиданно парень заплакал. По-настоящему заплакал, как ребенок.

– Они меня нашли, потому что я Варе часто звонил, и она мне. Но в тот день я с ней не встречался. У меня алиби! Я на научной конференции был!

Плакать он перестал. Достал бумажный платок, высморкался, поискал глазами, куда выбросить смятую бумажку, не нашел и сунул в карман.

Уйти с конференции проще простого, зарегистрировался и гуляй. Интересно, полиция это понимает?

Парень чего-то боялся, Ника не сомневалась.

– Сеня! – вздохнула она. – Ты видел Варю в тот день? Любую машину можно отследить, Москва утыкана камерами. Ты же не маленький, сам понимаешь.

Он дернулся, почти подпрыгнул. Федор на Нику не смотрел, но Ника почувствовала, что своей интуицией впечатление на него произвела.

– Я видел, как она садилась в машину, – почти прошептал Сеня, уставившись на свои ботинки. – Я подъехал, увидел, как она из-за угла вышла. Остановился, а она не к переходу пошла и не к метро, а в машину села. Я хотел за ней поехать, но тут у перехода красный зажегся, и все. Та машина уехала.

– Ты вернулся на конференцию? – спросил Федор.

Парень кивнул.

– Мы поссорились, – ему хотелось выговориться. – Варя уговаривала, чтобы я с ней поехал, а я не хотел. Она обиделась. Она хотела, чтобы мы поженились, а я тоже не хотел. Мне учиться надо, утверждаться. А потом она уехала, и я понял, что... женюсь. Я ей звонил, а она обиделась и разговаривать не стала.

– Какая была машина? – вздохнул Федор.

– Не разглядел. «Форд», кажется. Старый.

– Она села на переднее сиденье?

– Да.

– Сеня, это придется рассказать полиции, – признала Ника.

– Они подумают на меня!

– Не подумают, – успокоил Федор. – Ты вернулся на конференцию, к парку не подъезжал. Поднимут записи с камер, и никто ничего на тебя не подумает.

Парень тяжело вздохнул, посмотрел на Нику и неожиданно сказал:

– С праздником!

– Спасибо, – опешила Ника.

Федор тронул ее за руку – пойдем. Ника сделал полшага, но потом

повернулась к Сене и ободряюще потрясла его за плечо – держись.

– Жалко его, – сказала она Федору, садясь в машину.

– Ничего, – хмыкнул Федор. – Переживет. Опыта наберется. Жить научится. Жалко тех, кто жить не умеет.

– А что такое уметь жить? – заинтересовалась Ника. Молодой человек, направленный на получение отличного образования и весомую карьеру, пожалуй, жить умел.

Федор подумал и серьезно сказал:

– Не сдаваться. Ни в какой ситуации.

Низкое солнце светило прямо в глаза, Ника пожалела, что не взяла темные очки.

– Давай погуляем, – предложил Федор. – А потом поужинаем.

– Нет, – отказалась Ника. – Отвези меня домой.

Ей тепло рядом с ним, но привыкать к этому не надо.

– Почему? – замер Федор. Он такого не ожидал. Он же видел, как загораются ее глаза, когда она его видит. То есть он это сейчас понял, что глаза у нее загораются, а раньше не замечал. Или раньше глаза не загорались?

– Отвези меня домой, – повторила Ника.

Наверное, он обиделся, потому что до ее дома ехал молча.

Ника поднялась в квартиру, полежала в ванне, вытирая непонятно по какой причине появившиеся слезы. Готовить ужин было лень, и она съела два бутерброда с колбасой.

Федор позвонил часа через два.

– У меня никого нет, – сказал он, как только она ответила. – Раньше... было, а теперь нет.

Ника держала трубку и молчала, и тогда он спросил:

– Поняла?

– Поняла, – покорно ответила Ника.

Наверное, это называлось счастьем, но Ника никак не называла радость, окутавшую ее теплым невидимым облаком.

Она очень боялась спугнуть эту радость.

– Надеюсь, хоть сегодня ты никуда не уйдешь, – прижалась к Даниле Уля.

– Не уйду.

Вылезать из постели не хотелось. Данила покрепче обнял жену, повернулся на бок.

– Безрукова вчера обещала мне любую помощь, если потребуется.

– Да? – заинтересовалась Уля, отодвинула его руки и заглянула в глаза. – Ты ей помог, да?

– Она думает, что помог, – усмехнулся Данила. – На самом деле я почти ничего не сделал. Продукция у нее была сертифицированная, бумаги в полном порядке. Кирилл ее платежи отслеживал, у него в компе это все зафиксировано. Я только подключил его бывшего сокурсника, а теперь коллегу.

– Ты ей очень помог! – заключила Уля, снова положив голову ему на плечо. Подумала и спросила: – Как думаешь, помощь ее мужа может нам понадобиться?

– Трудно сказать. Но такое знакомство в любом случае не повредит.

– Мне бы хотелось на нее посмотреть.

– Ничего интересного, – заверил Данила. – Раньше она грубая была, наглая. Теперь немножко пообтерлась. Только и всего.

– Кирилл ее любил, да?

– Откуда я знаю? – поморщился Данила. – Она жила с Кириллом, потом исчезла. Замуж вышла. А он очень скоро женился на Нике.

– Он любил Безрукову и хотел эту любовь забыть.

– Может быть. Потом Безрукова опять с ним жила и опять вышла замуж. Но приятельские отношения они сохранили, это точно, раз Кирилл помогал ей сбывать продукцию.

– Он ее любил!

– Знаешь, – подумав, серьезно сказал Данила. – Я бы не назвал это любовью.

– Почему? – Уля подняла голову, он чмокнул жену в нос.

– Если человек любит женщину, он никогда ее никому не отдаст. Я никому тебя не отдам.

Он понял, что не может жить без Ули, когда она рвала одуванчики на лугу рядом с его дачей.

Первое майское солнце заметно припекало. Данила держал в руках Улину ветровку, а она, в джинсах и легкой блузочке, срывала цветы, подносила их к лицу, вдыхала запах и замирала от восторга. И он замирал, потому что ничего прекраснее той картины не мог себе представить.

Одуванчики до дома Уля не донесла, выбросила по дороге. Мама Данилу приучала никогда не губить ничего живого, и желтых цветков ему было немного жаль. Данила тогда поднял брошенный на дорогу хилый букетик и выбросил в мусорный бак, стоявший на краю дачного поселка.

– Это ведь счастье, что мы друг друга встретили, правда? – прошептала Уля.

– Правда, – подтвердил Данила. – Давай вставать.

Он сел в постели, потрепал Улю по голове.

– Дан! А если Безрукова не станет тебе помогать? Ну... если нам понадобится помощь, а она откажется?

– Во-первых, нам не нужна ее помощь. А во-вторых, не откажется.

– Почему?

– Не откажется!

Он не верил Безруковой ни на грош, но почему-то был уверен, что в помощи она ему не откажет.

Впрочем, он лучше пойдет с сумой, чем обратится за помощью к Безруковой.

Хотя... как знать. Ему уже приходилось делать многое из того, что он считал для себя невозможным.

Странно, вчера ему было жалко бывшую школьную подружку, а сегодня противно о ней и думать и говорить, словно на Машку упала часть ненависти, которую он испытывал к Кириллу.

Бывший друг давно мертв, а ненависть никуда не делась. Даже не уменьшилась.

После завтрака Данила позвонил теще, радуясь, что не пришлось ехать к Улиным родителям. Не потому что он их терпеть не мог, просто в гостях у тестя и тещи было невыносимо скучно, а тратить силы на то, чтобы скрывать скуку, не хотелось. Он слишком устал и издергался за последнее время.

Странно, Уля очень напоминала свою мать, но то, что в жене Данилу умиляло, в теще казалось крайне неприятным. Теща подробно выспрашивала про каждую Улину собачку и страшно переживала, когда животные болели, но все это выглядело жалкой театральной постановкой. Впрочем, Данила нечасто общался с родителями жены, можно и потерпеть.

Потом Данила поздравил мать. Мать не задала ни одного лишнего вопроса, и он почувствовал, что от жалости к ней защемило сердце.

– Елене Сергеевне! – напомнила Уля, когда он попрощался с матерью. Подумала и решила: – Не звони! Давай лучше к ней съездим.

– Без звонка? – удивился Данила. Ему не хотелось выходить из дома и не хотелось никуда ехать.

Он действительно очень устал.

– Ну и что? Зайдем на одну минуту. Даже раздеваться не будем.

Уля метнулась в ванную, собственная идея ей очень понравилась.

Можно было настоять на своем, но Данила не стал. Пока жена красилась, неторопливо оделся и постоял у окна, глядя на залитый солнцем

двор.

Букет они купили не очень большой и не слишком дорогой, как раз подходящий для данного случая. Елена Сергеевна, стоя в дверях, им равнодушно удивилась, взяла букет, сразу сунула его появившемуся из ниоткуда другу, вздохнула.

– Спасибо, Данила. Спасибо, Уленька. – Женщина явно замялась, решая, приглашать ли их в квартиру, но тут Уля шагнула вперед, поцеловала хозяйку и быстро сказала:

– Мы только на секунду. Не беспокойтесь.

– А Ника не зашла, – пожаловалась Елена Сергеевна. – Ей на меня плевать.

Уля хотела что-то сказать, но Данила тронул жену за руку, останавливая. Ему не было особого дела до Ники, но обсуждать ее было неприятно.

– У следствия есть что-нибудь новое? – спросил Данила.

– Говорят, что работают. – Елена Сергеевна дернула головой. – Мне больно об этом говорить, Данила.

Елена Сергеевна аккуратно покрашена и причесана, заметил Данила. Наверное, ждет гостей.

Жизнь продолжается.

– Ну как она так может? – возмущалась Уля по дороге домой. Возмущалась Никиной черствостью.

– Они совсем чужие люди, – нехотя предположил Данила.

– Горе должно объединять!

Говорить Даниле было лень, и он не сказал, что чужих людей ничто не объединит. Ни горе, ни радость. Объединяет что-то совсем другое.

Нику тоже надо поздравить, решил Данила, но позвонил жене покойного друга только вечером, когда Уля закрылась в ванной.

– Спасибо, – откликнулась Ника на его поздравления.

– Как дела? – неоригинально спросил он, просто чтобы что-то сказать.

– Я нашла кафе, в котором Лиза была в последний вечер. Она была там с каким-то парнем и потом уехала на такси.

– Да? – удивился Данила.

– Угу. Жалко, что в кафе камера в это время не работала, но официантка сказала, что парня узнает.

– Ментам надо сообщить.

– Надо, – согласилась Ника. – Но я сначала хочу проверить кое-что. Завтра поговорю с официанткой, потом решу, что делать. Официантка, оказывается, Лизу хорошо знала.

Надо было расспросить поподробнее, что и как она выяснила, но Данила не стал. Его внезапно зазнобило. Данила включил на кухне горячую воду и сунул под нее руки. Кожу жгло, а холод внутри не проходил.

9 марта, четверг

Он не думал, что заснет, но провалился в сон сразу и проснулся, только когда затренькал будильник. Данила протянул руку, оборвал звонок, осторожно выбрался из постели. Уля не проснулась, только повернулась на другой бок, улыбнулась чему-то и снова уткнулась в подушку. Ему захотелось поцеловать жену, но он не стал, побоялся разбудить.

Через сорок минут снова заглянул в спальню, и снова пришлось бороться с желанием поцеловать Улю. Показалось, что пока он будет обнимать ее, теплую, заспанную, с ним ничего страшного случиться не сможет.

Данила тихо прикрыл дверь, спустился на улицу. День, как и вчера, оказался солнечным, теплым, по-настоящему весенним. Не верилось, что бесконечная зима закончилась. Впрочем, от зимы можно ожидать чего угодно. Она в любой момент может вернуться.

Около машины он задержался, машина могла ему понадобится, а могла и помешать. Решил ехать на метро.

Проблема была в том, что он не знал, ни где живет Ника, ни где работает.

Можно позвонить ей, попроситься в гости под благовидным предлогом, но от этой мысли Данила отказался. Ему было тошно и страшно лишний раз с ней разговаривать.

Он давно не ездил в метро. Стоять в переполненном вагоне было противно, рядом ёрзала какая-то тетка, толкая Данилу локтями, он еле дождался, когда вместе с толпой выберется на платформу.

После переполненного поезда подземный переход, недавно освобожденный деятельным мэром от привычных киосков, показался совсем пустым. К сносу киосков Москва отнеслась спокойно, а Данила искренне переживал. Не потому что часто что-то в них покупал, наоборот, он никогда к киоскам даже не подходил, просто сочувствовал людям, кормившим свои семьи и ни за что оказавшимся на улице.

Он этих людей отлично понимал, сам когда-то пережил подобное.

Кафе, где встречался с Лизой, Данила обошел, не приближаясь. Перешел на другую сторону улицы, пропустив грохочущий трамвай, осмотрелся, заметил кафе напротив.

Место было удобное. Данила подошел к стойке, попросил кофе. Соблазнился, взял еще круассан, сел с подносом у окна. Круассан оказался

горячим, Данила с удовольствием его сжевал.

Кафе напротив просматривалось отлично. Данила достал телефон, уставился в экран, сделал вид, что напряженно что-то читает. Предосторожность была излишней, других посетителей в кафе не было, а две девчонки за стойкой не обращали на Данилу внимания. То есть они периодически улыбались и спрашивали у него, не желает ли он чего-нибудь еще, но этим их интерес и ограничивался.

В кафе напротив зашла женщина в расстегнутой шубке, пробыла там минут пять, вышла. Потом туда заглянули две старушки, эти пробыли подольше, минут двадцать.

Официантка не должна его узнать, успокаивал себя Данила. В тот день он надел очки. Очки Данила носил редко. У него была небольшая близорукость, которая почти ему не мешала. Стекла очков были слабо затенены, но внешность меняли разительно. К тому же он тогда два дня не брился, и отросшая щетина тоже сильно меняла внешность. Он давно хотел отрастить бороду, но Уле его колючие щеки не нравились, и Данила послушно сбривал щетину.

В тот день даже Лиза не сразу его узнала.

Официантка не сумеет его описать. Но если ею займется полиция, девчонка вспомнит не только щетину и очки. Менты умеют фотороботы составлять. Во всяком случае, исходить надо из этого.

– Ты? – удивилась тогда Лиза, заметив перед собой Данилу.

Он долго ее ждал, прогуливаясь по улице. Даже замерз. Перед этим он несколько раз звонил ей домой, радуясь, что она куда-то вышла. Подниматься к ней было нельзя, в подъезде висела камера.

Он мерил шагами отрезок улицы, который она не могла миновать ни на машине, ни пешком от метро, и старался не думать о том, что ему предстоит сделать.

Он и сейчас старался не думать о том, что ему предстояло.

Лизе нельзя было встречаться с секретаршей.

– Я, – сказал он, вглядываясь в лицо Лизы. – Пойдем поужинаем. Ты бледная, как... как снег.

Лиза попробовала отказаться, даже потянула его в сторону дома, но он решительно подтолкнул ее к двери ресторана.

– Нет, – помотала она головой. – Пойдем сюда.

И показала на дверь кафе. Ему было все равно, кафе даже лучше, меньше контактов с официантами.

Данила взял два кофе и два жульена. И еще какие-то булочки. Жульен Лиза съела и кофе выпила, а булочки доел он. Кофе он ей подвинул, уже

вызвав такси. И до сих пор удивлялся, как несложно оказалось незаметно подмешать снотворное.

Он не представлял, как действует снотворное, и боялся, что Лиза свалится прямо по дороге, но все обошлось. Лиза вышла у своего подъезда, а он поехал домой.

Потом он боялся, что те восемь измельченных заранее таблеток, которые он бросил в кофе, не подействуют, как надо, но и тут все обошлось. Если, конечно, слово «обошлось» подходит к тому, что Данила сделал.

Наверное, ему помогал бог. Или дьявол.

Ника появилась неожиданно. Данила быстро поднялся, перебежал через трамвайные пути, заглянул в окно кафе. Ника стояла у стойки к нему спиной, что-то говорила пожилой женщине. В тот день, когда они были здесь с Лизой, за стойкой вертелась молодая девица. Данила облегченно выдохнул.

Ника повернулась, он едва успел отодвинуться от окна. Впрочем, в окно она не смотрела. Вышла, не оглядываясь, зашагала к метро, Данила, стараясь не приближаться, пошел следом.

Нике все время хотелось улыбаться. А еще нестерпимо хотелось сейчас, немедленно увидеть Федора, и чтобы он говорил, что она ему нужна и что у него никого, кроме нее, нет. Раньше было, а теперь нет. И никогда не будет.

Последнего, правда, Федор не сказал, но она точно знала, что обязательно скажет.

Он позвонил рано, еще восьми не было.

– Разбудил?

– Нет, – соврала Ника, расплываясь в глупой улыбке.

– Мне сейчас с работы позвонили. Обязательно надо приехать, сервер свалился, черт бы его побрал! Я сейчас на работу съезжу, а потом к тебе, ладно?

– Нет, – решила Ника. – Я тоже пойду на работу. У меня начальник очень хороший, но наглеть не надо. Я и так все время прогуливаю.

– Я освобожусь и тебе позвоню.

– Ладно, – сказала Ника.

Она еще полежала в темной комнате, потом вскочила и почти вприпрыжку поскакала на кухню. Раньше она все время куда-то мчалась, давно, когда жила с Кириллом. Не потому что не успевала, а просто от избытка энергии.

Бывший муж усмехался, когда она бежала ему навстречу. Ника подбегала и обнимала его, а он слегка трепал ее по плечу или по волосам и отодвигал.

Она его раздражала, только теперь поняла Ника.

Она с удовольствием выпила кофе, а потом долго красилась, стоя у зеркала в ванной. Макияж получился удачным, на нее посмотрела из зеркала красивая девушка с огромными, вполлица, глазами.

Еще хотелось надеть что-то нарядное, вроде Асиных платьев, но подходящих платьев у Ники не было, и она влезла в брюки.

Решение зайти в кафе к девушке Юле пришло, когда Ника проехала нужную остановку. Она решительно вышла из вагона, втиснулась в подошедший поезд, идущий в противоположном направлении, и вышла на солнечную улицу. Ей не терпелось выяснить все немедленно.

Она разговорит Юлю и попробует составить нечто вроде фоторобота.

Вместо Юли за стойкой стояла полная пожилая женщина.

– Юлечка попозже будет, – ласково улыбнулась она Нике. – После обеда.

Ника опять спустилась в метро, через полчаса включила свои компьютеры и направилась к Асе.

– Ой, какая красивая! – похвалила подруга.

– Я влюбилась, – сказала Ника. Не хотела говорить, само вырвалось. – В Федора, я тебе про него рассказывала.

– А... он? – насторожилась подруга. Ася за нее искренне переживала, но Нике сомнения не понравились.

– А он в меня! – отрезала она.

– Ника...

– Ничего не хочу слышать! – Ника затрясла головой, подумала и засмеялась.

Она и без Аси прекрасно знает, что жизнь часто преподносит неприятные сюрпризы, но верить будет только в хорошее.

– Ладно, пойду трудиться, – вздохнула Ника и поднялась.

Почему она всегда была уверена, что может обходиться без подруг? Как такая глупость могла прийти ей в голову?

Новая работа, которой ее озадачил начальник, оказалась интересной. Ника с удовольствием набросала примерные алгоритмы, потом сходила с Асей в столовую, снова занялась работой. Федор не звонил, и постепенно становилось грустно, тревожно. Ника смотрела на лежавший перед ней телефон, потом снова утыкалась в экран. Работа перестала казаться интересной.

Телефон дернулся. Ника схватила его раньше, чем раздался звонок и обреченно ответила. Это был не Федор, номер на экране высветился незнакомый.

– Привет, – сказал Данила. – Ника, надо поговорить. У меня есть кое-какие догадки. Ты где сейчас?

– На работе.

– Это где?

Ника назвала адрес, Данила обрадовался:

– Здорово! Я как раз недалеко, по объектам мотался. Минут через десять подъеду.

– Позвони тогда.

– Не надо, я рядом совсем. Спускайся через десять минут, я тебя встречу.

Ника посмотрела на погасший экранчик. Наверное, у Данилы две симки, этот номер тоже стоило внести в записную книжку. Сейчас возиться не стала, сунула телефон в сумку, оделась и вышла на улицу.

У проходной Данилы не оказалось. Ника пошла к калитке в заборе, огораживающем офисное здание. В позапрошлом году вдоль забора посадили кусты сирени. Сирень была красивая, махровая, разных оттенков и пахла так, что хотелось замереть на месте от восторга.

Когда прошлой весной сирень отцвела, Ника долго пыталась купить себе духи с похожим ароматом, но так ничего и не выбрала. До настоящей сирени французские парфюмеры недотягивали.

С Данилой она столкнулась прямо у калитки.

– Пойдем, у меня машина здесь рядом, – улыбнулся он и потянул ее за рукав.

– У тебя две симки? – спросила Ника ему в спину. Шел Данила быстро.

– Это рабочий телефон, – не оборачиваясь, объяснил он. – Свой дома забыл.

Странно, но рабочий номер Данилы казался не совсем незнакомым. Наверное, он уже звонил ей с этого номера, просто она забыла.

Данила подошел к темному джипу, открыл почему-то заднюю дверь.

– Машина тоже рабочая.

Ника полезла в теплый салон, передвинулась дальше, уступая ему место. В машине чувствовался резкий противный запах.

Больше Ника не чувствовала ничего.

Данила никогда не нарушал правила и почти не имел дел с

гаишниками. Пару раз его останавливали, но не за нарушения, а в связи с какими-то проверками, и Данила всегда скептически выслушивал жалобы знакомых на беспредел ГИБДД. Не нарушай правила, считал Данила, и никто к тебе не привяжется.

– Помоги мне, господи, – попросил Данила. Сейчас встреча с ГИБДД была для него самым страшным.

Если бы он умел молиться, наверное, молился бы непрерывно, но искренним православным Данила не был, и только старался внимательно смотреть на дорогу и не выбиваться из потока.

«Надо пережить последнее, – уговаривал себя Данила. – На этом все закончится».

Он чувствовал, что это последнее. Когда сыпал Лизе в кофе измельченные таблетки, тоже уговаривал себя, что это последний ужас в его жизни, но все-таки до конца уверен не был.

А теперь верил.

Даниле казалось, что он попал под каток, которым укладывают асфальт. Стотонная масса навалилась на него и превратила в тонкую полосу, лишила воли, и предопределила все его поступки. Сравнение с катком возникло сразу и прочно, когда Кирилл, усмехаясь, написал на принтерном листке шестизначное число и поставил латинскую S с двумя вертикальными палочками.

– Что? – спросил Данила и тут же все понял. Страшно ему тогда не было, ему даже стало смешно и жалко давнего друга.

Кирилл усмехнулся и поморщился.

– Контракт большой, для тебя это не деньги. – Школьный друг улыбался, и Данила еле себя сдержал, чтобы не заехать ему по физиономии.

– Даже не надейся! – спокойно сказал Данила. – Я чужого не беру и своего не отдам.

– Отдашь, – веселился Кирилл. – Куда ты денешься!

Данила тогда заехал к нему попить пивка. Уля ушла на какой-то девичник, и сидеть дома одному было скучно.

Данила взял открытую бутылку, хлебнул из горлышка, поставил бутылку на стол и поднялся.

– Подожди, – остановил его Кирилл. – Посмотри сначала, что у меня есть.

Данила поколебался и вернулся. Ему не было страшно, только противно.

Ролики он просмотрел равнодушно и даже тогда не начал бояться.

Чиновника видно хорошо, и Данилу видно хорошо, и факт передачи денег, наверное, оспорить было бы трудно, хотя деньги никто не считал и конверт, в котором они лежали, не открывал. А Данила только поражался тому, что дружку не лень было ехать в ресторан и снимать всю эту фигню.

– Я хочу сто тысяч. – Кирилл захлопнул ноутбук. – Иначе все это будет в социальных сетях. У нас только на самом верху можно воровать безнаказанно, а для всех других государство с коррупцией борется.

– Я подумую, – сказал Данила, одеваясь.

Ему хотелось поскорее уйти, потому что желание вцепиться в дружку становилось нестерпимым.

– Поскорее думай, – сказал Кирилл, когда Данила уже взялся за дверь. – Даю тебе десять дней, не больше.

Брезгливым Данила не был, но, спускаясь вниз, ему хотелось вымыть руки. Друг не представлял, в какие опасные игры ввязывается.

Оказалось, Данила тоже не представлял, чем обернется для него мерзкий шантаж.

Впереди загорелся красный свет, Данила остановил машину, обернулся. Ника лежала на заднем сиденье, спала. Связывать ей руки он не рискнул. Задние стекла тонированы, но черт его знает, какими глазастыми могут оказаться случайные прохожие. Связанные руки у девушки на заднем сиденье казались дополнительной опасностью.

«Фиат» впереди медленно тронулся, Данила тоже и тут же испуганно дернулся – в Никиной сумке заиграла музыка. Музыка была негромкой, но его обдало холодным потом. Он сунул руку в лежавшую рядом с ним сумку, нашарить телефон не сумел, а перебирать на ходу все содержимое не стал. Опять покосился на Нику, она не шевелилась.

Музыка стихла. На следующем светофоре телефон из сумки он извлек, вызов был от Федора. Данила снова сунул телефон в Никину сумку.

Справа показались огороженные мусорные баки. Данила прижался к тротуару, хотел выбросить бутылку с хлороформом прямо из машины, но, поколебавшись, вышел и сунул в бак. Прохожих было немного, но они были, и привлекать к себе внимание не стоило.

Бутылку с хлороформом он взял у Ули в питомнике. Вообще-то, он не был уверен, что это именно хлороформ, просто какая-то дрянь, которой усыпляли животных, если требовалось сделать небольшую операцию.

К Уле приезжала постоянная ветеринарша. Денег за свои визиты, кстати, дама брала изрядно. А остатки использованных медицинских препаратов жена оставляла себе. «Я же за них платила», – объясняла она Даниле.

Очень хотелось курить. Данила достал сигарету, выкурил, на пару шагов отойдя от баков, выбросил окурок и снова сел за руль.

На восстановление серверов времени ушло больше, чем Федор предполагал. С тем, кто из его подчиненных накосячил, Федор разбираться не стал, выругался про себя и, не торопясь, принялся подключать файлы.

Разбор полетов он устроит потом, в спокойной обстановке.

Звонок из фирмы его разбудил, позавтракать Федор не успел и, когда на первый взгляд все заработало в штатном режиме, отправился в столовую. Нике он позвонил, сбегая по лестнице. Она не ответила, он позвонил еще раз, уже усевшись с полным подносом еды за столик. Ника опять не ответила.

Он еще с час повозился с серверами, несколько раз набирая Нику, а потом внезапно понял, что работать ему не хочется.

Федор еще не волновался, просто ему хотелось немедленно ее услышать. Ему было необходимо немедленно ее услышать.

Ему было необходимо ее слышать уже давно, даже когда он еще не отдавал себе в этом отчета. Когда он тупо стоял у мертвого Лизиного тела, а Ника, кусая губы, бросилась к компьютеру, она показалась ему опорой, за которую нужно держаться, чтобы совсем не съехать с ума. Он тогда следил за ней глазами и очень ее уважал.

Он и сейчас ее очень уважал и знал, что сделает все, чтобы ей было с ним хорошо.

– Я уехал, – объявил Федор инженерам.

Ребята покивали, приставать к нему они опасались, безнаказанной происшедшая поломка софта остаться не могла.

В машине Федор посидел, раздумывая, куда направиться, и поехал в центр. В кафе, куда они с Никой договорились пойти вместе. Он выяснит все один, а вечер можно будет посвятить друг другу. Ему многое надо ей сказать, помимо убийств. Например, то, что без нее ему не хочется работать.

В кафе сидели три женщины средних лет, смеялись, за стойкой стояла молодая девушка. Федор подошел поближе и прочитал: «Юлия».

– Здравствуйте, – начал он. – С вами позавчера разговаривала моя знакомая. Помните, она спрашивала вас про вашу постоянную посетительницу? Про Лизу?

– Помню, – кивнула Юлия.

– Ой, Юленька! – откуда-то появилась еще одна женщина, полная, с добрым круглым лицом. Улыбнулась Федору и встала рядом с Юлей. – Тебя

утром девушка спрашивала. Я сказала, ты попозже будешь.

– Какая девушка? – насторожился Федор.

Полная буфетчица опять улыбнулась и пожала плечами – обычная.

– Кудрявая, – вспомнила она. – Темненькая.

Федор полез в бумажник, достал пятитысячную купюру, к счастью, такая нашлась, и подвинул ее женщинам.

– У вас ведь работает камера наблюдения? Покажите мне, пожалуйста.

– Ой, да что вы! – Юля отодвинула купюру. – Зачем?

– Да мы в камере-то ничего не понимаем. – Это сказала круглолицая женщина, и, помедлив, положила купюру себе в карман.

– Ничего, – успокоил Федор. – Я разберусь.

Пока «разбирался», пожилая стояла рядом, с уважением на него глядя.

Ника зашла в кафе через полчаса после открытия. Пробыла с минуту и вышла. Выходя, на крыльце накинула на волосы капюшон.

– Спасибо, – поблагодарил Федор, вставая. – Спасибо.

На улице светило солнце, но Федор его не замечал.

Он и тогда еще не заволновался, просто без Ники ему было скучно. Опять позвонил ей, послушал длинные гудки.

Болтаться без дела было тошно. Федор подержался за руль, отпустил. Данила созванивался с Никой перед похоронами Кирилла и вообще давно ее знает. У него могут быть ее номера, помимо мобильного.

Федор достал телефон. Данила ответил не сразу, пришлось набирать номер еще раз.

– Привет, – ответила наконец трубка.

– Здорово, – сказал Федор. – Ты с Никой давно разговаривал?

– Вчера с праздником поздравил, – удивился Данила. – А что?

Похоже, Данила был за рулем, в трубке слышался характерный шум. Федор прислушался – помимо автомобильного гула, еле слышно звучала довольно знакомая музыка.

– Слушай, я в машине, – недовольно произнес Данила. – Перезвони попозже.

Данила отключился, Федор нервно сжал телефон. Музыка у Данилы в машине была Никина, ее рингтон.

Музыка была редкая, то есть раньше ему не знакомая и очень приятная. Меломаном Федор не был и вообще с музыкальным слухом имел большие проблемы, но спутать не мог.

Он опять набрал Данилу, но теперь номер стойко не отвечал. Телефон Ники оказался вне зоны действия сети.

Федор медленно тронул машину, развернулся, где положено, и поехал

к дому. Небыстро, потому что поток машин шел плотный. Хорошо, хоть красных пробок не оказалось.

Потом ему казалось, что в тот момент он еще тоже не волновался.

К Сашиному ноутбуку он бросился, не раздеваясь. Брат был педантом, Федор нашел не только домашний и рабочий телефоны Данилы, но и адреса. Телефоны и адреса Федор переписал на бумагу, выдернув лист из принтера. Он сто лет уже ничего не писал от руки, странно, что не разучился.

Домашний номер не ответил, а по служебному женский голос объяснил, что директора на месте нет, а будет ли – неизвестно.

– Наверное, будет, – подумав, решила девушка, – директор на служебной машине уехал, а домой он предпочитает уезжать на своей. И вообще, к вечеру он, как правило, всегда возвращается. Звоните.

Что-то было связано с секретаршей Данилы...

Федор сжал виски руками. Жест показался киношным, отвратительным, и он собственную голову отпустил.

Ника рассказывала, что Лиза перед смертью разговаривала с Данилой. Хотела встретиться с его секретаршей.

Точно, Лизин телефон зафиксировал разговор с Данилой, и Ника сообщила Федору, что с Данилой уже успела пообщаться.

Это когда он был в ступоре от Лизиной смерти.

Федор опять набрал домашний номер Данилы, на этот раз трубку сняли.

– Ульяна, – сказал он, вспомнив имя жены Данилы. – Это Федор, брат Саши Вербицкого. Вы меня помните?

– Ну конечно, я вас помню, Федя, – радостно ответила Ульяна и насторожилась. – Что-нибудь случилось?

– Нет. Скажите, Данила дома?

– Ну что вы, Федя! – кажется, она даже обиделась. – Он столько работает! Вы не представляете! Уходит рано, приходит поздно. Да что случилось-то?

– Ничего, – заверил Федор. – Просто хотел спросить кое-что. Извините.

До конторы Данилы он тоже доехал не слишком быстро, но и без изнуряющих пробок.

То, что мелькнуло у него в голове, было настолько чудовищно, что он еще не мог в это поверить.

Никин телефон звонил почти непрерывно. По-хорошему, его стоило

отключить, но Данила тянул, хотелось знать, кто пытается ее разыскать. Несколько раз звонил Федор, дважды на экране высвечивалось «мама». Еще звонила какая-то Ася.

Выбросить Никин телефон он собирался, выехав из города. Поэтому и к МКАД решил подъехать не там, откуда обычно выезжал на междугородную трассу, а на десять километров севернее. Он читал, что можно точно определить, где находился абонент. Пусть и зафиксируют Нику в последний раз именно там.

После того как Федор позвонил ему, Данила Никин телефон выключил. А потом и вовсе достал из него сим-карту и разломал пополам. Остатки симки выбросил в окно, а сам телефон в первый мусорный бак, который заметил.

Ника на заднем сиденье не шевелилась. Подмывало остановить машину, проверить, жива ли, но так рисковать он не мог, и машины шли плотным потоком, и пешеходов на тротуарах хватало.

Неожиданно ему так захотелось, чтобы она была уже мертвой, что он даже втянул в себя воздух сквозь зубы. Думать о том, что ему опять придется пережить что-то подобное тому, что он пережил с медсестрой, не было никаких сил.

Самое противное в том, что ему приходится убирать девушек, которые ему нравились. Дьявольская несправедливость.

Медсестра Варя была забавная, глупенькая, смешливая. На него смотрела с нескрываемым уважением и даже, кажется, побаивалась. Наверное, Сашка сказал ей, что Данила крутой бизнесмен.

Все пошло не так, как Данила планировал. Сашей приходилось жертвовать, с этим он смирился, а трогать девчонок Даниле в голову не приходило.

Все пошло не так, но его вины в этом не было.

Слева вынырнула белая «Киа», едва его не подрезала. Данила шепотом выругался, в зеркало посмотрел на Нику.

Опять нахлынула ненависть к Кириллу, Данила вцепился в руль так, что побелели пальцы.

Чиновник позвонил ему не вовремя. Позвонил при Кирилле, в тот день приятель заехал к нему с бутылкой вина. Друг имел обыкновение являться без предварительного звонка, чем страшно злил Улю. Данилу, кстати, это тоже злило, он не любил, когда нарушали его планы.

В тот вечер все шло как обычно. Уля демонстративно жаловалась на головную боль, Кирилл, улыбаясь, советовал принять таблетку аспирина.

Разговаривать Данила вышел в коридор, но у друга, как оказалось,

слух был отличный. Да и сам Данила оказался идиотом, осторожно похвастался, что светит большой заказ. Складывать два и два Кирилл умел.

Данила договорился с чиновником о встрече, а давний друг не поленился и встречу заснял.

Данила считал, что все умеет предусматривать в этой нелегкой жизни, а оказалось, что это совсем не так. Человеческая подлость превосходит самые немыслимые прогнозы. А ведь знал, что порядочностью друг не отличается.

Когда-то, сто лет назад, мать сказала ему:

– Знаешь, Даня, мне Кирилл не нравится.

Кажется, Данила учился тогда классе в третьем. Родителей весь вечер не было, и они с Кириллом славно провели время. Правда, при этом Кирилл залил краской тетради Данилы, и ему пришлось заново делать домашние задания.

Данила тогда бросился защищать друга, и отец посоветовал матери не лезть в дела детей. Сами разберутся.

Теперь Данила многое бы дал за то, чтобы родители под страхом самых немыслимых наказаний запретили ему приближаться к Кириллу.

Впрочем, родители Данилу никак не наказывали, и о наказаниях он имел весьма отдаленное представление.

Машины впереди замедлили движение, потом совсем остановились. Данила старался быть спокойным, и это удавалось. Он научился спокойствию за последнее время.

Медленно поехал ряд слева, потом тронулся его ряд. Ника лежала без движения.

Он совершенно потерял голову после разговора с чиновником.

– У меня проблемы, – пожаловался тогда Данила. И как дурак начал рассказывать про Кирилла.

– Это у тебя проблемы! – заорала трубка. – Ты понял?! Это у тебя проблемы! И не звони мне!..

Дальше слышался мат. Данила настолько этого не ожидал, что даже озадаченно посмотрел на трубку. Обычно чиновник говорил тихо, почти шепотом, и производил впечатление рафинированного интеллигента. Как из чеховских пьес. В детстве мать замучила Данилу, таская то на классические, то на суперсовременные спектакли.

Это был второй раз, когда Данила совершенно растерялся. Первым разом он считал момент, когда его выгнали с работы.

Он быстро пришел в себя. У него не было другого выхода. За него никто не мог решить его проблем.

Он не сможет заниматься бизнесом, если подставит чиновника. Этот вариант Данила даже не рассматривал.

Второй вариант – заплатить Кириллу, Данила тоже не стал рассматривать. Во-первых, у него просто не было таких денег. Он с трудом выплатил откат, и так приходилось работать почти в убыток.

А во-вторых, зло должно быть наказано.

Жаль только, что пришлось жертвовать Сашкой.

Тогда Данила не предполагал, что зло имеет обыкновение расплзаться, как плесень в давно открытой консервной банке. Или как раковая опухоль. Впрочем, про раковые опухоли он мало что знал.

Машины опять встали, потом опять медленно поехали. Сзади завывала «Скорая», Данила втиснулся в правый ряд, пропустил. Посмотрел в зеркало – Ника не шевелилась.

Офис Данилы находился на первом этаже жилого дома, правда имел отдельный вход. Федор толкнул дверь и оказался в тускло освещенном коридоре. Либо Сашин приятель экономил на электричестве, либо просто не обращал внимания на бытовые неудобства.

Откуда-то слышались мужские голоса, смех. Федор приоткрыл ближайшую дверь – за ней девица с волосами до лопаток гоняла по экрану компьютера разноцветные шарики. Волосы у девушки были так себе, их стоило постричь поровнее. Среагировала девица мгновенно, вместо шариков экран заполнился таблицей с цифрами.

– Это я вам звонил, – сказал Федор. – Директор не появился?

– Нет еще, – улыбнулась девица и весело на него посмотрела.

Спросить, какого черта он сюда приперся, она не успела, Федор уселся на стул рядом с ней и объяснил:

– Я его давний... друг. У нас погибли общие друзья, вы, наверное, знаете.

Он не был уверен, что Данила посвящает секретаршу в свои проблемы, но девушка сочувственно ахнула:

– Ой, какой ужас! Данила очень переживал. И Сашу я знала. У меня сынишка в прошлом году болел, два месяца температура была, а врачи ничего сделать не могли. Данила тогда Сашу попросил, он и определил, что воспаление легких. И денег с меня не взял, представляете?

Федор кивнул – представляю.

– Такой хороший доктор!

– Саша незадолго до смерти брал у Данилы машину.

– Да, – кивнула секретарша. – Утром взял ключи, а вечером вернул. А

что?

– Вспомните, пожалуйста, – попросил Федор, – когда Саша брал ключи, у него была бутылка коньяка? Ну... может, в руках держал.

– Бутылка лежала в машине, – озадаченно сказал девушка. – А что?

– Вы уверены? – наклонился к ней Федор. – Пожалуйста, вспомните.

Ему мгновенно стало жарко, и он протер лоб ладонью.

– А при чем здесь коньяк?

– В машине Данилы лежала бутылка коньяка?

– Я не помню! – отрезала девушка и отвернулась. Как-то неправильно он ее спрашивал.

Больше ничего не скажет, понял Федор. Не будет обсуждать любимого директора.

– Ладно. Появится директор, скажите, что заходил Федор. – Федор поднялся. – Последний вопрос. Дача у Данилы есть?

– Не знаю! – Она уставилась в компьютер, поводила мышкой.

Знает, это очевидно. Но не скажет.

– До свидания, – вежливо попрощался он. – Обязательно скажите Даниле, что я заходил.

Бутылка в машине могла означать что угодно. Но если...

Без Ники ему будет скучно всю оставшуюся жизнь.

Телефон Ники по-прежнему был отключен, Данила не отвечал.

Федор посмотрел на навигатор, до дома Данилы пробок не было. Он положил руки на руль, но тут же их снял. Если... Сейчас может быть дорога каждая минута.

– Ульяна. – Жена Данилы ответила мгновенно, Федор не успел услышать ни одного гудка. – Это опять я, Федор. Скажите, пожалуйста, у вас есть дача?

– Есть. А в чем дело? – недовольно спросила она.

Похоже, жене он надоел не меньше, чем секретарше.

– Где ваша дача?

– Федя, в чем дело?

Надо было с ходу что-то соврать, но он не сумел.

– Позвоните вечером, – сказала Ульяна и положила трубку.

Без Ники его ждет бесконечная череда дней, полных тоскливой скуки, но сейчас он обязан не впадать в панику.

Тело медсестры Вари было найдено в лесопарке.

Избавиться от тела в городе трудно, практически невозможно. Удивительно, что убийце повезло в первый раз. Нужно уехать из города. И не куда попало, а в знакомое место.

Федор сунул телефон в карман и снова вылез из машины.

К счастью, секретарша по-прежнему была одна. На этот раз убирать шарики с экрана она не стала, просто молча и недовольно посмотрела на навязчивого визитера.

Ему повезло еще в одном, ключи торчали в двери. Федор молча повернул ключ, в одно мгновение оказался рядом с девушкой и прошептал ей прямо в лицо:

– Адрес дачи! Быстро!

Что-то он делал мерзкое, отвратительное. Девушка мгновенно посерела, мелко закивала. У нее маленький ребенок, вспомнил Федор.

Потом он приедет и перед ней извинится.

Федор сунул ей лист бумаги. Бумага была с одной стороны заполнена текстом, но ему было не до этого.

– Я не знаю точного адреса, – прошептала секретарша.

– Но ты там была? – с прежней угрозой и стараясь не впадать в отчаянье, спросил Федор.

– Да, – прошептала девушка. – Наши парни шефу пристройку к дому делали, я с ними ездила.

Она боялась Федора, и ему было жалко девушку.

– Нарисуй!

План дачного поселка она нарисовала грамотно, наверное, у Данилы научилась. Потом посмотрела на Федора и сказала:

– Данила сегодня взял ключи от дачи. Я видела. Он здесь запасные ключи держит. На всякий случай.

– Да, – вовремя вспомнил Федор. – Номер и марку машины, на которой он уехал!

Девушка опять мелко закивала и написала номер. Она была хорошей секретаршей, номер помнила наизусть.

– Извини, – неуклюже попытался он исправить положение.

В коридоре ему попались два каких-то мужика, Федор не обратил на них внимания.

Он не догадывался, что эти люди могли ему помочь.

Пробка была вызвана двумя авариями. Данила мельком посмотрел сначала на две столкнувшиеся на правой полосе машины, потом, в полукилометре, на въехавший в самосвал джип. Около джипа стояла «Скорая». Возможно, та самая, которую он недавно пропустил, а может быть, другая.

Дальше дорога стала свободней. Данила свернул на трассу. Оставалось

миновать подмосковный город, мучивший светофорами, и все. Потом он въедет в лес и все закончится.

День выдался солнечный, совсем весенний. Данила опустил шторку, но все равно приходилось щуриться. Дорога повернула, шторку он поднял.

Все пошло не так, когда Сашка отказался выписывать матери снотворное. Снотворное Данила выбирал тщательно, придиричиво. Даже залез на сайт, предназначенный исключительно для врачей.

– Это сильный препарат, – объяснял Саша. – Очень сильный. Он ей не нужен, понимаешь?

– Слушай, – морщился Данила. – Ну она же все равно его выпишет. Не у тебя, так у другого. Еще нарвется на какого-нибудь халтурщика, он ее совсем залечит.

– Лучшее средство от бессонницы – дефицит сна, – злился Сашка. – Две ночи не поспишь, на третью выспишься.

– Саш, ну что я могу сделать? – уговаривал Данила. – У мамы неприятности на работе, она нервничает и не спит. Ну хочет человек принимать снотворное, понимаешь?

– Я выпишу что-нибудь полегче.

– Да не надо ей полегче! Она хочет это снотворное. Она его уже принимала, и оно ей хорошо помогает.

Он с трудом уговорил Сашку.

– Варь, выпиши рецепт, – морщась, наконец сдался друг.

Данила тогда на девчонку старался не смотреть, ему стало тоскливо. Только изменить ничего уже было нельзя.

Сашка повернулся к компьютеру, сделал запись о выписанном снотворном. Запись потом Данила стер, когда сидел около помертвевшей Лизы. Жаль, не знал, что компов у Саши было два. Думал, он возит ноутбук с собой.

Уходя, Данила записал телефон медсестры. Запишу маму к Александру на прием как-нибудь, – объяснил он.

Варя совсем не удивилась, когда он позвонил ей после смерти Саши. У него погиб друг, и он должен был с ней поговорить. Что же тут непонятного?

И потом не удивилась, когда он перехватил ее раньше Лизы.

Надоевшие светофоры остались позади. Данила свернул к железнодорожному переезду. До дороги, ведущей к лесу, оставалось всего несколько километров.

У переезда пришлось постоять. Сначала прошла электричка в одну сторону, потом в другую.

Когда несколько лет назад пустили сапсан, с электричками начались проблемы. Освобождая дорогу сапсану, пригородные поезда снимали часа на полтора, причем в самое востребованное время – утром и вечером. Данила представлял, сколько проклятий от подмосковных жителей и дачников сыплется на головы оптимизаторов движения.

Машины впереди тронулись, Данила тоже поехал.

С приехавшей электрички шла неплотная толпа, он терпеливо останавливался, пропуская пешеходов.

Гаишник лениво вышел на дорогу метрах в десяти перед Данилой. Он не успел испугаться, только мгновенно покрылся холодным потом. Или ему просто так показалось.

Парень в форме оценил тянущуюся вереницу машин, поднял жезл, выдергивая идущий перед Данилой «Рено».

Сердце застучало глухо и сильно, захотелось остановиться, посидеть в тишине. Остановиться он рискнул через километр, проехав придорожный магазин. Магазин этот Даниле нравился, здесь было все, начиная от продуктов и кончая хозяйственными мелочами. Он любил ездить сюда с дачи на велосипеде за покупками.

Он вообще любил жить на даче и жалел, что возможность побездельничать на природе выпадала нечасто. Впрочем, Уля не разделяла его пристрастия к дачной жизни, и в последние годы Данила здесь почти не появлялся.

Магазин находился почти в лесу. В паре километров впереди начинался новый поселок, но около магазина казалось, что до цивилизации многие версты.

Ника лежала, не шевелясь. Данила замешкался, решился, открыл заднюю дверь, тронул свесившуюся руку. Попытался нащупать пульс, но не смог. Слабо представлял, где должна биться какая-нибудь жилка. Опять помялся, но потом захлопнул дверь и пошел к магазину.

Ему нужен был инструмент. Снова пережить то, что он пережил с медсестрой, казалось невозможным.

– Пересядь назад, – попросил он Варю, обогнув два квартала возле ее дома. – У меня тут замок от ремня сломан. Остановят еще.

Замок пристяжного ремня был в порядке, но девчонка не пристегнулась, сев в машину, и он сказал первое, что пришло в голову.

Она послушно вылезла, пересела на заднее сиденье. Он уселся рядом и сразу взялся за ее шею двумя руками. Девушка билась, пыталась оторвать его руки, а он радовался, что не видит ни ее лица, ни ее глаз.

Ему было жалко девчонку и хотелось, чтобы все побыстрее

закончилось.

Он не желал ей зла, так сложились обстоятельства.

Теперь ему нужна была веревка, он не хотел заново переживать то же самое.

Продавщица в магазине оказалась незнакомой, прошлым летом он ее не видел. Девушка заулыбалась ему, он кивнул в ответ.

Полки были заставлены всякой всячиной. Веревка тоже была, но Данила неожиданно передумал. Черт его знает, как потом все обернется, веревку могут идентифицировать, а продавщица вполне способна его запомнить. Молодая девушка поглядывала на него с большим интересом.

В багажнике лежал разводной ключ. Тоже оружие.

Он не мог оставить Нику в живых и понимал это еще до того, как она полезла в кафе, где его видели с Лизой. Ника одна знала, что у него было снотворное. Не считая мертвой медсестры, конечно. Правда, Ника обещала молчать, и он ей верил.

Но не сейчас, так потом она все-таки могла проговориться. Ника была его постоянным страхом, и он был обязан этот страх ликвидировать.

Ситуация его просто поторопила.

Данила еще раз осмотрел полки и попросил бутылку воды. Пить не хотелось, но он сделал пару глотков прямо в магазинчике.

Пока шел к машине, мимо никто не проехал. Хорошее место, безлюдное.

Конечно, летом машины снуют чаще, но сейчас, слава богу, не лето.

Хотел сразу открыть багажник, но потом взялся за заднюю дверь, чтобы еще раз взглянуть на Нику, и тупо замер у раскрытой двери.

Ники в машине не было.

То, что крутилось в его голове, могло быть просто приступом паранойи. Федор очень хотел, чтобы это и было приступом паранойи, но упрямо ехал по маршруту, проложенному навигатором.

Гипотеза была зыбкая, ненадежная. Жаль, другой не было.

Он много раз звонил Даниле, и столько же раз телефон не отвечал.

Он звонил Нике, замирая, и опять бросал ненужный телефон на соседнее сиденье.

К счастью, больших пробок не было. Федор съехал с трассы на дорогу, ведущую к дачным поселкам, остановился, прижавшись к обочине, внимательно посмотрел на электронную карту.

Треугольный участок леса лежал справа. Участок окаймляли дороги. Сначала хотел объехать лес, потом передумал, направился сразу к

Данилиной даче.

От того, что он может больше не увидеть Нику, становилось пусто и начинало подташнивать.

Сейчас казалось невозможным, что еще недавно он совсем о ней не думал. И невозможным казалось, что он когда-то ждал свиданий с Настей, как величайшего счастья.

Думать надо было о чем-то другом, но он больше всего жалел, что не успел сказать Нике, как сильно она ему нужна. Что ему пусто без нее, печальной, умной и необходимой. Ему необходимой, Федору.

Когда-то давно она его раздражала. На Сашкином дне рождения юная жена Кирилла смотрела на мужа, как на божество, кидалась исполнять его прихоти и светилась непонятной и раздражающей радостью.

«Принеси сигареты», – приказывал Кирилл, и жена кидалась за сигаретами. Еще за чем-то кидалась, и еще за чем-то. Федору было противно на это смотреть.

Железные ворота показались неожиданно. Он остановился, прошел через калитку, расположенную вплотную к воротам.

– Здравствуйте, – закивал появившийся откуда-то азиат-сторож. Сторож был неопределенного возраста и, улыбаясь, демонстрировал золотые зубы.

Федор лет сто не видел золотых зубов.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Федор.

Азиат принялся отодвигать засов на воротах, Федор вернулся к машине, въехал на территорию поселка. Нужный дом он нашел сразу, секретарша Данилы сделала хороший чертеж, точный.

Пока ехал к дому, заметил на территории поселка только одну машину. Из светлого седана мужчина в распахнутой куртке вытаскивал какие-то сумки. Рядом стояла женщина, недовольно обернулась на машину Федора.

Темного джипа не было.

Висячий замок на воротах был небольшой, но сорвать его Федору было нечем. Он подтянулся, перекинул ноги через забор, прыгнул. Если соседи позвонят в полицию, замучается отмываться.

Двор был покрыт ровным осевшим снегом. За последние теплые дни снег подтаял, наст хорошо держал Федора, провалился он только дважды, у самого дома.

Здесь давно никого не было. Наверное, несколько месяцев.

Он все-таки обошел дом, понимая, что только зря теряет время. Навалилась слабость, тупая, противная. Федор сел на заснеженное крыльцо, не понимая, что делать дальше.

Какая-то птица, черная, поменьше вороны, опустилась на снег прямо перед ним. Походила, лениво каркнула, улетела.

Федор достал телефон, посмотрел на него и, ни на что не надеясь, мизинцем принялся набирать текст. Текст был короткий: «Тронешь ее хоть пальцем, убью».

Эсэмэска дошла до Данилы быстро, почти мгновенно.

Ответного звонка Федор не ждал, и телефон не зазвонил.

Потом он объехал треугольный участок леса. Блестел мокрый асфальт на дороге, попадались редкие машины.

В конце концов остановился перед поворотом к трассе, чувствуя тот же тупой ступор, как у мертвого Лизиного тела.

И тогда заметил джип, который искал.

Времени на растерянность у Данилы не было. Он оглядел дорогу, лежалый снег перед разросшимися у самого асфальта кустами, стену деревьев за ними.

Лес был грязный, замусоренный. Грибники иногда находили здесь сыроежки, свинушки, но Данила положить в корзину гриб из такого неприятного места брезговал. Все равно что с помойки подобрать.

Мимо проехал серый «Форд», Данила проводил его глазами.

Если Ника убежала в сторону трассы, это конец. За деревьями, создающими впечатление, что лес подступает к дороге с обеих сторон, была деревня, а на самой трассе поймать Нику совсем невозможно. Трасса никогда не пустует.

«Она бы не рискнула перебежать дорогу, – успокоил себя Данила. – Она метнулась к ближайшим кустам. Точно».

Он захлопнул дверь машины, достал из багажника разводной ключ, огляделся и ступил на снег. Через пару шагов провалился по колено. Идти было тяжело, он с трудом вытаскивал ноги. Поискал глазами тропинку, заметил совсем рядом, пробрался к утоптанному снегу.

Лес казался вымершим. Данила шел медленно, внимательно оглядывая белый снег между деревьями. Деревья росли часто, но спрятаться на снегу невозможно. Он должен ее найти, и он ее найдет. Нужно только успеть до темноты.

Несколько раз звонил мобильный в нагрудном кармане, Данила доставал телефон, смотрел на экран. Звонки были от Федора, и он снова убирал телефон в карман.

Старый телефон, с которого он звонил сначала медсестре, а потом Лизе и Нике, куда-то запропастился, в карманах его Данила не нашел.

Наверное, выронил, когда возился с Никой на заднем сиденье. Ну и черт с ним. Он больше не понадобится.

Телефон вместе с симкой был еще бабушкин. Бабушка умерла пять лет назад, а телефон Данила почему-то оставил. Как чувствовал, что может пригодиться.

Дважды звонили прорабы, он тоже не ответил. Не хотел отвечать и секретарше, но передумал, откликнулся. Подчиненные привыкли, что он всегда на связи, могут запомнить.

– Что, Даша? – спросил он секретаршу.

Ему было хорошо с ней работать. Впрочем, иначе он ее просто уволил бы.

На нее можно было положиться, Даша ни разу ничего не перепутала, всегда была под рукой и понимала его с полувзгляда.

– Данила... – Она была напугана, но он не обратил на это внимания. Он сам напуган дальше некуда.

– Ну говори, Даш.

– К тебе из полиции приходили.

– Кто? – удивился Данила. До чего же все не вовремя. – Зачем?

Рассказы о том, что менты доят бизнес, он слышал, конечно. Но тут ему бояться нечего. Эти проблемы чиновник обязан решить. Пусть отрабатывает откат.

– Тебя спрашивали. Я сказала, что к вечеру будешь.

– Они ушли?

– Да.

– Ладно. – Данила остановился, взгляделся в чернеющие справа кусты, пошел дальше. – Разберемся.

– Еще какой-то Федор приходил... – она замялась, тяжело вздохнула. – Спрашивал, где у тебя дача.

– Ты сказала?

– Да, – с заминкой призналась Даша.

– Ничего, – успокоил он. – Все нормально.

Все было ненормально, но Дашка уж точно не могла ему помочь.

Зря он не выключил телефон, запоздало пожалел Данила. Теперь по звонкам можно определить, где он находился. Сотовые компании располагают такой информацией.

Это была ошибка, и из нее следовало, что труп Ники должны обнаружить где-то в другом месте.

Он помедлил, но телефон выключать не стал. Уже поздно.

Нужно будет обязательно появиться на даче. Показаться, если не

соседям, то сторожу. Сторож хорошо его знает, в прошлом году несколько раз косил траву у него на участке.

Тропинка разделилась на две. Данила подумал, тронулся по правой. Стояла абсолютная тишина, даже шум трассы был почти не слышен.

Нике будет лучше, если все поскорее закончится. Все равно выбора у него нет.

У него с самого начала не было выбора.

Данила отлично знал, почему Кирилл начал его пугать. Сашку бы не стал, а Данилу начал. Потому что завидовал Даниле. И даже не тому, что денег у Данилы больше. Другому завидовал. Независимости.

Сашка тоже сам себе хозяин, но все-таки перед больными заискивал. По крайней мере, должен был заискивать, по представлению Кирилла.

А Данила имел под рукой только тех, кого хотел. Ту же секретаршу Дашку.

Она пришла к нему устраиваться на работу, имея трехлетнего малыша. Диплом у нее был подходящий, строительного института, но малыш... Ее никуда не брали, а Данила взял.

И не прогадал. Ребенок болел, конечно. Все детсадовские дети болеют.

Иногда Даша приводила его на работу, и Данила никогда не возражал. Ему даже нравилось повозиться с малышом. Не в ущерб работе, конечно.

Он был отличным руководителем. Побольше бы таких, как он, и страна реально возродилась бы, не только на словах.

Он не мог позволить Кириллу лишить его бизнеса. У него не было выхода.

Данила остановился, послушал тишину, повернул назад, к развилке. Ника не могла уйти так далеко, у нее просто не было времени.

Дашка подвела его, когда он вез коньяк. Приготовленная бутылка лежала на заднем сиденье, и Данила раздумывал о том, как передать его Саше. Передать нужно было так, чтобы никто об этом не знал.

Каким-то образом Даша увидела его машину в довольно плотном потоке, запрыгала с поднятой рукой у края тротуара. Знал бы, что из этого выйдет, проехал бы мимо. Данила притормозил, секретарша влезла на заднее сиденье. На переднем у него тогда лежала сумка.

Он часто подвозил секретаршу. И не только ее, мастеров тоже. Впрочем, у большинства мастеров были свои машины.

– Ой, спасибо, – радовалась Даша. – Ветер такой, я закоченела вся! А это у тебя коньяк, да?

– Да, – подтвердил Данила.

– Дорогой? – предположила она.

– Дорогой, – снова подтвердил он.

Она еще о чем-то поболтала, а, вылезая, напонила:

– Данила, коньяк.

– Пусть лежит, – сказал он. Его никто не должен видеть с коньяком.

Он не предполагал, что через полчаса позвонит Саша, и передать коньяк для Кирилла окажется проще, чем Данила думал.

– Не исключено, что в пятницу я вырваться не смогу, – объяснил он другу. – Передай Кирюхе. Начинайте без меня, а в субботу я точно подъеду.

Конечно, он не мог допустить, чтобы Лиза увиделась с Дашей.

Данила дошел до развилки и повернул на левую тропинку.

Очень хотелось пить и спать. Ника облизала губы, снова провалилась в темную пустоту небытия, а потом, почти сразу, вновь очнулась. В сон тянуло неудержимо, но она не понимала, где находится, и стала бороться со сном.

Открыть глаза было трудно, как будто веки ей залепили чем-то тяжелым. Она с трудом приоткрыла один глаз, но глаз тут же закрылся. Ей еще не было страшно, только очень хотелось понять, почему она спит не дома, а где-то в непонятном месте.

Где-то рядом звонил телефон, ее собственный, замолчал, зазвонил снова. Потом зазвонил еще чей-то телефон, чужой, и мужской голос произнес:

– Слушай, я в машине. Перезвони попозже.

Голос был знакомый, но Ника не сразу вспомнила, что принадлежит он Даниле.

А потом сразу вспомнила все остальное.

Она была на работе, и Данила позвонил ей с незнакомого номера, который почему-то показался знакомым.

Потому что с этого же номера кто-то звонил Лизе. Перед тем, как она умерла.

Ее телефон зазвонил опять, замолчал.

Сонная одурь затягивала, Ника изо всех сил старалась с ней бороться. Она уже понимала, что лежит на заднем сиденье машины Данилы. Она пошевелила запястьями – руки оказались свободными, только очень тяжелыми, не своими.

Машина остановилась, хлопнула дверь. Ника рискнула приоткрыть один глаз, приподняла голову. Поднимать голову было тяжело, но она справилась. Данилы в машине не было. Ника села, опершись руками о сиденье. Под правой нащупала что-то небольшое, машинально сжала

предмет в кулаке, покосилась – телефон, чужой, старый, еще кнопочный.

Как ни странно, она не цепенела от страха. Может быть, потому что кружилась голова и приходилось с этим бороться. На страх просто не было времени.

Ника дернула дверцу, дернула второй раз. Дверь открылась, Ника выпала из машины. Выпала в прямом смысле, очутилась на дороге, стоя на четвереньках.

Дорога была пуста.

Перебежать ее у Ники точно не было сил. Она с трудом поднялась, держась за машину, каким-то чудом доковыляла до кустов, заставила себя продвинуться дальше, потом еще дальше.

Послышался шум проезжающей машины. Ника передвигала ноги, хватаясь за деревья. Потом провалилась в какую-то яму. Идти дальше сил не осталось.

Ей казалось, что мыслей в голове тоже совсем не осталось, но что-то заставило зарыться в снег, как в нору.

Пить хотелось невыносимо. Ника зацепила ладошкой снег, положила в рот.

Стало холодно.

«Я замерзну», – равнодушно подумала Ника.

Опять захотелось спать, но холод мешал.

С трудом заставив себя двигаться, Ника вылезла из своей норы, потеряла онемевшие руки, побрела, проваливаясь, по рыхлому снегу.

Наверное, ее предки были охотниками. Она почувствовала опасность еще до того, как увидела сквозь голые стволы неясный темный силуэт. Ника бросилась в снег и замерла. Ей казалось, она даже дышать перестала.

Ничего не произошло. Когда рискнула поднять голову, человека уже не было видно.

Сколько она бродила по лесу, Ника не представляла. Наверное, долго, потому что, когда неожиданно поняла, что деревья впереди закончились, уже темнело.

Телефон противным скрежетом сообщил, что пришла эсэмэска. Эсэмэска была от Федора, Данила прочитал текст, поморщился.

Где-то хрустнула ветка. Он прислушался, внимательно вгляделся в деревья, пошел дальше. К вечеру похолодало, он зябко передернул плечами.

Ощупал себя руками, вспомнил, что старого телефона в куртке нет. Жаль, звонить Федору нужно было с него. Позвонить и выманить на Нику.

Федора тоже нельзя оставлять в живых.

Не столько от страха, сколько от несправедливости стало совсем муторно.

Он не хотел никого убивать. Он же нормальный человек. Даже хороший. Никогда никого не подставлял. Копейки не взял незаработанной.

Телефон в нагрудном кармане дернулся. Данила достал его, ответил Уле.

– Ты где, Дан? – спросила жена. – Ты когда придешь?

Голос жены показался совсем чужим, Данила этому равнодушно удивился.

– Поздно, Уля, – проговорил он через силу. – Ложись без меня, не жди.

– Федор звонил.

– Знаю. Я с ним уже разговаривал.

– Станный он какой-то.

– Черт с ним.

Данила опять сунул телефон в карман. Пожалуй, он переночует на даче, когда все закончится. Ему надо побыть одному.

Он переночует на даче, а потом поедет к родителям. Посидит с ними на кухне, глядя, как мать суетится у плиты, поговорит ни о чем и постепенно станет собой, прежним Данилой. Которому нужна Уля и который никого не убивал.

Еще он обязательно скажет матери, что она лучшая мать на свете. Ей сейчас страшно, и он ее успокоит.

Тропинка привела к асфальтовой дороге. Данила выбрался на нее, потопал ногами, больше в лес углубляться не стал.

Минут через пятнадцать вышел к тому месту, где оставил машину. Опять потопал ногами и сел за руль. И тут же что-то накрыло лицо, глаза, стало тяжело дышать. Данила попытался оторвать нечто мягкое, не дающее вздохнуть, но оторвать не смог.

– Ты? – только и сказал он Федору, когда стало уже понятно, что ничего больше он сделать не может.

Руки оказались неудобно вывернуты, сильно болели.

– Где она? – Федор приблизил к нему лицо.

Это был новый Федор, злой и опасный, чем-то напоминающий совсем не похожего на него Кирилла.

Данила закрыл глаза. Пусть сам ищет.

Это был новый Федор, прежний никогда не причинил бы такой страшной боли. Данила задохнулся, застонал.

Они все новые. Данила тоже раньше не был убийцей.

– Все пальцы переломаю!

– Не знаю, – еле прошептал Данила. Боль в руке казалась нестерпимой. – Она сбежала.

Наверное, Федор собрался звонить в полицию, но тут телефон сам зазвонил у него в руке.

– Что? – сказал Федор кому-то, а потом тихо ахнул: – Ника!

Сидеть у самой дороги Ника боялась, опять отошла под деревья. Звонить нужно было в полицию, но она принялась вспоминать цифры телефона Федора. Боялась, что не вспомнит, но пальцы сами затыкали в кнопки. Она сто лет не держала в руках кнопочного телефона.

– Это я, – сказала Ника.

И только потом заплакала.

Он быстро ее нашел. Выскочил из машины, поднял с земли, обнял, надолго прижал. Ника плакала, а он гладил ее по голове, а потом прошептал:

– Я не смог тебя спасти.

– Ты меня спас, – покачала Ника головой. – Ты меня спас.

Она слишком устала и еще не могла отойти от пережитого, и стоять на непослушных ногах было тяжело, но она стояла, вцепившись в куртку Федора обеими руками, и боялась оторваться.

11 марта, суббота

К бывшей свекрови Ника зашла днем, предварительно не договариваясь. Они с Федором подошли к ресторану, куда должна была подъехать Татьяна, Лизина сестра. Федору не нравилось, что он так и не вложил ни копейки в похороны Лизы, и он хотел это исправить. Да и просто Татьяна должна знать, что случилось с ее сестрой.

Время они не рассчитали, приехали рано, за полчаса, а ресторан располагался совсем близко от дома матери Кирилла.

Ника решила к ней заглянуть, тронула Федора за рукав, проговорив:

– Зайду к Елене Сергеевне. Я быстро.

Это ему не понравилось. С той минуты, как Федор увидел Нику, измученную, на обочине узкой дороги, ему не нравилось, когда он ее не видит.

– Я быстро, – повторила Ника. – А ты жди Таню. Она тоже может раньше приехать.

День опять выдался солнечный, под ногами блестел мокрый асфальт, и казалось, что вот-вот наступит лето.

Ника остановилась под кустами сирени у подъезда Елены Сергеевны, достала телефон. Когда-то Кирилл наломал ей здесь огромный букет. Он обламывал ветки, а она дрожала от страха, что кто-нибудь увидит и начнет ругаться. «Перестань, – говорила она мужу. – Кирилл, перестань!»

Они возвращались от свекрови, вечер был теплым и тихим, и всю дорогу домой Ника утыкалась в нежный аромат сирени и замирала от счастья, а Кирилл смотрел на нее и улыбался.

– Елена Сергеевна, – сказала Ника, когда свекровь ответила. – Я рядом с вашим домом. Можно, я зайду на минутку?

– Заходи. Я всегда тебе рада, ты же знаешь, – без особой радости согласилась Елена Сергеевна. Впрочем, требовать радости от женщины, недавно потерявшей сына, глупо и жестоко.

Открыл Нике свекровин друг, отступил. Ника села напротив Елены Сергеевны и, осторожно подбирая слова, начала рассказывать:

– Это Данила...

Елена Сергеевна смотрела в сторону, потом тихо заплакала.

– Я всегда была против этой компании! Я знала, чувствовала...

Свекровь говорила не то, но Нике вдруг показалось, что это как-то... правильно.

– Чаю хочешь? – наконец устало спросила женщина.

Чаю Нике не хотелось, но она выпила. Чай приготовил друг, заговорил о нашумевшем антикоррупционном фильме, отвлекая Елену Сергеевну, и Ника за нее порадовалась. Это хорошо, что у несчастной матери есть кто-то заботливый и преданный.

Время торопило. Ника поднялась и неожиданно для себя сделала то, чего не делала ни разу в прошлой жизни – обняла свекровь и поцеловала.

Выходя из подъезда, она опять с грустью вспомнила, какой счастливой была, утыкаясь лицом в сирень.

Кирилл был неприятным человеком. И расстались они мерзко, ужасно. Но было ведь и хорошее. И она будет об этом помнить.

Федора с Татьяной она заметила не сразу, Федор выбрал столик у стенки, за стойкой с растениями.

– Это Ника, – представил ее Федор, а Татьяна тепло улыбнулась.

«Лизкины предки Сашку не любят», – говорил когда-то Кирилл. «Глупо, – удивлялась Ника. – Саша такой хороший. И Лизу очень любит». – «Кто кого любит, всегда большой вопрос, – смеялся бывший муж. – А вообще-то, они нормальная пара, это точно».

– Вы знаете, – печально проговорила Татьяна. – Он всегда мне нравился. Я его давно знала, они с Сашей часто за Лизой заходили, еще когда в школе учились. Мне казалось, что он хороший мальчик, добрый.

Данилу никто из них почему-то не называл по имени.

– Я тоже давно его знал, – Федор сжал губы. – Не слишком близко, но знал. Жизнь у нас трудная, меняет человека.

– Нет, – твердо сказала Ника. – Человека ничто не способно изменить, никакие обстоятельства. Мы все сами себя меняем. В мире всегда есть добро и зло. И только мы решаем, что выбрать.

Татьяна посмотрела на часы, заторопилась.

– Побегу, младшего нужно спать укладывать. – Она посмотрела на Нику и предложила: – Приходите к нам на концерты. Я в музее работаю, у нас бывают такие замечательные концерты. В конце месяца будет симфонический оркестр выступать, очень известный. Придете?

– Обязательно, – сказала Ника. – Спасибо.

– Ты любишь классическую музыку? – с сомнением спросил Федор, глядя вслед Татьяне.

– Люблю. А ты?

– Терпеть не могу. Но я потерплю, – успокоил он и засмеялся.

И Ника засмеялась тоже.

– Я так понял, они его вычислили по убийству Вари. Его все равно

поймали бы, и без нашей помощи.

Вчера Федор и Ника почти весь день провели в полиции.

– Как ты думаешь, это Сеня им помог? – спросила Ника.

– Не знаю. Да это не важно.

Для Федора важным было только одно, чтобы Ника всегда была с ним.

Он больше не хотел быть один. Быть одному страшно, только не все это понимают.

Он вот раньше не понимал.

– И все-таки непонятно, почему он все это сделал. – Федор говорил о Даниле, а думал о том, как объяснить Нике, что она очень ему нужна.

– У Кирилла было видео, как он передает деньги какому-то дядьке, – вздохнула Ника. – То есть я думаю, что это деньги.

Она задумалась и тронула Федора за руку.

– Знаешь, я все время боюсь тебя потерять.

– Ты меня не потеряешь, – сказал он, беря ее пальцы обеими руками. – И я тебя не потеряю. Мы всегда будем вместе.

В зале был полумрак, но Федор видел, что Ника смотрит на него сияющими глазами, как когда-то на Кирилла.

Нет, даже на Кирилла она так не смотрела. Она ни на кого так не смотрела.

Только на него, Федора.

И так будет всегда.

Салли Грин. Нарушенная заповедь

Отрывок

Ася остановилась, воткнула лыжные палки в снег и попыталась оттянуть рукав куртки, чтобы посмотреть на часы. Напрасный труд – перчатка задубела на морозе и не хотела гнуться. Поискала глазами солнце. Вон оно – белое, едва заметное на таком же белом небосводе, уже почти касается веток деревьев. Еще немного, и короткий зимний день перетечет в ночь. И тогда станет еще тяжелее. Правда, есть фонарики, но вряд ли Стас согласится ими воспользоваться – свет может выдать их местонахождение тому, кто идет по пятам. Или не идет? Ася обернулась, поглядела по сторонам. Кроме Стаса, чья спина маячит довольно далеко впереди, – никого. И почему она согласилась на эту авантюру? Ведь сразу поняла, что это не для нее! Сорок километров! Если посчитать дорогу на работу и обратно и прибавить походы по магазинам, столько она проходит за неделю.

Не останавливаясь, Стас оглянулся, недовольно махнул рукой, и Ася, сунув руки в петли палок, пустилась вдогонку.

– Ну ты чего? – спросил Стас, когда Ася с ним поравнялась. – Привала еще никто не объявлял. Сейчас спустимся, – он указал палкой на довольно крутой склон, – дальше будет распадок. Там накатанное место – можно и в темноте топать. Пройдем его, и останется всего ничего, километров тридцать.

– Как тридцать? – Асин голос предательски дрогнул. – А сколько мы уже прошли?

– Какая разница? И не вздумай реветь! – возмутился Стас, но навигатор достал и, шевеля губами, стал подсчитывать: – Восемнадцать километров за три с половиной часа. Очень даже неплохо. Но расслабляться рано.

– Значит, осталось двадцать два километра? – пытаюсь справиться с отчаянием, спросила Ася.

– Да нет же, нет! – Стас поморщился от такой беспросветной бестолковости спутницы. – Я же сказал, после того как мы пройдем распадок, останется тридцать километров, вернее, двадцать девять с чем-то.

– Но ты же говорил...

– У нас на хвосте специально обученные люди. Они ждут, что мы пойдем по самой короткой дороге. А мы, вопреки их ожиданиям, сделали крюк, и теперь у нас гораздо больше шансов уйти от преследования. Неужели это не понятно? – Он уже почти кричал, и от этого крика, эхом разносящегося по притихшему сосняку, у Аси разболелась голова.

– Если бы ты заранее сказал...

– И что тогда? Что бы изменилось?

– Я не знаю... Голова болит... Сильно...

– Это от избытка свежего воздуха, – он уже взял себя в руки и даже попытался изобразить подобие сочувствия. – Ничего, еще часик – и устроим привал. Давай соберись! Я пойду не слишком быстро, а ты – за мной, делай, как я. – И Стас двинулся вниз по склону.

Спускаться по глубокому снегу было непросто, и скоро у Аси заныли лодыжки. Зато, сконцентрировавшись на том, чтобы не упасть, она забыла о головной боли.

Ночь застала их в распадке, на узкой тропе, зажатой между двумя холмами, поросшими карабкающимися вверх соснами. Сначала в темноте растворились верхушки деревьев, а вскоре стало вообще ничего не видно, кроме эмблемы фирмы-производителя из светоотражающего материала на спине у Стаса – буквы «М» в тройном кольце.

«Как мишень», – сказал он, впервые примеряя костюм, но в целом снаряжением остался доволен. Костюмы и правда были замечательные. Легкие, практически невесомые, они защищали от холода и ветра. Производители гарантировали, что в них можно ночевать на снегу при температуре до тридцати градусов ниже нуля. И хотя Стас обещал, что спать под открытым небом они не будут, Ася уже успела убедиться, что безоглядно верить его словам не стоит.

Буква «М» впереди застыла. «Неужели привал?» – подумала Ася, чувствуя, что еще немного, и она усядется прямо на снег, причем так основательно, что сдвинуть ее с места сможет разве что бульдозер.

– Есть два варианта: устроиться на ночлег прямо здесь, – сказал Стас, – или добраться-таки до деревни. Тут совсем недалеко, не больше пары километров.

– Здесь, здесь! – энергично закивала Ася, и откуда только силы взялись.

– Здесь, здесь! – передразнил ее Стас. – Здесь придется грызть галеты из армейского пайка с чаем, не факт, что горячим. А в деревне может перепасть что-нибудь повкуснее. И спать у растопленной печки лучше, чем на снегу, пусть даже в фирменных костюмах. Синоптики, конечно,

обещали, что температура ниже тридцати не опустится, но сама знаешь – они никакой ответственности за свои прогнозы не несут.

Асе абсолютно не хотелось есть. И к теплой печке не хотелось. Из всех желаний осталось только одно: упасть в сугроб, свернуться калачиком и уснуть. А еще лучше – предварительно отстегнуть голову, чтобы хоть ненадолго избавиться от вновь давшей о себе знать головной боли. Но Стас, похоже, твердо решил устроиться на ночлег в деревне и вникать в Асины желания не собирался.

– Пошли! – скомандовал он тоном, пресекающим любые попытки возражения.

«Пара километров – это примерно три тысячи шагов, – прикинула Ася, – то есть семьсот пятьдесят раз по четыре шага». Она машинально стала считать шаги: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Как в школе на физкультуре, единственному предмету, по которому у нее всегда была тройка. Перед самым выпуском физрук Борис Васильевич пожалел неспортивную отличницу и пообещал закрыть глаза и нарисовать четверку, если Ася пробежит кросс. Всего один километр. Не на время, главное – благополучно добраться до конца дистанции. Ася морально готовилась к испытанию несколько дней и теоретически готова была пробежать не один километр, а марафонскую дистанцию – 40 с лишним. «Подумаешь, – уговаривала она себя, – всего четыре круга!» Но к концу второго круга закололо в боку, к концу третьего потемнело в глазах. До финиша она добралась, опираясь на плечо Стаса, который вместе с Ритой пришел поддержать одноклассницу. Рита! Это для нее предназначался Асин костюм с фосфоресцирующей буквой «М» на спине...

Тропа сделала поворот, огибая раскидистый дуб, и впереди путеводными звездами замерцали огни деревни. Ася вдруг почувствовала прилив сил; очевидно, что-то подобное испытывает до предела измотанная дальней дорогой лошадь, почуяв запах родного стойла. Ноги задвигались быстрее. Раз-два-три-четыре, раз-два... Боковым зрением она заметила справа огонек. Что это? Неужели их догнали? Неужели расчеты подвели Стаса и весь этот бесконечный мучительный путь оказался напрасным? Ася остановилась и неуклюже поправила перчаткой выбившиеся из-под шапочки волосы. Свет мелькнул снова, и она успокоилась: он был слабым, теплым и живым, не похожим на мертвенный свет галогенных фонарей, которыми наверняка оснащены их преследователи.

– Стас! – окликнула она спутника. – Там, кажется, был свет!

Стас остановился, воткнул палки в снег.

– Кажется или был? Ась, давай, поднажми, немного осталось!

И в этот момент огонек мелькнул снова, и Ася явственно увидела совсем недалеко, метрах в тридцати, дом. Довольно высокий, он был полностью погружен в темноту, лишь в самом низу мелькал огонек, будто кто-то ходил по комнатам со свечой или керосиновой лампой. Свет завораживал, манил, обещая тепло и уют, но одновременно пугал. Кем мог быть хозяин дома, стоящего на отшибе, особняком от остального жилья? Во всяком случае, общительность и человеколюбие явно не относились к его характерным чертам. Интересно, что бы сказал Стас, услышав ее мысли? Они с Ритой всегда смеются над этой Асиной способностью придумать целую историю на пустом месте, называют фантазеркой. Стас не такой. Вот и сейчас он не стал тратить время на пустые разговоры, а решительно направился к дому.

Луч фонарика скользнул по затейливой резьбе, небольшому зарешеченному оконцу, напомнимшему Асе проем в калитке монастыря из старого фильма, и остановился на кнопке вполне современного звонка. Рука Стаса потянулась к кнопке, и Асю вдруг охватило непреодолимое желание одернуть его – от двери веяло холодом враждебности, по сравнению с которым усилившийся к ночи мороз казался детской забавой. Но было поздно – Стас уже вовсю давил на кнопку, и Ася, сжавшись от страха, вслушивалась в нервные трели, взрывающие тишину странного дома.

Дверь распахнулась, будто изнутри ее с силой толкнули. На пороге стояла женщина в глухом черном платье. Высокая, абсолютно седые волосы туго стянуты в пучок. Хозяйке (для себя Ася решила, что женщина с такой величавой осанкой и гордой посадкой головы не может оказаться никем, кроме хозяйки особняка) было не меньше семидесяти, но язык не поворачивался назвать ее старухой. Казалось, это средневековая герцогиня открыла дверь своего замка, чтобы дать приют усталым путникам. Усиливали сходство массивные серебряные серьги с черными камнями, ажурный крест на груди и самая настоящая жирандоль с пятью свечами, которую женщина подняла, чтобы получше рассмотреть лица непрошенных гостей. При этом хрусталики, щедро украшающие светильник, тихо зазвенели и рассыпали по стенам блики, а в серьгах хозяйки вспыхнули и тут же погасли темно-малиновые звезды.

– Здравствуйте, – Стас, всю самоуверенность которого как ветром сдуло, изобразил что-то похожее на поклон и застыл в ожидании ответа.

Однако хозяйка продолжала хранить молчание, и Стас, уже слегка пришедший в себя, продолжил:

– Помогите, пожалуйста. Мы с женой, – он кивнул на Асю, –

заблудились. Не разрешите ли вы переночевать в вашем доме?

«Зачем он соврал, что я его жена?» – промелькнуло в голове у Аси. Она не сводила глаз с бесстрастного лица хозяйки и уловила, что при слове «жена» ее тонкие губы слегка изогнулись в саркастической усмешке.

– Мы хотели попроситься на ночлег в деревне, – продолжил Стас, не дождавшись ответа, – но супруга очень устала и не может идти дальше. Вы же не допустите, чтобы мы замерзли на пороге вашего дома?

Стас в критический момент умел выглядеть очень убедительным, и сейчас был именно такой момент, но женщина продолжала безмолвствовать.

– Вы слышите меня? – он слегка повысил голос.

Хозяйка поморщилась:

– Слышу. Но считаю, что вам, молодой человек, и в особенности вашей так называемой жене лучше все-таки дойти до поселка. На лыжах тут не больше двадцати минут ходу, не успеете замерзнуть.

И она предприняла попытку закрыть дверь. Но не таким человеком был Стас, чтобы его удалось вот так запросто отшить. Он ухватился за дверную ручку и вкрадчивым голосом проговорил:

– Я понимаю ваше недовольство. Еще бы: являются среди ночи непонятно кто, нарушают покой, требуют к себе внимания. На самом деле нам достаточно уголка в прихожей. У нас есть спальники, мы приляжем тут, прямо под дверью, а с рассветом покинем ваше жилище.

– Это не мое жилище, я тут такой же гость, как и вы, – возразила женщина. – Сразу видно, что вы издалека и ничего не слышали об этом доме. В противном случае вы бы ни за что не захотели оставаться под его крышей даже на час, не то что на всю ночь.

– Да, мы чужие в этих местах, – Стас склонил голову, делая вид, что он сильно удручен этим обстоятельством. – Иначе не попали бы в подобную передрагу. Но я уверен, что вы не чужды христианского милосердия и не позволите нам замерзнуть на пороге.

Ася никогда не слышала, чтобы Стас выражался подобным образом, но, похоже, ему удалось расположить к себе хозяйку.

– Хорошо, – немного помедлив, согласилась она, – я пущу вас переночевать в холле. За последствия не отвечаю. Только лыжи оставьте, пожалуйста, снаружи.

И она на шаг отступил, впуская гостей в дом. Холл, в котором им был обещан ночлег, начинался сразу от входной двери и был неприветливым и холодным. Осмотревшись, Ася обнаружила большой камин. С двух сторон от него возвышались канделябры в человеческий рост. Легкой походкой,

словно она не переступала ногами, а летела над полом, хозяйка (несмотря на ее заверения в обратном, Ася мысленно продолжала именовать ее так) скользнула к канделябрам и зажгла свечи.

Стало чуть-чуть уютнее, но ненадолго – уж очень грустный запах стоял в холле. Запах одиночества, заброшенности. Так пахнет в домах, где долгое время никто не живет.

Хозяйка тем временем скользнула к двери, ведущей в глубь дома. Откуда-то в ее руке появилась довольно увесистая связка ключей. Звякнул металл, проскрежетал замок, отрезая вход в остальные комнаты.

– Ну, все, – заявила женщина. – Я уйду. У вас еще есть время передумать. Я бы не советовала тебе, – взгляд ее глаз был устремлен на Асю, – ночевать здесь.

– Но почему? – впервые за время, что они находились в доме, вымолвила Ася.

– Старожилы этих мест говорят, что дом проклят. Ни одна женщина, которая провела хотя бы одну ночь под его кровом, не прожила после этого больше трех лет.

– Но почему? – снова промямлила Ася, позабывшая все слова русского языка, кроме этих двух.

Вопрос остался без ответа, – как была, в одном платье, с жирандолью в руке, женщина толкнула входную дверь и исчезла. Еще несколько мгновений с улицы доносился звон хрусталя, а потом все стихло.

– И долго будешь столбом стоять? – вывел Асю из состояния ступора раздраженный голос Стаса. – Давай стелиться. Похоже, кормить и согревать нас никто не собирается, будем довольствоваться тем, что есть.

Он стащил перчатки, сбросил рюкзак, пощупал стены, пощелкал пальцами по латунной дровнице с аккуратно сложенными поленьями, присел на корточки и заглянул под забрало рыцарю, гордо держащему в руках кочергу. Подошел к декоративному резному панно на стене напротив камина и восхищенно поцокал языком.

– Ась, глянь, красота какая!

Панно и вправду было очень красивым. На причудливо изогнутых ветвях, среди листьев, вырезанных так искусно, что была отчетливо видна каждая прожилка, прохаживались птицы. Клювы их были открыты, тонкие горлышки вытянуты и напряжены. Создавалось впечатление, что птицы живые, и только из-за какого-то досадного недоразумения холл не наполняют их звонкие голоса. Ася прикоснулась к дереву, и иллюзия жизни растаяла. Оно было холодным и мертвым. Откуда-то из переплетения ветвей тянуло сквозняком. Она отдернула руку, а тем временем Стас,

обладающий более грубой душевной организацией, обследовал пальцами край панно.

– Эта штукавина тут неспроста, – заметил он, и тут же, подтверждая его слова, внутри стены что-то щелкнуло. Резное украшение оказалось не чем иным, как дверью.

– Я же говорил!

– Стас, что ты делаешь?! – вскрикнула Ася, возмущенная таким бесцеремонным посягательством на чужое добро.

– Да это шкаф! – сказал Стас, открывая дверь. – Пустой. Ни одного скелета! А ты боялась.

Шкаф, задняя стенка которого представляла собой старое запыленное зеркало, действительно был пуст.

Стас нажал на дверь, и она с тихим щелчком стала на место. Оглядевшись по сторонам в поисках места для отдыха, он направился к небольшой оттоманке, которая вместе с очагом, канделябрами, рыцарем, дремавшей в углу вешалкой с ветвистыми рогами и маленьким столиком для сумок и корреспонденции составляла все убранство прихожей.

– М-да, диванчик подкачал, – сказал Стас, пощупав обивку, – даже не знаю, как лучше – на нем или на полу.

Ася подошла поближе, коснулась пальцами ткани. Это был бархат необычно глубокого ультрамаринового оттенка, отсыревший и кое-где взявшийся пятнами плесени.

– Пожалуй, лучше на полу, – согласилась она.

Для ночевки на снегу у них в арсенале имелись легкие, практически невесомые спальники. Через мгновение Стас уже расстелил оба спальника, пододвинул столик, смахнув рукавом пыль, положил на столешницу пачку галет, поставил термос с чаем и две пластиковые кружки. Затем стащил ботинки, уселся, вытянув ноги, и застонал от удовольствия.

– Здорово-то как, Аська! Всего-то лыжи снял, а ощущение... – Он замолчал, подбирая слова, но, очевидно, приходящие на ум выражения были слишком слабы, чтобы передать состояние охватившего его восторга, поэтому он предпочел оставить слова при себе.

– Садись! – Стас приглашающе похлопал по спальнику. – Сейчас мы с тобой врежем по чайку! Врежем?

Молчание спутницы волновало Стаса. Не хотелось ему связываться с ней, ведь знал, что из всех знакомых баб Аська – самая неподходящая кандидатура. Мало того, что доходяга, так еще и мнительная до безобразия. Как что в башку взбредет или кто скажет что не то – считай, всё пропало. Вот как сейчас эта бабка с ее бреднями. Теперь будет всю ночь себя

накручивать, и какой после этого с нее ходок? И так отстают от графика. А все Ритка! Асю возьмем, Асю! Вот и взяли. На фига, спрашивается? А ведь когда-то он был в нее влюблен. С третьего класса их дразнили женихом и невестой. И мать подливала масла в огонь. Асечка то да Асечка се, цветочек экзотический. Ага, цветочек! Агава бледно-зеленая, – Стас вспомнил любимый Асин цветок. – Вот Марго – на самом деле цветок. Редкостный. Из тех, что питаются доверчивыми мошками, прельщенными их красотой. Со Стасом они – одного поля ягода, а Ася...

Она продолжала стоять, будто статуя в греческом зале. Что бы такое сделать, чтобы она немного расслабилась? Способа у Стаса было всего два. Первый – накатить по соточке. Но сейчас это невозможно – спиртного он с собой не взял и теперь пожалел об этом. Придется воспользоваться вторым, благо для этого, как говорится, все под рукой.

Стас встал, подошел к своей спутнице и, приобняв ее за талию, осторожно усадил на спальник.

– Чаю? – улыбнулся он одной из самых обворожительных своих улыбок, устраиваясь рядом.

Она сосредоточенно кивнула и спросила:

– Как думаешь, это правда, насчет проклятия?

– Дурочка ты моя сентиментальная! – Стас обнял Асю, притянул к себе.

– Думаешь, она нас пугала? Но зачем?

Договорить она не смогла, губы Стаса прижались к ее губам, его рука скользнула ей за пазуху.

На мгновение Ася застыла, не веря в происходящее, а потом попыталась оттолкнуть Стаса. Чувствуя сопротивление, он отбросил все свои учтивые манеры. Движения стали грубыми, руки, стягивающие комбинезон, казалось, сдирали кожу. Ася почувствовала, что задыхается. Извиваясь всем телом, она сумела высвободить одну руку. И вцепилась Стасу в волосы, пытаясь оттащить от себя.

– Дура, больно! – взвыл он.

Приток кислорода и радость от маленькой, но все-таки победы прибавили Асе сил, и, схватив первое, что попало под руку, она изо всех сил ударила ухажера по голове. Раздался оглушительный хруст. «Боже, я проломила ему череп!» – с ужасом подумала Ася и зажмурилась.

– Чокнутая ты все-таки, Аська! – донесся до нее возмущенный голос Стаса. – Ты ведь когда-то этого хотела. Признайся! Хотела?

Трупы не ругаются, и Ася, открыв глаза, тупо уставилась на смятую пачку галет. Вспышка ярости потихоньку уходила, уступая место

раскаянию. А если бы ей под руку попался термос? Ведь она могла убить Стаса!

Возмущенно сопя, Стас налил чаю, отобрал у Аси злосчастную пачку, вытащил две галетины, положил сверху на Асину кружку (как покойнику – отметила она) и шумно отхлебнул из своей. Разговаривать не хотелось. Кто ее знает, эту чокнутую, еще расскажет все Ритке. Но, бросив раздраженный взгляд на Асю, вцепившуюся в кружку, понял – не расскажет. А еще понял, что Марго заранее просчитала ситуацию, потому и подсунула ему сестричку. Знала, что она ничего такого не позволит. Вот змеиная семейка! Отхлебнув еще глоток чаю, Стас засунул в рот сразу две галетины и заглянул в пачку – все остальные от столкновения с его головой превратились в обломки. Выуживать их по одному было лень, поэтому Стас запрокинул голову и вытряхнул в рот содержимое пачки, запив все это хорошим глотком чая. Покончив с довольно скромным ужином, он влез в спальник и, демонстративно повернувшись к Асе спиной, оставил «родственницу» наедине с ее фантазиями.

Асе же спать абсолютно не хотелось. Буквально заставив себя съесть галеты, она сидела, обхватив кружку обеими руками. Кружка была невысокой, округлой, умиротворяюще теплой, Асе казалось, что если она выпьет чаю, это тепло исчезнет и сразу станет холодно. И страшно. Хотя скоро ей все равно стало страшно. Вопреки уверениям синоптиков, за окном разыгралась настоящая буря. Деревья стучали промерзшими сучьями по стенам, будто умоляя пустить их погреться, ветер выл и швырял в окна пригоршни снега. А еще наверху, прямо над головой, кто-то ходил, и шаги эти, медленные и тяжелые, заставляли сердце сжиматься от страха. Не выдержав, Ася потрясла Стаса за плечо.

– А? Что? – вскинулся он спросонья и, разглядев напуганную Асину физиономию, недовольно проворчал: – Ну что тебе еще?

– Шаги! Слышишь? Наверху кто-то ходит!

– Кто-то ходит! – передразнил ее Стас. – Да бабка тутошняя и ходит. Ты что, думала, она в деревню почесала в одном платишке и без валенок? Да? Тут, небось, рядом черный ход, она по нему и прошла в дом, а тебе дурочке лапши на уши навешала, чтобы ты сидела смирно и не рыпалась, по дому не шарилась. Все. Я спать, а ты как знаешь. До рассвета всего ничего осталось. В шесть подъем, завтрак – и вперед, заре навстречу. Ты забыла, что у нас на кону? – И он снова повернулся к Асе спиной.

Однако Асино беспокойство все-таки передалось ему. Бормоча под нос что-то вроде «с кем поведешься», он вылез из спальника, забаррикадировал закрытую дверь с помощью оттоманки, вешалки и столика и с чувством

выполненного долга улегся на место.

Ася тоже легла, закрыла глаза, но сон не шел. Тяжелая, размеренная поступь никак не вязалась в ее представлении с легкими, скользящими шажками хозяйки. Та, казалось, вообще не касалась ногами земли, а этот кто-то мерял комнату у них над головой тяжеленными шагами, будто не человек это был вовсе, а статуя Командора, явившаяся на званый ужин. Потом наверху скрипнуло то ли кресло, то ли диван, и шаги прекратились. Ася со страхом вслушивалась в звуки дома, но они, если и были, заглушались бесчинством пурги за окном, и страх потихоньку ослаб, уступая место сну.

– Может, хватит спать, принцесса в спальном мешке? – сквозь сон донесся до Аси голос Стаса.

Она открыла глаза, зябко потянулась. В комнате было темно – свечи догорели и погасли.

– Пора? – спросила Ася.

– Пора, пора, – проворчал Стас. – Ну ты и спишь! Наверное, можно из пушки палить – не разбудишь! Уже с полчасца хожу, баррикаду разобрал, дверь откопал – знаешь, сколько за ночь снега намело! Завтрак накрыл, а ты все дрыхнешь.

Возле Асиного спальника и впрямь стояла чашка, накрытая, как и вечером, двумя галетинами.

Ей хотелось попросить Стаса не класть так печенье, но не было никакого желания нарываться на очередные колкости. Однако Стас почувствовал ее настроение, хотя истолковал его по-своему.

– Не куксись, у меня уже у самого эти галеты во где стоят, – он провел большим пальцем поперек горла. – Через два часа будем готовить обед. Примус запалим, каши сварим. Будешь кашку?

– А где можно умыться? – не поддержала тему она.

– Извините, – Стас в шутовской манере раскланялся, – удобства у нас нонче во дворе. Умываемся снежком.

Ноги, руки, спина – все тело ныло от усталости и молило об отдыхе. Ася с трудом добралась до входной двери, открыла ее и ахнула. За порогом расстилалось искрящееся покрывало, окрашенное восходящим солнцем в розовый цвет. Воздух, сухой и морозный, был таким свежим, что его хотелось пить вместо наверняка уже остывшего чая с галетами.

Наскоро умывшись и позавтракав, они отправились в дорогу. Оказалось, что дом, в котором они ночевали, обнесен забором с широкими воротами, которые почему-то оказались открытыми. С левой стороны на заборе висела табличка с лаконичной надписью: «Продается» и номером

мобильного телефона.

– Интересно, сколько стоит такой дом? – спросил Стас.

Асе интересно не было, и она лишь пожала плечами. Но Стас, который после возвращения домой твердо решил заняться улучшением своих жилищных условий, вытащил мобильный и занес номер в телефонную книгу.

– Вдруг пригодится, – прокомментировал он свои действия.

Ася обернулась и посмотрела на дом. Окна первого этажа были забраны ролетами, отчего казалось, что дом крепко спит. «Как-то нехорошо уходить вот так, молча, не попрощавшись, не поблагодарив за ночлег», – подумала она, и в этот момент внимание ее привлекло какое-то движение в окне второго этажа. Неясная тень мелькнула и скрылась за тяжелыми портьерами. Хозяйка? И, стянув перчатку, Ася помахала рукой, прощаясь с домом и его обитателями...